

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

**Посвящается памяти
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора
Мальцева Геннадия Васильевича**

Белгород, 2024

ББК 67+66.02
УДК 342
П 68

Рецензенты:

профессор Аристов Е.В. (Пермь)
профессор Куксин И.Н. (Москва)
профессор Туранин В.Ю. (Белгород)

Ответственный редактор –
профессор Мархгейм М.В.

П 68 Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития : Материалы международной научно-теоретической конференции – XI Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Белгород, 26-27 апреля 2024 г.). – Белгород, 2024. 282 с.

ISBN 978-3-98939-028-7

В данном издании систематизированы статьи участников XI Международной научно-теоретической конференции («Мальцевские чтения» – 2024), ежегодно проводимой в апреле в знак уважения и памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича.

Материалы адресованы научным и практическим работникам, аспирантам, магистрантам, иным обучающимся, а также всем, кто интересуется теоретическими и практическими проблемами юриспруденции.

ISBN 978-3-98939-028-7

СОДЕРЖАНИЕ

Тонков Е.Е.	ПРАВСТВЕННОСТЬ В ПРАВЕ: ВОЗМОЖНОСТЬ И РЕАЛЬНОСТЬ	8
Носов С.И.	ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЧЛЕНА- КОРРЕСПОНДЕНТА РАН Г.В. МАЛЬЦЕВА: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ	15
Мархгейм М.В.	ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ: АККОРДЫ ДИАЛЕКТИКИ	23
Беляева Г.С.	ПРАВО НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК КОМПЛЕКСНАЯ ОТРАСЛЬ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	30
Нифанов А.Н.	КОНСТИТУЦИОННЫЙ КАРКАС МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДВУХ ЮБИЛЕЕВ	33
Новикова А.Е. Киреева Ж.Н.	ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ	38
Понкин И.В.	К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ ПОДГОТОВКЕ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ	44
Сафронова Е.В.	О ПОПРАВКАХ К МЕЖДУНАРОДНЫМ МЕДИКО-САНИТАРНЫМ ПРАВИЛАМ 2005 г., ПРИНЯТЫМ НА 77 СЕССИИ ВСЕМИРНОЙ АССАМБЛЕИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ	49
Стус Н.В. Намитокоев Ю.А.	ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ КАК БАЗИС ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	53
Баган В.В.	ПРОБЛЕМАТИКА ЦЕРКОВНО- ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СРЕДИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КАНОНИСТОВ КОНЦА XIX В.: К ИСТОРИИ ОДНОЙ ДИСКУССИИ	65
Богатырев М.Р.	ПОНЯТИЕ И ПРИРОДА ЭКСТРАОРДИНАРНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	71
Дегтярев М.В.	ЧТО ДЕЛАЕТ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ ТЕОРИЮ ТЕОРИЕЙ? НА ПРИМЕРЕ ТЕОРИИ ИННОВАЦИОННЫХ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ	74

Никонова Л.И.	КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИНДИКАТОРЫ МЕХАНИЗМА СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ В РОССИИ	80
Чаплицкий Ф.Ф.	ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	86
Эйриян Г.Н.	ИНТЕГРАЦИЯ БЕСПИЛОТНИКОВ В ЕДИНОЕ ВОЗДУШНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ	91
Гелуненко В.В. Лицавкин М.Ю.	СТАТУСНО-ДИСКРЕЦИОННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	98
Мизиева С.И.	ТИПОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	103
Нгатею А.Ш. П.	ПРОБЛЕМЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД АФРИКАНСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И НАРОДОВ	106
Агарков Д.Е.	ДЕФИНИТИВНЫЙ РАКУРС ЕДИНСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	111
Аль Талабани М.А.	ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	115
Андреев Д.Р.	КОНСТИТУЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИИ	118
Артыков Д.З.	КОНСТИТУИРОВАНИЕ АМНИСТИИ: ОПЫТ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ	124
Бархатов Е.Д.	МУЖЧИНА КАК СУБЪЕКТ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ	129
Бойченко Е.М.	КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	134
Бутов А.Ю.	ВАРИАТИВНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ О НАРОДАХ РОССИИ	141

Волобуев М.А.	КОНСТИТУЦИОННЫЕ НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ	144
Гаврилина Т.А.	ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНСТИТУЦИОННО- СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917-1990 ГГ.)	147
Гафуров Д.В.	КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН: ВЕРСИИ СОДЕРЖАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ	153
Гучинова Л.А.	ПРИНЦИП ЯЗЫКА СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИЙ	160
Игнатов Д.А.	К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИИ «БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»	167
Киреев К.П.	КОЛЛЕКТИВНЫЕ СУБЪЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ФУНКЦИИ НАБЛЮДЕНИЯ	172
Мокроусова К.А.	ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ОТДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СЕВЕРНОГО ЗАВОЗА	177
Полякова М.Н.	ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ ФЕДЕРАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОПОНИМАНИЯ: АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ XIX-XX ВЕКОВ	182
Темникова Н.В.	АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	189
Титов А.А.	ОСОБЕННОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ СВОБОДЫ САМОВЫРАЖЕНИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ	196
Трапезников А.И.	ПРИЗНАКИ «ДРОБЛЕНИЯ» БИЗНЕСА	201
Шамаева К.В.	ПУБЛИЧНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СТРУКТУРИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-СТАТУСНОЙ МОДЕЛИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	205

Шатерникова К.А.	КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ИМПЕРАТИВЫ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ	213
Шерстнев В.Н.	МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЕЕ ЮРИДИЧЕСКИЙ АКЦЕНТ	217
<i>СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ПЕРО</i>		
Алексеева Ж.Д.	ДОГОВОРНАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛОРУССИИ	224
Богданов И.А.	ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОРГАНА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	228
Гераськин М.Г.	НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРИНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИТУАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ	233
Дернова С.А.	КОНТРОЛЬ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В ОРГАНАХ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	240
Колоскова Д.А.	К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ОБРАЩЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	244
Крапивина Ю.С.	ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ	249
Куш А.А.	ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ	254
Моисеева А.Э.	ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЦИРКОВОГО ИСКУССТВА	258
Новикова В.В.	ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН НА ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПОРТАЛЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ СИСТЕМАМ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ	264

Рядинская М.Н.	ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН В ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПУБЛИЧНУЮ ВЛАСТЬ	270
Свищёв А.А.	ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОРЯДКА РАБОТЫ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ	274
Советкина А.А.	КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ПОВОДУ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН	278

Тонков Евгений Евгеньевич,
директор юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Белгород, Россия)

ПРАВСТВЕННОСТЬ В ПРАВЕ: ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются основные причины рассогласования морали и права как форм общественного сознания, определяются возможные направления повышения роли нравственных начал в совершенствовании действующего законодательства, приводятся аргументы в пользу вывода о том, что в настоящее время наличие в содержании юридической нормы этического компонента как морального обоснования ее справедливости не является обязательным, хотя и может подразумеваться.

Ключевые слова: нравственность, право, государство, власть, личность, общество, насилие, свобода, безопасность

«Если общие черты морали и права указывают на их принадлежность к единой соционормативной сфере культуры, широкому миру нравственных явлений, то различия, в каком бы количестве они нам не представлялись, образуют тот необходимый материал, на котором можно возводить концептуальные построения относительно самостоятельности и специфики данных нормативно-регулятивных систем» (Г.В. Мальцев) [1, с. 182].

Выдающийся российский правовед и мыслитель Геннадий Васильевич Мальцев был убежден, что «изучение морали и права следует начинать не с них самих, а с предварительного исследования сущностных, структурных и функциональных проблем соционормативной культуры общества» [1, с.183].

Достаточно распространенным является представление о том, что мораль и право в своем появлении и последующем развитии несоизмеримо далеко располагаются во времени. Безусловно, что мораль зарождается существенно ранее, чем право. Горизонт ее формирования как способа социальной регуляции находится за пределами первых государственных образований, тогда как, по словам Г.Ф. Шершеневича, «право есть функция государства, и потому логически оно немислимо без государства и до государства» [2, с. 310].

Аккумулируя в себе разнообразные и специфические механизмы управления человеческим поведением, нравственная регуляция на протяжении тысячелетий служит постоянно развивающимся симбиозом предписаний (мононорм), обеспечивающих функционирование догосударственного общества. С возникновением государства и права роль нравственной регуляции существенно снижается, уступая место официально закрепленным (узаконенным) правилам поведения. При этом нравственный компонент норм права (в первую очередь, справедливость), хотя и декларируется политико-правовыми документами, но не обладает реальным, воплощенным в отраслевом законодательстве, признаком атрибутивности. Более того, по мере укрепления государства в качестве аппарата насилия оценочно-предписательные очертания «добра» и «зла» приобретают расплывчатый характер, подверженный «веерным» изменениям в зависимости от потребностей государственной воли. Включение в содержание юридической нормы этического элемента как морального обоснования ее справедливости не является обязательным и вовсе ретушируется по мере нарастания присутствия государства в жизни общества (так называемой «избыточности государства»), хотя и может подразумеваться.

По верному замечанию Н.А. Власенко, «избыточность государства, как следствие, ведет к избыточности права, правового регулирования, что подавляет правовые принципы (начала) права и особенно принцип достаточности и баланса между ним и феноменом пробельности как смысла современного правотворчества» [3, с.121].

В результате возникшие из нравственно-юридического своеобразного симбиоза нормы морали и права с позиции разделяемого нами позитивистского подхода начинают постепенно изолироваться друг от друга на уровне идеального и фактического измерения окружающей действительности и подчас диаметрально противоположного оценивания происходящих событий.

Нельзя не отметить, что искренне почитаемый нами Г.В. Мальцев придерживался иного мнения, подвергая жесткой критике «панюридизм» позитивистского происхождения (Г. Кельзен, Г. Харт) и «принципиальный отказ законодателя юридически усиливать моральные установки» [1, с.182]. На наш взгляд, право обусловлено сложно организованной системой социальных связей, в которой происходит непрерывное появление все новых аспектов, в связи с чем приоритетный подход заключается в комплексном взгляде на междисциплинарные проблемно-ориентированные формы исследования. Вследствие этого возникают предпосылки для исчезновения разделительных

линий в предметно-содержательном сочетании нравственности и права в юридической норме.

Безусловно, следует согласиться с Г.В. Мальцевым, что «право никогда не бывает всего лишь инструментом в руках государства, оно по сути должно нести некий «высший план» общественного развития, предначертанный правопорядок, по отношению к которому государство и его управление, в свою очередь, выступают в инструментальной роли, т. е. являются средствами его достижения, постоянно корректируемыми по юридическим схемам» [4, с. 29].

Осознание личностью своего субъективного права нередко инициирует противодействие по отношению к несправедливости и попытку восстановить нарушенные права. Субъективное право, выступая в качестве аксиологической детерминанты взаимоотношений государства и личности, формирует самооценку гражданина и (одновременно) – оценку ее со стороны общества. В нем, как в зеркале, отражаются представления человека о своих нравственных идеалах и их признанности социумом – как отдельными лицами, социальной группой, обществом в целом, так и государством. В нем же экстраполируются представления человека о комплексе своих обязанностей, ибо только через данный симбиоз в полной мере может сложиться представление о ценности личности как субъекте правовых отношений.

Немецкий правовед Р. Алекси выделяет три понятия действительности права: социологическое, этическое и юридическое [5, с.105]. По его мнению, этическое понятие действительности означает моральную оправданность нормы, а в понятие юридической действительности входит и этический элемент в виде морального обоснования.

Именно поэтому история развития общества во многом сопровождается отстаиванием человеком законодательного закрепления своих прав и свобод, по сути, их юридизации. В современной России наблюдается существенный разрыв между уровнем развития правовой науки в целом и уровнем развития отраслевого законодательства в частности, от чего в значительной мере зависит не только состояние вертикальных и горизонтальных государственных связей, но и само состояние защищенности человека и гражданина.

Основополагающие естественно-правовые идеи, адаптированные к современному устройству общества, способствуют признанию государством прав и свобод личности как магистральной, стержневой ценности всех существующих правоотношений. Личность наделяется возможностью выступать полноценным субъектом права, а государство принимает на себя обязательство реализации данного права и его охраны от посягательств третьих лиц, а

также обеспечение уважительного отношения к населению и его нравственным притязаниям, в том числе, и со своей стороны.

Равные возможности в обеспечении реализации прав и свобод человека служат показателем соблюдения государством субъективного права личности. При этом процесс конституционного обеспечения реализации субъективного права включает совокупность норм, способов, средств и процедур, способствующих его воплощению с учетом объективных социально-экономических и политических условий и формирующих системную устойчивую нравственно-правовую аргументацию.

Нарушение или несоблюдение в государстве личных прав и свобод человека и гражданина, в частности, гарантий субъективного права гражданина, его безопасности обуславливает правовую незащищенность населения, подрывает авторитет власти и вселяет неуверенность в возможность государства способствовать поддержанию правопорядка в обществе. В такой ситуации человек перестает ценить и уважать право в силу того, что не видит в нем опору и надежный гарант соблюдения своих прав.

Мы не можем и не должны игнорировать тот факт, что нередко публичные и частные интересы не могут признаваться тождественными. Однако поиск баланса между ними и компромиссных решений, порождающих наименьшие негативные последствия, составляют одну из приоритетных задач конституционного государства. Процессы глобализации постепенно вовлекают в свою орбиту все цивилизованные страны. Именно поэтому концепция конституционных ценностей государства и отдельной личности может служить важным инструментом сохранения национальной идентичности, развития собственного суверенитета и конкурентоспособности и, одновременно, – надежным барьером на пути упрощенных и поверхностных взглядов на роль и значимость в государстве общественных институтов.

Как отмечает А.Ф. Черданцев, «Конституция Российской Федерации предусматривает идеологический плюрализм, однако в обществе так или иначе господствует какая-то одна идеология – идеология господствующего класса» [6, с. 5].

При фактической диффузии государства в самоуправляемые структуры, символизирующие гражданское общество, становится все более иллюзорной граница, разделяющая государство и право. В результате этого облик мифа приобретает и само понятие справедливости права, его нравственного содержания. Нравственность начинает измеряться государственной целесообразностью. То, что еще вчера могло казаться абсолютно безнравственным, неожиданно узаконивается юридической нормой в соответствии с новыми задачами государства, обретая тем самым

иную, освященную законодателем, смысловую нагрузку, а, следовательно, нравственную окраску. Данная тенденция сформировалась не в современный период и, конечно же, не в отдельно взятой стране. Она характерна для любой цивилизации, с момента создания протогосударственных образований.

На протяжении тысячелетий многие выдающиеся мыслители – от Платона до Маркса – создавали свои утопические теории и Города Солнца, веруя, что нравственность и право когда-либо сольются в гармонии на благо человечества, а государство и вовсе исчезнет. Сакрализация нравственности, искренняя вера, что исповедуемые ею заповеди и постулаты добра – это дар Божий, безусловно, способствуют совершенствованию моральных качеств личности. Однако весь прогресс человеческого бытия связан именно с забвением требований нравственности в содержании норм права.

По утверждению известного историка тоталитаризма Х. Арендт, «власть не нуждается в оправдании, составляя неотъемлемый элемент самого существования политических сообществ» [7, с.61].

Естественно-правовые теории, основанные на нравственном понимании смысла жизни, всегда только мешали правителям осуществлять свои планы по наиболее рациональному и эффективному (с их точки зрения) управлению населением. Поэтому право, как бы прискорбно это не звучало, услужливо подстраивалось под государственные задачи, то и дело изменяя своей «неприступной» догме в соответствии с государственной волей, покорно «возводя ее в закон», как об этом прозорливо напоминал нам главный идеолог коммунизма.

По словам М. Вебера, «государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство» [8, с.646].

Современные, весьма противоречивые тенденции в различных сферах жизни и взаимодействия мирового сообщества, отягощенные геополитическими вооруженными конфликтами, не могут не находить своего отражения в праве, которое является универсальной системой нормативного регулирования социальных процессов. Потребности, цели, интересы и мотивы государства и общества, как участников процесса правового регулирования, нередко находятся в противоречии, но в то же время они взаимно обусловлены. На самом деле, цель правового регулирования фактически опосредована множеством целей и интересов субъектов правоотношений, зависит от них. Вот почему государство стремится, в том числе, и с помощью насилия, не только консолидировать их и привести в соответствие запросы правящей

элиты с общественными потребностями, одновременно обеспечив на максимально возможный срок удержание власти и ее легитимацию с помощью правового, а не нравственного инструментария.

Однако роль нравственности при этом также нельзя недооценивать. Соответствие целей государственной деятельности общественному идеалу потребностей, интересов, мотивов участников общественных отношений, урегулированных нормами права, представляет собой важнейшую нравственную характеристику процесса правового регулирования. Чем адекватнее выглядит это соответствие, тем более справедливым воспринимается населением процесс правового регулирования.

Как нам известно из школьного курса «Истории древнего мира», мифологическое сознание проявлялось наиболее заметно в период догосударственного общества, однако феномен мистификации остается вполне востребованным и сегодня. В первую очередь, мы имеем в виду поддерживаемый на государственном уровне миф о независимости права и его способности влиять на принимаемые властью решения от имени народа. На деле все происходит ровно наоборот. Право лишь оформляет возникшие у правящей элиты идеи переустройства жизни общества, облакая их в форму законности и придавая им характер легитимации.

А.Ф. Косарев справедливо называет мифом «словесное выражение той психической реальности, которую человек созерцает в измененных состояниях сознания и которая для него ничуть не менее реальна, чем окружающая его в обычных условиях физическая реальность» [9, с. 131]. Право в данном случае выполняет функцию механизма создания такой иллюзии, причем не всегда в достаточно изящной интерпретации.

Нередко законность и правопорядок воспринимаются населением не как выгодные и единственно возможные условия цивилизованного общественного устройства, а как навязанные государством обстоятельства, которые ограничивают свободу граждан и которые надо преодолевать или уклоняться от них. В общественном сознании образ государства присутствует в двух измерениях – фактическом, где отсутствуют законность и справедливость, и зазеркальном, в котором витают идеи добра и общечеловеческих ценностей.

По нашему мнению, правовое регулирование должно основываться не на поддержании веры общества в мифический образ государства всеобщего благоденствия, а на создании платформы (матрицы) конструктивного взаимодействия всех органов, отвечающих за социально-экономическую политику, средств массовой информации, религиозных и общественных структур, нормативно-управленческого ее обоснования.

Приоритетной задачей является достижение консенсуса с гражданским обществом по вопросу о том, что победить произвол бюрократического аппарата возможно, однако причины его эскалации лежат в социальных проблемах, поэтому государство должно выступать в качестве непосредственного и заинтересованного координатора их решения.

В свою очередь, в современной ситуации противостояния с коллективным Западом граждане страны обязаны выполнять свой долг перед обществом и защищать интересы государства. Вольно или невольно им приходится мириться с установленными государством правовыми ограничениями, так как закон, мораль, общечеловеческие ценности имеют приоритет и должны господствовать в демократическом обществе. Реализация права на свободу в особых условиях налагает и особые обоюдные обязательства государства и общества и именно поэтому может быть ограничена в тех пределах, в которых этого требуют интересы обеспечения безопасности государства, защиты общественной нравственности, здоровья, прав других граждан.

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008.
2. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911.
3. Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей. М., 2023.
4. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007.
5. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Пер. с нем. Москва-Берлин. 2011.
6. Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10.
7. Арендт Х. О насилии / Пер. с англ. М., 2021
8. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
9. Косарев А.Ф. Философия мифа. М., 2000.

Носов Сергей Иванович

профессор кафедры конституционного права
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Москва, Россия)

ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН Г.В. МАЛЬЦЕВА: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Аннотация. В статье отмечается, что право в современный период находится на пороге существенных перемен под влиянием технологического фактора. Вызовом праву является его новая роль в информационном обществе. Цифровизация представляет собой сложный многофакторный процесс, не только облегчающий жизнь людей в самых разных сферах, но и создающий новые, ранее неведомые риски и угрозы. Это обуславливает необходимость формирования принципиально новых правовых подходов, правовых норм, требующих адекватного реагирования на новые риски и вызовы (новые виды правонарушений, новые виды манипуляции общественным мнением и другие). Происходит переосмысление базовых правовых категорий, до недавнего времени считавшихся стабильными и устоявшимися. Испытывают своего рода «проверку на прочность» такие классические понятия как субъект и объект права, правовые отношения. На правах новых нетипичных субъектов и объектов права появляются новые – такие как искусственный интеллект, распределенные сети. Нынешний инструментарий права, вступающий в противоречие с радикально меняющейся технологической ситуацией. В будущем подходы ко многим устоявшимся правовым категориям, казавшимся в течение многих лет классическими и незыблемыми, могут претерпеть изменения. Юридическая наука должна четко отслеживать новые тенденции в развитии общественных отношений и своевременно вырабатывать адекватные механизмы реагирования.

Ключевые слова: развитие права, юридическая наука, теория правоотношений, информационные технологии, цифровизация, искусственный интеллект, смарт-контракты

«Конечно, уверенный взгляд в будущее человек обретает в результате действия многих благоприятствующих факторов, но политика благососто-

яния и соответствующие меры, проводимые государством, имеют с этом отношении преимущественное значение» (Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 260).

Социальное регулирование носит многофакторный характер, в котором различные виды регулирующего воздействия могут проявлять себя по-разному. В науке отсутствует ясное понимание того, каким образом связаны между собой и какое воздействие оказывают друг на друга различные виды регулирования. В общем потоке «упорядочивающего движения» в социальном регулировании действие отдельных регуляторов остается как бы «за кадром», а складывающиеся общественные связи и общественный порядок являются результатом действия всех или большинства регулирующих факторов.

Очевидно, что проблемы в правоприменительной практике далеко не всегда обусловлены несовершенством правовых норм. Причины могут быть не только и не столько в праве, сколько находиться в области интересов, потребностей, желаний, идеологических установок. В связи с этим представляется верным высказываемое в юридической литературе мнение о том, что бесконечное внесение изменений в законодательство нередко служит лишь прикрытием ухода от более глубоких проблем путем создания видимости их быстрого решения.

До каких пределов может развиваться право в стремлении урегулировать все новые и новые пласты общественных отношений? Возможно ли определить такие пределы вообще? Какое будущее ожидает нормативно-регулятивные системы? Претерпят ли изменения нормы различных ценностно-регулятивных систем? Каковы роль и место правовой нормы в системе других социальных регуляторов?

В поисках решения возникающих правовых проблем наряду с новыми подходами представляется важным опираться на богатое научное наследие выдающихся российских ученых, к числу которых, несомненно, относится член-корреспондент РАН Геннадий Васильевич Мальцев.

Многие его работы являются актуальными и сегодня, они содержат благодатную почву для дальнейших научных исследований.

Свидетельством этого является то, что как показывает анализ научных публикаций, ни одно серьезное научное исследование (будь то научная статья или монография), подготовленные по проблемам понимания права, социальных и нравственных оснований права, культурных традиций права, многим другим правовым проблемам не обходятся без обращения авторов этих публикаций к работам Г.В. Мальцева.

Научные исследования Г.В. Мальцева отличаются фундаментальностью, особой правовой культурой. Им было опубликовано около 200 научных работ. Сегодня немало авторов, у которых 300, 500 и более публикаций. Геннадий Васильевич никогда не ставил перед собой цель опубликовать как можно больше работ, но он всегда стремился исследовать глубинные проблемы права и делал это очень основательно. Он подготовил 15 монографий, среди которых такие крупные научные труды как: «Социальная справедливость и право» (1977) [1], «Понимание права. Подходы и проблемы» (1999) [2], «Развитие права: к единению с разумом и наукой» (2005) [3], «Социальные основания права» (2007) [4], «Нравственные основания права» (2008) [5], «Бюрократия как правовая и моральная проблема» (2009) [6], «Месть и возмездие в древнем праве» (2012) [7], «Культурные традиции права» (2013) [8].

Высокая ценность научных работ Геннадия Васильевича состоит не только в том, что они носят характер завершенных исследований по актуальным вопросам права и государства, но и в том, что они ставят многочисленные проблемы, заставляют думать, искать варианты решения этих проблем.

Красной нитью через многие научные исследования проходят проблемы, связанные с будущим, с перспективами развития права и государства.

Так, в монографии «Развитие права: к единению с разумом и наукой» автор отмечает, что современный этап развития цивилизованных обществ характеризуется множеством процессов, объективно нуждающихся в расширении границ правового регулирования. Государство все чаще прибегает к созданию системных правовых норм и институтов в сферах, где ранее оно обходилось «поверхностными воздействиями». Во всем мире растет количество правовых актов в таких традиционно слабо регулируемых сферах как спорт, туризм, искусство, кино, информационное пространство.

В последнее время мы являемся свидетелями мощного рывка в развитии информационных технологий. Они охватили самые разные сферы жизни общества, в том числе и правовую.

Только по вопросам, затрагивающим различные аспекты цифровой экономики, приняты и внесены изменения в десятки законов, принято большое число актов Правительства РФ, актов министерств и ведомств.

Принят Федеральный закон, предусматривающий возможность дистанционного участия в судебных процессах посредством систем видеоконференц-связи и веб-конференции (речь идет о так называемом электронном правосудии). В 2023 году с использованием этих систем проведено соответственно в 550 тыс. и 600 тыс. судебных заседаний.

Активное внедрение информационных технологий, искусственного интеллекта, электронного правосудия – это то, к чему должна быть готова наша правовая система, государственные органы, наша юридическая наука.

В современный период особым ракурсом выявилась проблема соотношения и взаимодействия национальных и наднациональных механизмов прав и свобод человека.

С прекращением членства Российской Федерации в Совете Европы с 16 марта 2022 г. возникла новая реальность, связанная с выходом нашей страны из-под юрисдикции ЕСПЧ.

Были приняты федеральные законы, предусматривающие положения о том, что постановления Европейского суда по правам человека, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в Российской Федерации. Указанными федеральными законами внесены изменения в положения процессуального законодательства, касающиеся пересмотра судебных актов, принятых судами Российской Федерации, на основании постановлений ЕСПЧ.

В связи с выходом Российской Федерации из-под юрисдикции ЕСПЧ возник вопрос о том, каким образом следует относиться к решениям, выносимым этим судом?

Ответ на этот вопрос, вероятно, не должен быть сугубо однозначным и отрицательным. Представляется, что в целях совершенствования российской судебной практики изучение и анализ отдельных решений, выносимых Европейским судом по правам человека, несмотря на выход из-под юрисдикции решений этого Суда, могут представлять интерес. Выносимые этим судом решения условно могут быть поделены на 3 группы. К первой группе следует относить решения, содержащие положения, не противоречащие Конституции РФ, полезные для изучения, анализа и возможного учета в российской судебной практике. Ко второй группе относятся спорные решения, требующие анализа с точки зрения соответствия Конституции РФ и возможности учета в условиях российской правовой системы. К третьей группе следует относить решения, которые не могут быть применимы в условиях нашей правовой системы с учетом имеющей место политизации и их анти-российской направленности.

Г.В. Мальцев оставил в наследство нынешнему и будущим поколениям юристов множество научных идей и концепций.

Одним из ярких научных произведений является книга «Социальные основания права».

Несомненным достоинством работы является то, что в ней в развернутом виде представлен анализ структуры социального и правового регулиро-

вания их соотношения, взаимосвязи и взаимовлияния структурных элементов.

Автор справедливо указывает, что сбои в юридической практике далеко не всегда вызваны несовершенством законов и правовой системы. Далеко не всегда причины неудачного правового регулирования лежат в самом праве, точно также как и регулятивный успех права не принадлежит исключительно ему самому.

Работа содержит много проблемных вопросов, которые могут стать основой для дальнейших научных исследований.

Представляет большой научный интерес авторское видение особенностей социального регулирования, делением его на уровни и виды (факторное регулирование, нормативное и ненормативное регулирование, место правового регулирования в социальном факторном регулировании).

Исследуется роль в социальном регулировании различных форм обращений между людьми (просьбы, советы, рекомендации, пожелания и т.д.), особенно когда они высказываются лицами, облеченными властью (высказанные на заседании Правительства). По силе регулирующего воздействия они могут составить конкуренцию правовым нормам, а иногда и превосходить их.

Ряд работ Г.В. Мальцев посвятил проблемам суверенитета национального государства в процессе глобализации. Эти проблемы приобрели в настоящее время исключительную актуальность. Суверенные государства столкнулись с проблемой реального обеспечения и сохранения своего суверенитета. Государство становится все более уязвимым в современном мире. Это своего рода плата, обратная сторона процессов глобализации.

Парадоксально, но факт: чем более глубоким становится международное разделение труда, чем больше рисков это создает для суверенитета государства.

Наша страна это почувствовала на себе на примере пассажирских самолетов, когда стало выгоднее брать в лизинг иностранные самолеты, чем строить собственные. В условиях санкций оказалось, что мы не можем летать на самолетах иностранного производства и срочно возникла необходимость развития собственной авиационной промышленности. И такая ситуация характерна для многих других сфер нашей экономики.

Реальностью является то, что экономически более развитые страны все чаще пытаются навязать другим странам свои модели развития.

По-настоящему суверенных государств в современном мире очень немного, большинство политических режимов, считающих себя суверенными,

являются зависимыми от более крупных стран. То, что действительно происходит с современным государством, можно назвать эрозией суверенитета.

Г.В. Мальцев, как и другие ученые (например, профессор В.Д. Зорькин [9]) неоднократно подчеркивал, что национальные государства, основанные на единстве культуры, истории, традиций, образа жизни имеют важнейшее значение для будущей структуры глобального мира.

Г.В. Мальцев в своих работах говорит о необходимости поиска адекватных ответов на запросы информационной эпохи.

В современный период вызовом праву является его новая роль в информационном обществе. Цифровизация представляет собой сложный многофакторный процесс, не только облегчающий жизнь людей в самых разных сферах, но и создающий новые, ранее неведомые риски и угрозы. Это обуславливает необходимость формирования принципиально новых правовых подходов, правовых норм, требующих адекватного реагирования на новые риски и вызовы (новые виды правонарушений, новые виды манипуляции общественным мнением и другие).

Важно, чтобы правовая норма из регулятора, побуждающего и стимулирующего развитие общественных отношений, не превращалась в преграду, тормозящую такое развитие, что в условиях динамичного развития общественных отношений происходит нередко.

Высказываются предложения о необходимости алгоритмизации права [10]. В частности, предлагается процесс принятия федеральных законов в Российской Федерации осуществлять с помощью языка программирования в виде так называемых кодов. Вместе с тем, попытки представить право в виде алгоритмов связаны с неопределенностью механизма их реализации на практике.

В будущем, как представляется, подходы ко многим устоявшимся правовым категориям, казавшимся в течение многих лет классическими и незыблемыми, могут претерпеть изменения.

Происходит переосмысление базовых правовых категорий, до недавнего времени считавшихся стабильными и устоявшимися.

Некоторые ученые заговорили о том, что даже классическая теория права находится «под угрозой» воздействия новых информационных технологий.

В частности, испытывают своего рода «проверку на прочность» такие классические понятия как субъект и объект права, правовые отношения.

Как отмечается в юридической науке, в частности В.Н. Синюковым, «нынешний инструментарий права, построенный на категориях субъектов,

объектов правоотношений, юридической ответственности вступает в противоречие с радикально меняющейся технологической ситуацией» [11, с. 15].

На правах новых нетипичных субъектов и объектов права появляются новые – такие как искусственный интеллект, распределенные сети.

Создаваемые с использованием Интернета виртуальные отношения порождают проблему идентификации субъекта, которым все чаще выступает виртуальная личность или цифровой образ.

Субъект права в сети Интернет может быть вообще не идентифицированным. Это в принципе создает новую конструкцию, требует новых подходов к теории правоотношения без юридически значимой идентификации субъектов. И перечень таких проблемных вопросов можно продолжать.

Существенным образом изменяются и сами правоотношения. Вошло в практику заключение сделок через Интернет. Примером тому являются так называемые «умные контракты» – smart contracts, заключаемые без участия человека посредством использования цифровых кодов.

Все это говорит о том, что право действительно находится на пороге существенных перемен под влиянием технологического фактора.

Юридическая наука должна четко отслеживать новые тенденции в развитии общественных отношений и своевременно вырабатывать адекватные механизмы реагирования. Это как раз то, к чему призывал в своих работах Г.В. Мальцев.

Представляют интерес рассуждения автора относительно перспектив развития права.

Смысл и назначение права, по его мнению, состоит в юридическом обеспечении саморазвивающихся социальных процессов, и, в связи с этим, оно (как государственно-властный регулятор) должно быть чувствительным к природе регулируемых им объектов. Не подменять их саморазвитие, не ломать и не уродовать его, а усиливать, охранять, создавать необходимые условия, давать общие направления развития.

При создании правовых норм правотворческие органы, вследствие усложнения и ускорения общественных процессов будут постепенно отходить от четкого закрепления конкретных правил поведения, которые все больше будут иметь нормативно-ориентирующий характер.

В основе всей методологии правового регулирования должен быть принцип: «меньше императивности, больше диспозитивности».

Время нормативного регулирования в значительной степени должно переходить от государства к соответствующим компетентным организациям, действующим в регулируемой сфере.

Примером тому является передача Московскому государственному университету имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургскому государственному университету, ряду научных организаций и образовательных организаций высшего образования права разрабатывать и утверждать образовательные стандарты, устанавливать порядок присуждения ученых степеней, создавать на своей базе советы по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата, ученой степени доктора наук, утверждать положения о таких советах. Ранее указанные полномочия принадлежали государственным органам.

Всемерное усложнение и ускорение общественных процессов может привести к фактической невозможности и нецелесообразности установления государственных нормативов в целом ряде сфер общественной жизни, в которых самоуправленческие начала, нормы саморегулируемых организаций будут более эффективными и рациональными по сравнению с государственными установлениями (правовыми нормами).

Государство сохраняется как организационная система, способная при помощи права и законодательства устанавливать механизмы координации и субординации социальных интересов, смягчать напряжение между ними, защищать ценности, разделяемые большинством членов общества.

С течением времени актуальность трудов Г.В. Мальцева в силу их фундаментальности не уменьшается. Его научные работы как источник познания обладают богатейшим потенциалом. Они, несомненно, будут полезными для многих поколений ученых, преподавателей вузов, всех, кто интересуется проблемами теории права и государства.

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. – М: Мысль, 1977. 255 с.
2. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М: Прометей, 1999. 419 с.
3. Мальцев Г.В. Развитие права: к единению с разумом и наукой. – М.: Международный юридический ин-т при Минюсте России, 2005. 200 с.
4. Мальцев Г.В. Социальные основания права М.: Норма, 2007. 800 с.
5. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. – М., 2008. 550 с.
6. Мальцев Г.В. Бюрократия как правовая и моральная проблема. – М.: Изд-во РАГС, 2009. 100 с.
7. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. – М., 2012. 736 с.
8. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. – М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2013. 608 с.

9. Зорькин В.Д. Providetia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6.
10. Исаков В.Б. Перспективы реинжиниринга правового регулирования, юридической науки и образования // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 8.
11. Синюков В.Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex Russia. 2021. Т.74. №2. С. 9-20.

Мархгейм Марина Васильевна
заведующий кафедрой конституционного и
международного права юридического института
Белгородского государственного
национального исследовательского университета
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ: АККОРДЫ ДИАЛЕКТИКИ

Аннотация. Основываясь на анализе научных источников и конституционных норм, автором рассмотрены подходы к определению и взаимовлиянию прав и свобод, к их терминологическому комбинированию – правообязанность и самообязывание. Сделан вывод, что разные методологические подходы, ракурсы сопряжений и целевые установки исследования таких известных и довольно разработанных правовых феноменов, как права и обязанности, дают новую подпитку их содержанию, пониманию взаимовлияния и взаимообусловленности.

Ключевые слова: права, обязанности, правовой статус личности, правообязанность, самообязывание

«Мысль, согласно которой норма есть должное была известна многим поколениям юристов, но в течение длительного времени должное в праве ассоциировалось с категорией морального долга, а должное поведение – с исполнением морального обязательства, которое человек налагает на себя в соответствии с пониманием своего долга перед другими людьми и всем обществом. Отсюда появилось известное определение юридической обязанности как должного поведения в противоположность субъективному праву как поведению возможному» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. С. 539).

Широко известный тезис о том, что нет «прав без обязанностей» и наоборот, нацеливает на исследование таковых не только как определенно самостоятельных юридических феноменов, но и их взаимообусловленности, конвергенции, слияния с учетом особенностей субъектов.

Изначально уточним, что традиционное представление о праве человека как мере возможного поведения, а о его обязанности – как мере должного, с одной стороны, обособляет их (возможное – должное), с другой же – связывает общностью ответов на вопросы, о том, где (в общественных отношениях) и для кого (для определенных субъектов) соответствующая мера установлена.

В этом отношении представляется уместным привести позицию Г.В. Мальцева относительно такого подхода. Отмечая, что в юридической литературе таковой представлен «сплошь и рядом» (право есть возможное поведение, а обязанность продуктивность – необходимое поведение), Г.В. Мальцев указывает на продуктивность такой схемы, однако полагает, что «она должна быть дополнена анализом сущности субъективных прав и юридических обязанностей в свете всех трех категорий – возможности, действительности и необходимости. Ни одну из них нельзя отнести исключительно только к правам или к обязанностям» [1, с. 424].

Единит права и обязанности в том числе их включенность в структуру правового статуса личности: при всей вариативности этой структуры права и обязанности относятся к его базовым элементам, но не исчерпываются ими. Обращая внимание на эволюцию прав и обязанностей «от потенциального состояния (абстрактной возможности) в структуре правового статуса до действительной реализации», Г.В. Мальцев, подчеркивал следующее: «Конструкция правового статуса рельефно выделяет момент, согласно которому правообладание субъекта начинается до того, как он вступит в юридические отношения с другими лицами в целях реализации своего права» [1, с. 425].

Как известно, Конституция Российской Федерации диспозицией своей статьи 64 определила, что положения Главы второй «составляют основы правового статуса личности в Российской Федерации». Из этих конституированных и не изменяемых иначе как в конституционно установленном порядке «первокирпичиков» складывается содержание правового статуса личности, рассматриваемого нами в качестве интегративной категории, получающей свою качественную определенность через системное единство прав и свобод, обязанностей и ответственности.

Конституционное наименование самой Главы 2 может составить предмет дискуссий, особенно, если не обходить вниманием прежние конституционные параллели. В чем смысл этого тезиса? А в том, что глава, содержащая

не только конституционные права и свободы, но и конституционные обязанности оказалась поименованной как «Права и свободы человека и гражданина». Для сравнения: Конституция РСФСР 1937 г. – Глава XI «Основные права и обязанности граждан»; Конституция РСФСР 1978 г. – Глава 6. «Основные права, свободы и обязанности граждан РСФСР».

В представленных примерах поименования конституционных глав ухватываются ориентиры государственного строительства России: четкое позиционирование основных прав и обязанностей граждан было приращено свободами для граждан страны с последующим «титულным изъятием» обязанностей. Применительно к последнему отметим, что это можно трактовать, с одной стороны, как результат «влияния извне» концепции «права у человека, обязанности – у государства», с другой – как следствие пришедшего из марксизма, воспринятого как «доморощенное» и всем понятного правила, что «нет прав без обязанностей и нет обязанностей без прав». Как бы то ни было, но конституционные обязанности, по факту закрепленные в конституционном тексте, оказались поглощенными «правами и свободами». Чем не аргумент для иллюстрации идеи о преобладании значимости конституционных прав над обязанностями? Причем с этой идеей опасно заигрывали, что на примере «свободы труда» акцентировал А.М. Цалиев. По его словам, «дискуссия о свободе труда и об обязанности трудиться ... должна решаться в пользу долженствования, поскольку только так обеспечивается надлежащая социализация личности и понимание труда как одного из важнейших источников богатств общества» [2, с. 350].

Так, Г.В. Мальцев убедительно аргументировал, что юридическая обязанность – возможность поведения. В ней подобно субъективному праву, отражена определенная тенденция человеческого поведения, которая основана на объективных закономерностях и тенденциях общественного развития и выражает их. Сформулированное в юридической обязанности требование, обращенное к личности, является реальным. На человека нельзя наложить обязанность, которую он практически никогда не мог бы исполнить. Это в полной мере сопоставимо не только с положительными обязанностями, но и с запретами (негативными обязанностями) [3].

В научной литературе отмечается тенденция увеличения «количества обязанностей в текстах конституций практически всех стран» [4, с. 22]. В этой связи «есть основания предполагать, что посредством расширения каталога конституционных обязанностей можно гармонизировать восприятие в качестве ценности не только прав и свобод, но и обязанностей ввиду их обусловленности индивидуальными и публичными интересами» [5, с. 67].

Продолжающая волновать исследователей проблема соотношения прав и обязанностей приводила к возникновению терминологических новелл, позволяющих, по их мнению, ее решить. В их числе термин «правообязанность», введенный Н.Н. Алексеевым [6, с. 158]. Разрабатывая проблему прав и обязанностей, он указывал на их «внутреннее, органическое сочетание. В нем право, так сказать, пропитывается обязанностью и обязанность правом. На место отдельного от обязанности права и отдельной от права обязанности получается то, что можно было лучше всего назвать русским словом правообязанность» [6, с. 158].

Используя эту идею применительно к современным формулировкам, касающимся прав и свобод личности, можно показательно проиллюстрировать суть правообязанности «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» (ч. 2 ст. 138).

При этом Н.Н. Алексеев воздерживает от восприятия правообязанности как только «теоретической идеи, продукта мечтаний, далекий от каких-либо жизненных воплощений». Мы можем назвать целый ряд институтов публичного права, где сочетание это давно уже произошло. Таково, например, понятие компетенции какого-либо государственного органа или какой-либо должности. Компетенция всегда есть право и обязанность вместе» [6, с. 158]. Далее он уточняет, что «сама идея правообязанности включает в себя мысль о некоторой положительно направленной деятельности», что «правообязанностям с одной стороны соответствуют правообязанности с другой», что «в публичных отношениях свободная возможность внутренне соединена с долгом, и право превратилось в правообязанность» [6, с. 159, 160].

Для понимания подхода автора полагаем значимым тезис, что речь идет о новом, наиболее совершенном типе отношений, «отвечающем понятию общественного идеала. Он мог бы быть осуществлен в том случае, если бы ведущий слой государства проникся бы мыслью, что власть его не есть право, а и обязанность; и если в то же время управляемые не были бы простыми объектами власти, не были бы только носителями обязанностей, положительных и отрицательных, но и носителями правомочий» [6, с. 159].

Продуктивной для понимания природы и взаимообусловленности прав и обязанностей представляется идея самообязывания, суть которой раскрывается с учетом различных методологических оснований и социальных феноменов.

Исследуя правосознание, И.А. Ильин рассматривал самообязывание в контексте положительного права, которое тогда «исполняет свое назначение тогда, когда простое сознание его правил слагает в душе человека мотив к его соблюдению, т.е. тогда, когда индивидуальный дух приемлет его в поряд-

ке самообязывания» [7, с. 61]. Он писал: «Каждый из нас, пересматривая и перестраивая свой положительно-правовой «статус» под руководством естественного правосознания, увидит, что все такие «отречения», «отчуждения» и «самообязывания» не являются с его стороны делом «сверхдолжного милосердия», снисхождения или жертвы, но простым блюдением естественных прав и обязанностей, и, тем самым, борьбою за осуществление естественного правопорядка» [7, с. 71].

Ильин И.А., выделяя автономное самообязывание, отмечал: «Люди на долгом и горьком опыте убедились в том, что чисто автономное самообязывание вырастает в душах с чрезвычайной медленностью, на протяжении многих поколений; что человеку свойственно признать свои полномочия, преувеличивая их пределы и не сознавая их духовной сущности, но не слишком свойственно признавать, в то же время, свои обязанности и чужие полномочия; что это признание чужих прав выковывается в душах лишь в результате долгих трений, в результате той борьбы на жизнь и на смерть за «взаимное признание» [7, с. 57].

Вполне логичным представляется связывание самообязывания с взаимодействием. По мнению Л.В. Сморгунова, самообязывание следовать правилу «является важным условием и институциональным требованием взаимодействия. Социальное понимание взаимности основано на концепции дара и ответственности взаимного ответа, которая связывает участников коммуны» [8, с. 13].

Мальцев Г.В. обращался к проблеме самообязывания в контексте исследования социальных и правовых норм. Он отмечал, что в «глубинах человеческой психологии находятся корни императивности социальных норм, формируются требования личности к самой себе и механизмы самообязывания в отношении того, что человеку, согласно его собственному чувству и мысли, нужно и должно делать. Влечения, поначалу, может быть весьма слабые, постепенно укрепляются, принимая вид сформировавшейся и развивающейся склонности, которая актом сознания и воли приобретает силу внутреннего долга. ... Естественная нормативность переживаний, влечений, чувств становится обязательной в силу нравственного долга делать то, что человек принял на себя как должное [1, с. 515].

Не без основания утверждая, что «мораль есть ... своего рода якорь свободы, некая идеальная точка отсчета, ориентируясь на которую индивид идентифицирует себя в качестве личности и сознает способным к ответственному поведению», А.А. Гусейнов, промаркировал это «формой самообязывания» и подчеркнул, что без «самообязывания было бы невозможным обязывание». Убедительным представляется его вывод о том, что «Без мо-

рального долга нельзя было бы говорить о долге в его конкретных (профессиональных, гражданских, семейных и пр.) разновидностях. Моральная обязанность ... есть обязанность, которая обязывает даже тогда и прежде всего и даже лучше всего тогда, когда не существует других обязанностей. Она есть сама способность иметь обязанности –действовать не просто по закону, а на основании представления о законе, т.е. действовать ответственно. Императивная форма морали не выражает специфики собственно моральных обязанностей. Она получает объяснение как моральное обоснование обязывающего поведения» [9, с. 27].

Самообязывание не ограничивается пределами правового содержания. На это обращено внимание Н.С. Васильевой в связи с проблемой действительности права: «Являясь комплексным фактом психики, действительность права представляет собой психологическое самообязывание, возникающее в результате систематического действия машинерии физического принуждения, а также под влиянием культурных, социальных и даже биологических факторов» [10, с. 74].

К вопросу о введении понятия «самообязывание» обращалась Р.Р. Каримова. По ее мнению, самообязывание «определяет внутреннее состояние внешне проявляемой обязанности, что продуцируется природно-бытовой средой обитания человека и проявляется в предметной деятельности человека [11, с.15]. Обосновывая необходимость понятия «самообязывание», она концентрирует мысль на том, что эквивалентный обмен сторон в общности людей возможен лишь при условии, что его «субъекты являются одновременно носителями и притязаний, и обязанностей». В ходе развития социума такого рода взаимность становится «сердцевиной права, позволяющей сделать его всеобщим», а «закономерность доправового существования обязанности выражена в самообязывании члена общности», в его «внутренней готовности к выполнению обязанности в силу объективного воспроизводства их в социуме» [11, с. 15].

Самообязывание сопрягается и с государством. Так, по мнению Н.В. Омелёхиной, основным «правовым способом обеспечения достоинства личности в нормах финансового права является позитивное обязывание личности по отношению к государству и самообязывание последнего по обеспечению достойного уровня жизни, гарантирующего ценность каждой личности» [12, с. 106]. Такой вывод вполне продуктивен для современного конституционного строительства в России.

Представляется особенно ценным для государственного строительства современной России предостерегающее напутствие И.А. Ильина: «необходимо признавать свою принадлежность к определенному государству, т.е.

принимать ее волею и чувством, дорожить ею и культивировать ее. Политическая принадлежность должна быть сознательно принята каждым отдельным гражданином и признана им в нестесненном, свободном решении; и это решение должно привести каждого к духовному акту добровольного самообязывания, или, что то же, к акту духовного вменения себе публично-правовых полномочий, обязанностей и запретностей. Вне этого государству неизбежно предстоит разложение» [7, с. 105].

В связи с изложенным, а также с учетом актуальной повестки государственного строительства России полагаем важным привести интересную версию различения обязанности и долга, которые конституционно объединены в статье 59 «1. Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации». Так, по мнению А.А. Гусейнова, понятие обязанности говорит о том, что (какое конкретное действие) совершается, а понятие долга – о том, почему оно совершается: служить отечеству, заботиться о детях есть обязанности, делать это по моральным основаниям есть долг» [9, с. 27].

Подытоживая, отметим, что разные методологические подходы, ракурсы сопряжений и целевые установки исследования известных, скажем так, фундаментально-базовых и глубоко разработанных правовых феноменов, к которым определенно относятся права и обязанности, дают новую подпитку их содержанию, пониманию взаимовлияния и взаимообусловленности.

Перипетии конкурентной значимости между правами и обязанностями, представленные на научных и формализованных полях, поддерживают дискуссии и мотивируют не только утолить исследовательский интерес, но принести пользу практике государственного строительства России.

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.
2. Цалиев А.М. О конституционных обязанностях человека и гражданина // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2020. Т. 45. № 2. С. 345-351.
3. Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М.: Юридическая литература, 1968. 143 с.
4. Алебастрова И.А. Конституционные обязанности человека и гражданина: значение и тенденции развития // *Конституционное и муниципальное право*. 2016. № 12. С. 22-25.
5. Мархгейм М.В., Чистюхина М.В. Дефинирование конституционных обязанностей человека и гражданина // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2019. № 9 (112). С. 67-69.
6. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М., «Аграф», 1998. – 640 с.

7. Ильин И. А. О сущности правосознания / Подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. – М.: «Рарогъ», 1993. – 235 с.
8. Сморгун Л.В. Институты доступности цифровых платформ и государственная управляемость // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 3. С. 6-19.
9. Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали // Вопросы философии. 2001. № 5. С. 3-33.
10. Васильева Н.С. Действительность права как психологический факт: Упсальская школа в контексте интеллектуальной традиции континентального правового реализма // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 4. С. 47-80.
11. Каримова Р. Р. Юридические обязанности: содержание и проблемы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: УГЮА, 2008. 27 с.
12. Омелёхина Н. В. Достоинство личности в системе финансово-правовых ценностей // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 106-120.

Беляева Галина Серафимовна,
заведующий кафедрой административного права и процесса
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ПРАВО НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК КОМПЛЕКСНАЯ ОТРАСЛЬ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В данной статье представлен авторский подход к определению роли и значения права национальной безопасности в системе российского законодательства.

Ключевые слова: безопасность, комплексные правовые образования, отрасль законодательства, национальная безопасность

«В советской правовой науке сложилась традиция, согласно которой юридический институт рассматривается как структурный элемент системы права, включенный в свою очередь, в состав отраслей и подотраслей... Это обстоятельство законсервировало проблему юридических институтов на уровне формального и структурного анализа, затруднило в определенной степени изучение свойств и возможностей институтов в качестве регуляторов общественных отношений» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 395).

В современных условиях проблемы безопасности во всех областях жизнедеятельности общества составляют основную повестку исследований различных отраслей научного знания. Вопросы национальной безопасности не являются исключением, особенно на фоне глобальных вызовов и угроз, с которыми Россия сталкивается как международной арене, так и внутригосударственной сфере. В сложившейся ситуации актуальным, с нашей точки зрения, является обращение к вопросам, позволяющим обеспечить эффективное, результативное и стабильное правовое регулирование в тех сферах, где безопасность личности, общества и государства выступает основным объектом юридического воздействия.

Вопросы безопасности пронизывают многие (практически все) сферы правового регулирования на отраслевом уровне – в рамках административного, гражданского, уголовного, финансового и других отраслей права. В этой связи представляется методологически обоснованным говорить об объективных предпосылках к выделению права национальной безопасности не как отрасли права, а в качестве комплексной отрасли российской законодательства со специфическим объектом, методом правового регулирования и соответствующим регулятивным ресурсом (не представляющим собой некое кодифицированное образование, однако имеющее в своей основе соответствующий базовый закон, стратегические правовые акты и т.д.).

Что же представляет собой комплексная отрасль законодательства – комплексное правовое образование? Проблематика комплексных образований в праве зародилась в отечественной юриспруденции в рамках дискуссии о системе права в 70-80-е годы прошлого века. Наиболее основательные исследования в этой области были проведены видным правоведом С.С. Алексеевым, который связывал появление комплексных нормативных образований с принятием кодифицированных комплексных правовых актов [1, с. 253]. Безусловно, соглашаясь с позицией данного ученого, все же уточним, что с развитием правотворческих форм к кодифицированным актам в современных условиях можно причислить также модельные и фундаментальные правовые акты, определяющие общие ориентиры (принципы) правового регулирования в данной области. Например, медицинское право (как комплексную отрасль законодательства) формирует Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; в свою очередь, избирательное право – Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Другими словами, образование комплексных отраслей законодательства происходит под воздействием нормотворческих процессов, преобразующих сложившуюся структуру системы законодательства, включающую не только отрасли, но и подотрасли, институты и субинституты. В основу выделения комплексных отраслей законодательства положены такие основные критерии, как: предмет правового регулирования (качественная однородность регулируемых общественных отношений), единые принципы правового регулирования и наличие базового правового материала (в ряде случаев опосредованного кодифицированным правовым актом). Дополнительными критериями отраслеобразования могут выступать: «цели и задачи регулирования; принципы регулирования; функции отрасли права; субъектный состав отношений; формальные источники; структура отрасли; место отрасли в системе позитивного права в национальной правовой системе; количество правовых норм; понятийный аппарат, который вырабатывается самостоятельной наукой, признаваемой в качестве неформального (идеологического) источника» [2, с. 28]. Полагаем, что в число т.н. «дополнительных» критериев можно включить также и особый режим правового регулирования – особый климат, настрой такового [3; 4].

Официальным аргументом с пользой выделения права национальной безопасности в качестве самостоятельной отрасли российского законодательства является наличие в Классификаторе правовых актов, утвержденном Указом Президента РФ от 15 марта 2000 г. № 511 (ред. от 28.06.2005) специального раздела 160.000.000 Безопасность и охрана правопорядка, куда входят такие подразделы, как общие положения в сфере обеспечения безопасности государства, общества и личности; силы обеспечения безопасности (включающие уполномоченные действовать в данной сфере органы государственной власти); безопасность государства; безопасность общества (безопасность дорожного движения, информационная, пожарная, промышленная, радиационная, экологическая и др.); безопасность личности (паспортно-визовая служба, регистрационный учет); средства обеспечения безопасности (оперативно-разыскная деятельность; честная детективная и охранная деятельность, специальные средства и др.) и некоторые другие. По сути, данный классификатор как раз и выступает основанием для законодательно отраслеобразования в рамках системы законодательства.

В заключение отметим, что право национальной безопасности является пока еще формирующимся «молодым» законодательным образованием. Вместе с тем, исключительная важность предмета правового регулирования позволяет говорить о необходимости его обособления в самостоятельную отрасль российского законодательства, в связи с чем необходимы ревизия и

дальнейшая актуализация понятийного аппарата в сфере безопасности, уточнение принципов правового регулирования и механизмов функционирования и взаимодействия сил и средств обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общая теория права: Курс: В 2 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981. 359 с.
2. Крупеня Е.М. Комплексные отрасли права и законодательства: некоторые проблемы общеправовой теории в контексте практики национальных правовых порядков Республики Беларусь и Российской Федерации. Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства: Сборник статей по материалам круглого стола, посвященного 30-летию принятия закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», Минск, 17 марта 2023 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2023. С. 48-51.
3. Беляева Г. С. Правовой режим как комплексное средство правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 3. С. 16-20.
4. Беляева Г. С. К вопросу о сущности процессуального правового режима // История государства и права. 2013. № 13. С. 62-64.

Нифанов Алексей Николаевич,

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института Белгородского государственного
национального исследовательского университета,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КАРКАС МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДВУХ ЮБИЛЕЕВ

Аннотация. В данной статье рассмотрены некоторые аспекты конституционных основ муниципально-территориального устройства отечественной модели местного самоуправления. С учетом статистики изменения количества муниципальных образований в современных условиях отмечена тенденция перехода от двухступенчатого «территориально-поселенческого» подхода к ее построению к одноуровневому, – территориальному.

Ключевые слова: муниципальное образование, муниципальная территория, городской округ, муниципальный округ, публичная власть

«Право, как об этом можно судить, опираясь на положения конституций демократических государств, служит человеку, народу, обществу, высшим гуманитарным ценностям – благу людей, справедливости. Все, что оно продвигает, в том числе и рыночные отношения, должно иметь смысл, восходящий к этим ценностям» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 512).

12 декабря 1993 г. 30 лет тому назад был дан старт не только формированию современной российской государственности, но и отечественной, конституционно-опосредованной модели муниципального строительства. С принятием Конституции Российской Федерации были заложены правовые, экономические, организационные, компетенционные и правогарантные основы местной власти.

Конституция России содержит в себе 16 статей прямо или косвенно регулирующих различные аспекты местного самоуправления, – от встроенности его в народовластную систему Российского государства (ч.2 ст.3) и определения в качестве признанной и гарантируемой основы конституционного строя (ст.12), до включения в единую систему публичной власти в целях осуществления взаимодействия для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории (ч. 3 ст. 132) [1].

При этом следует отметить, что Конституция Российской Федерации закрепив «контуры» отечественного местного самоуправления, не оставила их статичными. В ходе внесения конституционных поправок в 2020 г. существующие параметры муниципальной власти подверглись корректировке в их организационном, территориальном, предметоведческом аспектах.

На некоторых из них хотелось бы остановиться подробнее, тем более что они закономерно повлекли за собой внесение изменений и дополнений в Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который, кстати, входит в число своеобразных лидеров по количеству внесенных в него правок, – 198 федеральными законами (по состоянию на 23 марта 2024 г.) [2] и 5 – Постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации.

К слову сказать, данный нормативный правовой акт тоже «отпраздновал» в 2023 году свой 20-летний юбилей. Принятый от 6 октября 2003 года, он дал старт пятилетнему переходному периоду, который характеризовался интенсивной законотворческой работой в субъектах Российской Федерации и правотворческой деятельностью в муниципальных образованиях. В дальнейшем градус этой интенсивности не снижался. Поправки 2014, 2019 и др. закономерно требовали своевременной и адекватной реакции и правотворче-

ских органов, и специалистов муниципальной практики и научной ответственности [3].

Вернемся к анализу норм Конституции России. Принятые летом 2020 года поправки внесли ясность относительно элементов, составляющих систему публичной власти Российского государства.

Закрепление в конституционном формате (ч. 3 ст. 132) категории «единая система публичной власти», представленной единством «органов местного самоуправления и органов государственной власти», на сегодняшний день уже позволяет разрешать имеющиеся в конституционно-правовой доктрине споры относительно наличия публичной власти в России вообще и её соотношения с муниципальной властью в частности.

При этом обращает на себя внимание преимущественно территориальная привязка категории «публичная власть». Исходя из этого, с учетом критерия территориальной юрисдикции публичных структур, полагаем целесообразным остановиться на муниципальной территории, в пределах которой свои полномочия осуществляют органы местного самоуправления.

В территориальной организации современного российского местного самоуправления традиционно сложилось два основных подхода: территориальный и поселенческий, сочетание которых использовано в отечественном муниципальном строительстве и отражено в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

При этом Конституция Российской Федерации с учетом поправок 2020 года в вопросе о территориальных формах осуществления местного самоуправления, впервые в своем тексте закрепив сам термин «муниципальное образование», отказалась даже от минимального перечисления их видов (городские поселения, сельские поселения и другие территории), определив, что они устанавливаются федеральным законом.

Полагаем, что это связано с многообразием форм осуществления муниципальной власти и возможностью использования исторически апробированных и появляющихся адекватных конкретным условиям развития местных территориальных конфигураций. Кроме того, прямое конституционное указание лишь на два типа поселений (городские и сельские) породило разного рода научные дискуссии по этому поводу [4].

В этой связи представляет интерес анализ территориальных трансформаций в организации российского местного самоуправления за последние несколько лет.

В частности, за период с 2021 года по 2023 год были выявлены регионы с наибольшим сокращением количества муниципальных образований [5].

К ним можно отнести: Приволжский федеральный округ (- 914 муниципальных образования); Уральский федеральный округ (- 337 муниципальных образований); Северо-западный федеральный округ (- 233 муниципальных образований); Дальневосточный федеральный округ (- 203 муниципальных образований).

В разрезе регионов самыми яркими примерами сокращения муниципальных образований являются: Курганская область (- 314 муниципальных образований); Удмуртская республика (- 303 муниципальных образований); Нижегородская область (- 227 муниципальных образований); Вологодская область (- 132 муниципальных образований); Амурская область (- 130 муниципальных образований). Остановимся на них подробнее.

На примере Курганской области (Уральский федеральный округ) можно выявить тенденцию к сокращению сельских поселений и росту числа муниципальных округов. Так, в 2021г. в Курганской области не было ни одного муниципального округа, а в 2023г. их количество составило уже 20. Из 24 муниципальных районов в 2021 году к 2023 году осталось только 4; из сельских поселений в количестве 354 в 2021г, в 2023 году осталось 50, а из 13 городских поселений осталось лишь 3 подобных муниципальных образования. В основном, преобразование муниципальных образований происходило путем объединения всех поселений, входящих в состав районов Курганской области, во вновь образованные муниципальные образования – муниципальные округа Курганской области.

Еще одним подобным примером является сокращение муниципальных образований Удмуртской Республики с 25 муниципальных районов в 2021 году до 0 в 2023 году. Также и сокращение 302 (в 2021 году) сельских поселений до 0 в 2023 году происходило схожим образом за счет преобразования путем объединения городского и сельских поселений и созданием 25 муниципальных округов с утратой статуса муниципального образования перечисленных поселений и муниципальных районов Удмуртской Республики.

Нижегородская область сократилась на 227 муниципальных образования. Количество муниципальных районов с 26 в 2021 году сократилось до 0 в 2023 году, городские и сельские поселения с 34 и 192 соответственно сократились к 2023 году до 0. При этом закономерно произошел рост количества муниципальных округов с 11 до 36.

По состоянию на 2021 год, в Вологодской области насчитывалось 207 муниципальных образований, из них: 26 муниципальных районов, 2 городских округа, 21 городское поселение и 158 сельских поселений. В 2023 году общее количество муниципальных образований Вологодской области соста-

вило 75, в их числе: 6 муниципальных районов, 20 муниципальных округов, 2 городских округа, 4 городских поселения и 43 сельских поселений.

В Амурской области по состоянию на 2021 год насчитывалось 262 муниципальных образования. В 2023 году общее количество муниципальных образований Амурской области уменьшилось на 130. В числе муниципальных образований Амурской области в 2023 году: 8 муниципальных районов, 12 муниципальных округов, 9 городских округов, 6 городских поселений, 97 сельских поселений.

Названные примеры достаточно ярко иллюстрируют активную деятельность субъектов Российской Федерации по оптимизации своей муниципальной географии, и позволяет говорить о наметившейся тенденции перехода от двухуровневой модели территориальной организации местного самоуправления в России к одноуровневой.

В пользу этого свидетельствует и тот факт, что во внесенном сенатором Российской Федерации А.А. Клишасом и депутатом Государственной Думы П.В. Крашенинниковым и прошедшем уже два чтения проекте федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» предусмотрено всего три вида территорий муниципальных образований, – городской округ, муниципальный округ и внутригородская территория (внутригородское муниципальное образование) города федерального значения [6].

Исходя из этого, мы можем видеть прямой отказ от поселенческого принципа в публично-территориальной организации местного самоуправления в современном Российском государстве.

Подводя своеобразный итог характеристике конституционных норм, формализующих институт местного самоуправления, считаем возможным сделать некоторые выводы и обобщения.

Потенциал Конституции Российской Федерации в процессе муниципального строительства далеко не исчерпан. Значительные его резервы содержатся как в самих конституционных нормах, в той или иной степени регулирующих местное самоуправление, так и в сопряженном с ними федеральном и региональном законодательстве.

В этой связи полагаем, что корректировка федерального и регионального законодательства как в целом о публичной власти, так и ее муниципальной составляющей в обозначенных и некоторых других направлениях обрела новый импульс в современных условиях реализации суверенных положений российской Конституции.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 1 июля 2020 № 11-ФКЗ, от 6 октября 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013
2. Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 54-ФЗ «О внесении изменений в статью 79 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и статью 28.1 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2024. – № 13. – Ст. 1677.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 6 февраля 2023 г.) // Российская газета. – 2003, 8 октября; 2024, 27 марта.
4. Нифанов А. Н. Территория Российской Федерации: конституционно-правовая теория : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.02. – Белгород, 2020.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики //URL:<http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-adm-2023.xlsx>.
6. Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>

Новикова Алевтина Евгеньевна,

профессор кафедры конституционного и международного права
юридический институт НИУ «БелГУ»,

доктор юридических наук, доцент

Киреева Жанна Николаевна,

Уполномоченный по правам человека в Белгородской области
(Белгород, Россия)

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ

Аннотация. В данной статье на основе анализа действующего законодательства представлены направления совершенствования правового статуса

Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: права человека, правовые принципы, уполномоченный по правам человека, законодательство, доклад

«Юридические гарантии создаются не под норму либо закон, а под институт, за которым стоит некое множество норм и нормативных актов. Органы учреждаются, организации создаются не ради отдельных норм и законов, а для реализации института или нескольких институтов, преследующих единые либо близкие цели». (Г.В. Мальцев. Социальные основания права. М., 2011. С. 436).

Особое место в каждом государстве занимают механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина. В этом аспекте, полагаем, бесспорна институционализация сложившейся и развивающейся в России омбудсменовской сети [например, 1, с. 7-10; 2, с. 38-42], родоначальником которой выступила учрежденная Конституцией должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (п. «е» ч. 1 ст. 103).

Статистические материалы о ежегодно количестве обращений к Федеральному Уполномоченному говорят не только о нарушении субъективных прав, но и о доверии населения данному правозащитному институту в получении правовой помощи¹. Способствовать оправданию правозащитных ожиданий населения, на наш взгляд, призвано законодательство, определяющее статус Уполномоченного. К сожалению, еще имеются правовые лакуны, которые требуют внимания представителей науки и практики с целью перспективной коррекции.

Уточним, что в юридической науке уже было справедливо обращено внимание на отсутствие в Федеральном конституционном законе РФ от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» отдельной статьи, посвященной принципам деятельности Уполномоченного. Действительно, ссылка на руководство общепризнанными принципами и нормами международного права является слишком универсальной (ч. 2 ст. 2). Да, и в условиях современной геополитической ситуации все-таки приоритетно исходить из ориентиров, неотъемлемых для суверенного государственного развития.

Кроме того, речь идет не об ординарных элементах правового статуса, а об аксиологической категории принципов.

¹ См.: Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год // Российская газета. 2023, 16 мая.

Принципы в целом и правовые принципы, в частности, – это руководящие начала поведения и неотъемлемые элементы правовых статусов.

Уточним, что в Федеральном законе от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» легализована самостоятельная ст. 3 «Принципы деятельности уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации», устанавливающая, что деятельность уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации основывается на принципах справедливости, гуманности, законности, гласности, беспристрастности (ч. 1).

Уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации при осуществлении своих полномочий независим от каких-либо государственных органов и должностных лиц, а также неподотчетен им (ч. 2).

Считаем имеющаяся на федеральном уровне пробельность нуждается в устранении путем легализации оптимального набора искомых принципов. Здесь в порядке предложения можно использовать высказанное в юридической науке мнение о целесообразности дополнения Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» самостоятельным положением о принципах в следующей вербальной формуле: «Деятельность ... осуществляется в соответствии с принципами гуманности, защиты прав человека и гражданина, объективности, законности, добросовестности, доступности, гласности» [3].

Еще один аспект, на который до настоящего времени в дискуссионном порядке обращают внимание в науке и на практике – это совершенствование Уполномоченным законодательства Российской Федерации о правах человека и гражданина средствами, указанными в Федеральном конституционном законе от 26 февраля 1997 года.

Таким базовым доступным Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации средством остается обращение к субъектам права законодательной инициативы с предложениями об изменении и о дополнении федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации либо о восполнении пробелов в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов Российской Федерации (ч. 2 ст. 31).

Вместе с тем, участие Уполномоченного по правам человека в правотворческом процессе по-прежнему весьма актуально: поступающие к нему обращения граждан свидетельствуют о том, что несовершенство федеральных законов, равно как и изъяны в правоприменительной практике, могут служить причиной нарушения прав и свобод человека.

Для обеспечения участия в законотворческом процессе и регулирова-

ния его механизмов Уполномоченным неоднократно предпринимались попытки по внесению изменений в действующее законодательство. В результате обращения к обеим палатам Федерального Собрания Российской Федерации их регламенты все-таки были дополнены установлениями о структуре взаимоотношений Уполномоченного с Советом Федерации и Государственной Думой по данному вопросу.

Однако, представляется, важной частью функционала Уполномоченного должно стать не только анализ и выявление тенденций, актуальных проблем в тех сферах, где наиболее часто встречаются нарушения прав человека, но и право на основе этих данных вносить в российский парламент предложения об изменении законов или принятии новых законодательных актов, право законодательной инициативы в отмеченной сфере правовых отношений [4, с. 22].

В этой связи возможным вариантом видится внесение изменения в ст. 104 Конституции России, указав в числе субъектов права законодательной инициативы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации по вопросам его ведения.

Уточним, что в числе задач региональных уполномоченных по правам человека в Российской Федерации также легализовано содействие совершенствованию законодательства в области защиты прав и свобод человека и гражданина. При этом незначительное количество Уполномоченных наделены правом законодательной инициативы в своих субъектах Федерации. В числе таких субъектов Белгородская область. Согласно ст. 15 ее Устава право законодательной инициативы принадлежит широкому кругу субъектов, включая Уполномоченного по правам человека в Белгородской области и Избирательную комиссию Белгородской области по вопросам их ведения¹.

Таким образом, отмечаем еще один факт форсированного законодательного регулирования элементов правового статуса региональных уполномоченных. Вместе с тем, законодательное внимание к аналогичным элементам правового статуса Федерального Уполномоченного, имеет не меньшее значение.

Далее хотелось бы обратить внимание на проблемы, опосредованные современной спецификой Белгородской области, как приграничного субъекта. На наш взгляд, требуются адекватные юридические решения в ответ на возникающие вызовы и угрозы в плоскости обеспечения безопасности населения.

¹ Закон Белгородской области от 24.06.2022 г. № 189 «Устав Белгородской области» // <https://docs.cntd.ru/document/406110044?ysclid=ltlnumrppw913048125> (дата обращения 10.03.2024 г.).

Так, на территории Белгородской области продолжают формировать комплексную систему укрытий.

Согласно п. 4 Постановления Правительства Российской Федерации от 29 ноября 1999 года № 1309 «О порядке создания убежищ и иных объектов гражданской обороны» для укрытия населения используются имеющиеся защитные сооружения гражданской обороны и (или) приспособляются под защитные сооружения гражданской обороны в период мобилизации и в военное время заглубленные помещения и другие сооружения подземного пространства.

Поскольку в Белгородской области актуально количественное и качественное состояние таких укрытий, органами прокуратуры систематически проводятся проверки исполнения органами государственной власти, органами местного самоуправления, хозяйствующими субъектами законодательства о гражданской обороне в сфере эксплуатации убежищ и иных объектов, предназначенных для укрытия населения при возникновении чрезвычайных ситуаций в условиях мирного и военного времени. Результаты таких проверок указывают на наличие проблем.

В частности, к созданным (определенным) в соответствии с п. 4 Постановления Правительства Российской Федерации от 29 ноября 1999 года № 1309 «О порядке создания убежищ и иных объектов гражданской обороны» органами местного самоуправления укрытиям (как правило, подвалы многоквартирных жилых домов, подвалы коммерческих организаций, подземные парковки) указанный нормативный правовой акт каких-либо требований не содержит. Так, отсутствуют нормативы обеспечения укрытий минимальными запасами лекарственных средств, медицинских изделий, средств личной гигиены и питьевой воды. Данное же касается нормативов количества мест для сидения укрываемых (лавочки, стулья), освещения и водопровода. Кроме того, не легализовано требование, адресованное органам власти об обязательном обеспечении укрытий за счет бюджетных средств необходимыми товарами (за исключением случаев, когда собственником является частная организация).

Одним из документов, определяющих требования к подобным укрытиям, являются Методические рекомендации по проведению комплексной инвентаризации заглубленных и других помещений подземного пространства для укрытия населения (утверждены МЧС России 7 августа 2014 года). Например, к ним относятся, в том числе, рекомендации по высоте (для заглубленных помещений не должна быть ниже 1,7 м); норме площади пола основных помещений на одного укрываемого (0,6 кв. м); внутреннему объему помещения (не менее 1,2 куб. м на одного укрываемого).

В связи с фрагментарностью легализованных требований, нередко, в случае определения органами власти в качестве укрытия подвала многоквартирного дома, собственники общего имущества в нем вынуждены самостоятельно за счет своих собственных средств покупать товары первой необходимости для оснащения укрытия, что в целом не соответствует общей задаче законодательства о гражданской обороне – защите государством населения от возникающих угроз.

Указанные правовые пробелы на практике приводят к проблемам в части проведения органами прокуратуры проверок в этой сфере и отсутствию конкретных ответственных лиц.

Хотя справедливо будет отметить, что правовая работа в данном направлении все-таки ведется и 23 ноября 2023 года был утверждён и введен в действие Приказом Росстандарта «ГОСТ Р 42.4.16-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Гражданская оборона. Приспособление заглубленных помещений для укрытия населения. Общие требования»¹. Однако обозначенные выше проблемы его положениями не были решены.

Таким образом, на основе результатов надзорной деятельности прокуратуры, видится целесообразным закрепить в Постановлении Правительства Российской Федерации от 29 ноября 1999 г. № 1309 «О порядке создания убежищ и иных объектов гражданской обороны» вышеизложенные требования о нормативах, включая источники финансирования и ответственных лиц.

В заключении считаем необходимым обратить внимание на еще один правовой инструмент в деятельности Уполномоченного по правам человека – доклад в ежегодной или специальной разновидностях [5, с. 127-132]. Такие доклады предусмотрены на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации. Акцент хотелось бы сделать на востребованности подготовки специальных докладов о соблюдении прав человека в отдельных регионах, которые территориально граничат с зоной проведения специальной военной операции.

Полагаем, содержание таких докладов позволит установить не только результативные правозащитные практики, но также системные проблемы, решение которых детерминирует универсальные решения власти федерального или регионального уровней.

В заключении отметим, что заинтересованное внимание к приведенным нами проблемным вопросам доктринального и прикладного характера позволит, с одной стороны решить насущные правозащитные задачи, а с другой – усовершенствовать статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

¹ М.: ФГБУ «Институт стандартизации», 2023.

Список литературы

1. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. Уполномоченный по правам человека как инициатор формирования конституционного партнерства // Черные дыры в Российском законодательстве. 2010. № 5. С. 7-10.
2. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. Формы и способы деятельности уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 5. С. 38-42.
3. Новикова А.Е. Правозащитные риски: конституционная теория и практика: Дис. ... докт. юрид. наук. Белгород, 2021. 436 с.
4. Бессарабов В.Г. Органы прокуратуры как субъект взаимодействия с институтом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в вопросах защиты прав и свобод человека и гражданина // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 16-22.
5. Новикова А.Е. Доклад как официальный документ реализации политики государства по минимизации правозащитных рисков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44. № 1. С. 127-132.

Понкин Игорь Владиславович

профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)

К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ ПОДГОТОВКЕ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. Статья посвящена теме роли и значения научной подготовки в современном юридическом образовании. Автор показывает целый ряд проблем в этой сфере и высказывает собственное видение путей их решения.

Ключевые слова: юридическое образование, правовая аналитика, научно-инструктивная подготовка, научная методология, качество образования

«Научное изучение права лучше всего проводить в среде судебных решений – в библиотеке» (Кристофер Колумб Лэнгделл) [1, р. 30-31]

«Необходим научно-интегративный подход к изучению социо-нормативной культуры, а это значит, что там, где можно и нужно, научное знание будет всё чаще состыковываться со знаниями ценностного, нормативного, телеологического порядка для того, чтобы внести все возможные краски в общую картину духовной гармонизации общества» (Геннадий Васильевич Мальцев) [2, с. 132].

Многие сегодняшние корневые проблемы в отечественной науке проистекают из почти полного отсутствия в российских вузах научно-инструктивной и науковедческой подготовки студентов, за самым редчайшим исключением, не делающим погоды [3, 4, 5]. И высшее юридическое образование здесь не исключение.

Между тем, обучение науке логики в праве, искусству юридической аргументации и риторики, мастерству и искусству научно-юридического и прикладного юридико-аналитического препарирования правовой реальности и упорядочивающих или отображающих её документов, мастерству и искусству научного и практико-ориентированного юридического спора (дискуссии) должно быть неотъемлемой составляющей частью высшего юридического образования, наряду с предметами и дисциплинами фундаментальной чисто юридической подготовки.

Юрист на выходе из учебного заведения должен обладать сформированным и отлаженным острым юридическим умом, способным справиться с широким спектром разнообразных правовых проблем. А это невозможно без специализированной прикладной аналитической и научной его подготовки.

Бытийствующая точка зрения о том, что юридические вузы и факультеты, якобы, обязаны готовить выпускников узко под интересы работодателей, не имеет под собой оснований. Учитывать такие интересы, конечно, следует, но не замыкаться на них, поскольку модальностей и уровней юридической работы, специфик юридических профессий и должностных функционалов – просто бесчисленное количество, соответственно, неисчислимы разнообразные ожидания и требования разных работодателей к своим юристам. Под все из них просто физически невозможно наладить направления профессиональной юридической подготовки. Необходимо сохранить сфокусированность на фундаментальной юридической подготовке профессиональных юристов.

Но это никак не мешает внедрению научно-инструктивной и аналитико-инструктивной подготовки в юридическое образование.

Репрессивные меры к студентам за ненадлежащую подготовку отчётных (курсовых, выпускных квалификационных) работ вызывают обоснован-

ное возвращение: но вы же нас не учили и не научили научному мышлению, научному исследованию и научному письму.

И это словно снежный ком: такие студенты, когда-то не подготовленные в науке, уже став доцентами и профессорами, сами не способны ничему в науке научить уже своих студюзов.

Это, надо сказать, давняя проблема. На выходе – целые поколения, не способные к формулированию собственных текстов и идей. Ещё в 1975 году было сказано: «Мы почти не произносим открытого текста, мы не строим больше нашу речь сами, а собираем её из готовых стандартных деталей, но подчёркиваем “кавычками”, что делаем это сознательно, что понимаем всё убожество нашего материала. Мы повторяем те же ненавистные штампы, выражая своё отношение к ним лишь негативно, ничего не создавая взамен» [6, с. 13].

Научная подготовка совершенно необходима будущим юристам не только для приготовления их написанию выпускной квалификационной работы и последующего спорадического написания отдельных статей, но в первую очередь – для надлежаще глубокой подготовки их в юридической профессии, к юридической работе.

По словам Артура Сельвина Миллера, «наука означает перемены. Право и юридическое образование, хотя и должны адаптироваться к этим изменениям, не дают встроенной гарантии, что их реакция будет благотворной. Таким образом, вопрос не в том, будет ли право реагировать на эти вызовы. Это, как мне кажется, неизбежно и неотвратимо. Реакция будет, в той или иной степени, если не по той причине, что закон – это средство, с помощью которого люди формально упорядочивают свои дела. Закон всегда присутствует в человеческом обществе в той или иной форме. Вопрос скорее в том, как отреагирует закон. Под этим я не подразумеваю нечто антропоморфное; закон, как я его понимаю, не имеет существования отдельно от людей в их коллективной деятельности в качестве групп, наций или обществ. Другими словами, как отреагируют юристы? Какого рода правовая система будет развиваться? Какие цели или задачи будут преследоваться? Какие ценности будут сохранены? Я хотел бы быть сдержанным в этом вопросе, но не могу. Нужно быть тем, кого Джером Франк называл “железистым оптимистом”, чтобы верить, что у юридической профессии есть врождённая способность и воля к выработке ответных мер, необходимых для сохранения основных ценностей конституционного строя, общества... Юридические вузы стремятся сделать выпускников узкими техниками – механиками или сантехниками, а не архитекторами или инженерами» [1, р. 29, 30].

Более того, право лучше всего изучается при всё более глубоком понимании других дисциплин [7].

Ведь, как писал ещё в XVIII столетии Уильям Блэкстоун, «науки отличаются общительностью и лучше всего расцветают в соседстве друг с другом, и нет ни одной отрасли обучения, которой не помогли бы и не помогли бы другие искусства. Если, таким образом, обучающийся праву студент сформировал как свои чувства, так и стиль, читая и подражая чистейшим классическим писателям, среди которых историки и ораторы будут лучше всего заслуживать его уважения; если он может рассуждать с точностью и отделять аргументы от заблуждений, используя ясные простые правила чистой логики; если он может фиксировать своё внимание и неуклонно следовать истине через любой самый запутанный вывод, используя математические выкладки; если он расширил свои представления о природе и искусстве, рассмотрев несколько отраслей подлинной, экспериментальной философии; если он вбил себе в голову здравые максимы законов природы, лучшие и наиболее достоверные основания человеческих законов; если, наконец, он рассмотрел эти максимы, сведённые в практическую систему в законах императорского Рима; если он сделал это или какую-то часть этого (хотя все это может быть легко сделано под руководством столь способных преподавателей, что когда-либо украшали любые места обучения), студент, квалифицированный таким образом, может приступить к изучению права с невероятным преимуществом и репутацией» [8, р. 26].

А иным образом гармоничную личность юриста-профессионала и не сформировать.

Вопрос об интеграции научно-инструктивной и аналитико-инструктивной подготовки в юридическое образование далеко не прост, не решается тем, чтобы нагнать туда абсолютно далёких от права философов. Нужно немало потрудиться над формированием интереса у студентов юридических вузов и факультетов к науке.

По Спенсеру: «Что значит преподавать? – Это значит систематически побуждать учащихся к собственным открытиям» [9, с. 441]. Как писал Джордж Пойа, «самым хорошим стимулом для учения является интерес, который вызывает у учащегося изучаемый материал, а лучшей наградой за интенсивную умственную деятельность – наслаждение, доставляемое такой деятельностью... Для эффективности изучения учащийся должен интересоваться изучаемым материалом, находить удовольствие в самом процессе изучения» [9, с. 291].

Список литературы

1. Miller A.S. Science and Legal Education [Наука и юридическое образование] // Case Western Reserve Law Review. – 1967. – Vol. 19. – № 1. – P. 29–39.
2. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма – ИНФРА-М, 2019. – 400 с.
3. Понкин И.В. Иллюстрированное введение в прикладную аналитику. Приложение к учебнику «Методология научных исследований и прикладной аналитики». – М.: Буки Веди, 2024. – 88 с. <<https://moscou-ecole.ru/2024/04/02/analyst-training/>>.
4. Понкин И.В. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 4-е, дополн. и перераб. В 2 т. Т. 1: Прикладная аналитика. – М.: Буки Веди, 2023. – 500 с. <<https://moscou-ecole.ru/methodology4-1-2023/>>.
5. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 4-е, дополн. и перераб. В 2 т. Т. 2: Научные исследования. – М.: Буки Веди, 2023. – 640 с. <https://moscou-ecole.ru/2023/06/29/methodology_4-2_2023/>.
6. Галь Н. Слово живое и мёртвое. Из опыта переводчика и редактора. – М.: Книга, 1975. – 196 с.
7. Merlino M., Richardson J.T., Chamberlain J., Springer V. Science in the Law School Curriculum: A Snapshot of the Legal Education Landscape [Наука в учебной программе юридического факультета: Образ ландшафта юридического образования] // Journal of Legal Education. – 2008. – Vol. 58. – № 2. – P. 190–213.
8. The Rights of Persons, According to the Text of Blackstone, incorporating the alterations down to the present time by James Stewart [Права людей, согласно тексту Блэкстоуна, с учетом изменений, внесённых до настоящего времени Джеймсом Стюартом]. – London: Edmund Spettigue, 1839. – xiv; 532 p.
9. Пойа Д. Математическое открытие: Решение задач: основные понятия, изучение и преподавание: Пер. с англ. В.С. Бермана; под ред. И.М. Яглома. 2-е изд., стереотип. – М.: Наука, 1976. – 452 с.

Сафронова Елена Викторовна
профессор кафедры конституционного и
международного права юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

**О ПОПРАВКАХ К МЕЖДУНАРОДНЫМ
МЕДИКО-САНИТАРНЫМ ПРАВИЛАМ 2005 г., ПРИНЯТЫМ НА
77 СЕССИИ ВСЕМИРНОЙ АССАМБЛЕИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

Аннотация. В статье анализируются поправки к Международным медико-санитарным правилам, принятым на 77 сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения в 2024 г. Оценивается угроза их реализации для суверенитета Российской Федерации и безопасности её граждан.

Ключевые слова: Всемирная организация здравоохранения, Международные медико-санитарные правила, Пандемическое соглашение, права человека, Всемирная ассамблея здравоохранения, инфодемия, суверенитет

«Наше время не требует отказа от суверенитета национальных государств, но оно меняет акценты в понимании и применении соответствующего принципа. Поскольку судьба национальных интересов все чаще решается на интернациональном уровне, в международных организациях и на мировых форумах, государство должно быть во всеоружии суверенных средств и возможностей... Долг каждого суверенного государства – блюсти при этом свои национальные интересы, следить за тем, чтобы они не потерпели какого-либо ущерба, не подверглись дискриминации в сравнении с аналогичными интересами других стран» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 503-504).

В последние годы мировая общественность задаёт все больше и больше вопросов Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), стремящейся к установлению наднационального контроля над глобальной сферой здравоохранения. При этом большинство из видов деятельности ВОЗ включает в себе деструктивную идеологию (в том числе противоречит действующим правовым нормам законодательства Российской Федерации, включая раздел II Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвер-

жденных Указом Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809), являющуюся длящейся и прогрессивно-нарастающей угрозой для демографической ситуации в России и безопасности страны в целом.

После пандемии COVID-19, причины которой до настоящего времени вызывают немало вопросов, ВОЗ поставила задачу разработать и принять Глобальный договор «по предотвращению и контролю будущих пандемий» (так называемое Пандемическое соглашение) и поправки к Международным медико-санитарным правилам 2005 г. с декларируемой целью предотвращения пандемий. При этом деятельность ВОЗ по минимизации ущерба от эпидемиологической проблемы международного уровня 2020-2022 гг. отчётливо продемонстрировала вопиющую неспособность и некомпетентность ее сотрудников в вопросах заботы о здоровье населения планеты. В результате мероприятий, осуществляемых по рекомендациям и директивам ВОЗ, в мире возникла сверхсмертность в 2021 году в 17 млн, а в России – 1,1 млн, что является рекордом послевоенного времени [1, 2, 3, 4, 5]. Процесс подготовки этих документов, их анализ давался в ряде наших публикаций, где отмечалась угроза суверенитету и безопасности Российской Федерации в случае их принятия [6].

Идея необходимости готовиться к пандемии базируется на ложном предположении, что пандемии распространены, смертоносны, возникают из-за контакта с животными, и что их можно спрогнозировать и предотвратить. Реализация ложной идеи ведёт к усилению наднациональных полномочий Всемирной организации здравоохранения.

Усилия международной антиглобалистской общественности не позволили реализоваться самым страшным планам. Пандемическое соглашение не было принято, однако работа над ним продолжится, а поправки к Международным медико-санитарным правилам (далее – ММСП или Правила) были приняты с нарушением правил процедуры. Поправки к ММСП принимались методом консенсуса при наличии прямого возражения ряда стран, в частности Республики Словении, а сам проект обновлённых Правил был опубликован на официальном сайте за пять минут до начала обсуждения, что породило много противоречивых сообщений о принятых 77 сессией ВОЗ поправок к ММСП 2005 г.¹

У любой страны, включая Россию есть 18 месяцев для отклонения поправок или предоставления оговорок к ним. О возможности отклонения поправок в соответствии со ст. 22 Устава ВОЗ и ст. 61-62 ММСП заявил и

¹Международные медико-санитарные правила (2005 г). с внесенными поправками № A77/A/CONF./14 от 1 июня 2024 г. URL:

//https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA77/A77_ACONF14-ru.pdf (дата обращения: 3.06.2024).

представитель Российской Федерации В.Ю. Смоленский на заседании Комитета А Всемирной ассамблеи здравоохранения 1 июня 2024 г., посвящённом этому вопросу.

Считая необходимым отказаться от поправок в целом, хотелось все же прояснить ситуацию. Так ли «страшен черт»? От чего пришлось отказаться «адептам пандемии» в окончательном, теперь уже парафированном тексте новой редакции ММСП (2005 г.).

Необходимо отметить, что текст поправок к ММСП от 1 июня 2024 г. значительно изменён даже по сравнению с последней редакцией от 24 апреля 2024 г. Обратимся к основным изменениям.

1. Уточнено понятие «чрезвычайная ситуация пандемического характера» (далее – ЧСЗМЗ), указано, что это ситуация, вызванная *«инфекционным заболеванием»*. В предыдущих редакциях размытость и неконкретность этого понятия значительно расширяли сферу применения ММСП, включая все риски немедицинского характера, например, угроза биоразнообразию, риск изменения климата и пр. Исчезли понятия «пандемия» и «чрезвычайная пандемия», которые были еще в апрельской редакции 2024 г.

2. Убраны отголоски главной идейной основы последних документов ВОЗ – концепции единого здоровья. В редакции 2022 г. была норма о создании совместных сетей эпиднадзора «для оперативного выявления нарушений в области общественного здравоохранения на рубеже взаимодействия между человеком, животными и окружающей средой».

3. В ст. 3 возвращён принцип уважения достоинства, прав человека и основных свобод человека, заменённый в одной из редакций «странным» принципом «справедливости, инклюзивности и согласованности».

4. Отказались от идеи создания единой системы «доступа к патогенам и совместного использования выгод», угрожающей их несанкционированному распространению.

5. Нет требований менять национальное законодательство. В предыдущих редакциях ВОЗ наделялась правом обязывать государства создавать «юридические и административные механизмы», принимать «законы и другие правовые и административные положения для осуществления настоящих Правил».

6. Отказались от создания «летучих отрядов» – «многопрофильных и многосекторальных бригад быстрого реагирования для принятия оперативных ответных мер по просьбам государств-участников в случае получения предупреждений и возникновения ЧСЗМЗ».

7. Не приняли идею «вакцинации с применением препаратов, которые продолжают находиться на этапе исследований».

8. Убрали возмутительное Приложение № 10 «Обязательства по сотрудничеству», в соответствии с которым государства были «обязаны оперативно реагировать на ... запросы и обеспечивать сотрудничество и помощь в соответствии с запросами»; бесконечно «обновлять перечень техно-

логий ведения эпиднадзора» и «передовых подходов к организационной структуре и работе сети эпиднадзора» и др.

9. Отказались от ряда обязательных цифровых документов – «свидетельств с результатами тестирования», «свидетельств, подтверждающих выздоровление ...», цифровых медико-санитарных документов, которые «должны включать средства проверки их подлинности путём поиска данных на официальном веб-сайте, такие как двухмерный штриховой код».

Из тревожного осталась, *во-первых*, идея создания «Национального органа по ММСП» для координации осуществления Правил, который, без сомнений, будет продвигать на национальном уровне рекомендации ВОЗ. *Во-вторых*, сохранилось понятие инфодемии. Правда, сам термин в новой редакции не используется, но закрепляется требование противодействовать «распространению ложной информации и дезинформации», что несомненно ударит по экспертному мнению. *В-третьих*, возросла и так не малая роль Генерального директора при определении чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение и чрезвычайной ситуации пандемического характера.

Надеемся, что Российская Федерация примет верное решение, отказавшись от новой редакции ММСП (2005 г.), реализация которых потребует дополнительных бюджетных расходов и лишь усилит зависимость отечественной медицины от решений организации, запятнавшей себя деструктивной деятельностью.

Список литературы

1. Сафронова Е.В. Правовые проблемы выхода России из Всемирной организации здравоохранения // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2023. Т. 48. № 1. С. 153-166.
2. Сафронова Е.В. Россия с ВОЗу: кому легче? Политико-правовые проблемы выхода из Всемирной организации здравоохранения // *Свободная мысль*. 2023. № 3 (1699). С. 59-72.
3. Сафронова Е.В. Концептуальные основы нового проекта соглашения (или иного международного инструмента) Всемирной организации здравоохранения по предотвращению пандемий // *Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2023. Т. 9. № 3. С. 325-329.
4. Сафронова Е.В., Петрищева Н.С. «Пандемическое соглашение» Всемирной организации здравоохранения: анализ концептуального нулевого проекта // *Актуальные проблемы государства и права*. 2023. Т. 7. № 1 (25). С. 149-158.

5. Сафронова Е.В. Медицинский суверенитет в контексте Пандемического соглашения и поправок к Международным медико-санитарным правилам // Научно-практический журнал Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. Том 11. № 1. С. 45-51.
6. Ракша А.И. Страшная правда демографических пирамид // Журнал Эксперт. № 20. 2022. С. 72-78.

Стус Нина Владимировна

профессор кафедры конституционного и
международного права юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
доктор юридических наук
(Белгород, Россия)

Намитоков Юрий Азметович

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Краснодар, Россия)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ КАК БАЗИС ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация: В статье рассматривается теоретико-смысловое наполнение понятия «правовых основ защиты национальных интересов». Авторы отмечают, что по своей сути национальные интересы являются интегральным выражением интересов всех членов общества, реализуемым через политическую систему и обеспечивающим сочетание в себе интересов каждого человека, интересов национальных, социальных, политических групп с интересами государства. Особое внимание сосредоточено на попытке проанализировать подходы к пониманию сущности и содержанию правовой защиты национальных интересов государства с общетеоретических позиций. Проведен анализ правового обеспечения национальной безопасности в различных формах и проявлениях в современных условиях. Отмечается, что в России правовые основы защиты национальных интересов государства закрепляются на конституционном и законодательном уровнях, а также в ряде международных документов. Такая нормативная регламентация позволяет оптимальное нормативно-правовое регулирование этого вопроса и определяет направления дальнейшего развития России, которые становятся возмож-

ными при наличии эффективного обеспечения суверенитета и территориальной целостности государства. Делается вывод, что в условиях современных вызовов и угроз национальным интересам России политика обеспечения национальных интересов направлена на выполнение следующих задач: во-первых, защита государственного суверенитета (т.е. верховенства, самостоятельности, полноты и единства государственной власти в пределах ее территории, а также независимости и равноправия государства во внешних отношениях); во-вторых, защита территориальной целостности и безопасности государства (противодействие сепаратизма, противодействие территориальным претензиям со стороны других стран, предотвращение попыток вмешательства во внутренние дела государства). В национальных интересах России на этом историческом этапе сделать все возможное, чтобы защитить свой суверенитет и обеспечить территориальную целостность. И, наконец, все вышесказанное не будет иметь смысла, если среди национальных интересов России не будет существенного, быстрого и ощутимого повышения уровня жизни граждан страны. Этот пункт является самым сложным для выполнения, поскольку он предполагает присутствие в политике людей с высокими личными качествами, способных поставить интересы общества выше собственных интересов.

Ключевые слова: правовая защита, национальные интересы, национальная безопасность, территориальная целостность, суверенитет.

«... Бороться за свой интерес – значит отстаивать свое право на развитие. Но прогрессивные возможности бытия в различных обстоятельствах могут проявляться по-разному: когда человеку грозит гибель, его интерес состоит в том, чтобы просто выжить. Отдельный индивид, как и крупный коллектив, действуя в собственном интересе, непременно укрепляет себя, повышает свою жизнестойкость, достигает новые ступени развития. Круг интереса субъекта включает в себя то, что способствует его совершенствованию, прогрессу, и исключает то, что этому мешает, препятствует» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 271).

Введение. В современных реалиях трансформации мироустройства, геополитической турбулентности и глобальных вызовов, с которыми сталкивается Российская Федерация на международной арене, первостепенное значение приобретает вопрос обеспечения национальной безопасности и защиты национальных интересов. Стремление России к выработке эффективных правовых механизмов, направленных на отстаивание своих национальных

приоритетов и ценностей, актуализирует научный дискурс, посвященный правовым основам защиты национальных интересов страны, как фундаментальной основы ее устойчивого развития и процветания.

Национальные интересы представляют собой квинтэссенцию потребностей и устремлений российского общества, отражающих его ценностные ориентиры, историческое наследие и цивилизационную идентичность. Четкая артикуляция и нормативное закрепление национальных интересов является необходимым условием для формирования эффективной стратегии национальной безопасности, способной обеспечить суверенитет, территориальную целостность и поступательное развитие российского государства в условиях нарастающих глобальных угроз и вызовов.

Правовая защита национальных интересов представляет собой комплексную систему правовых норм, институтов и механизмов, направленных на обеспечение реализации национальных приоритетов и противодействие внешним и внутренним угрозам безопасности российского государства и общества. Эффективность данной системы во многом зависит от степени ее легитимности в глазах граждан, их доверия к государственным институтам и готовности активно участвовать в процессах обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, доктринальное осмысление правовых основ защиты национальных интересов России является важнейшей задачей современной правовой науки, призванной выработать концептуальные подходы и практические рекомендации по совершенствованию нормативной правовой базы и правоприменительной практики в данной сфере. Только опираясь на прочный научный фундамент возможно обеспечить эффективную правовую защиту национальных интересов России и гарантировать ее устойчивое развитие в долгосрочной перспективе.

Целью настоящего исследования является научно-теоретическое исследование правовых основ защиты национальных интересов Российской Федерации в современных условиях.

Реализация национальных интересов – естественное право каждого народа, приобретающее особую остроту в моменты возникновения каких-либо угроз в конкретных исторических условиях. В такое время перед государством возникает потребность в выработке или совершенствовании собственной «формулы» национальных интересов, опирающейся на историческое, политическое и культурное развитие, экономический потенциал, геопропространственные факторы и имидж государства на международной арене.

Рассмотрение проблемных вопросов, связанных с правовым обеспечением национальных интересов государства, регуляторных механизмов самохранения человека, общества и государства, всесторонний анализ условий стабильного и безопасного развития экономических, политических, социальных, экологических, демографических, интеллектуальных и культурных интересов страны является приоритетом современности.

Прежде чем приступить к детальному анализу правовых основ защиты национальных интересов России, представляется целесообразным обратиться к семантическому значению ключевых понятий. Так, если обратиться к справочно-словарной литературе, то мы обнаружим синонимическую близость термина «защита» с такими лексемами, как «защищать», «защитить», «защищаться», «защититься». При этом глагол «защитить» интерпретируется как «охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности» [1, с. 196]. Иными словами, защита представляет собой определенный процесс, направленный на ограждение объекта от воздействия опасности.

Следует отметить, что правовая регламентация защиты интересов находит свое отражение в различных нормативных правовых актах, содержание которых варьируется в зависимости от ожиданий и устремлений участников международных отношений. При этом национальный интерес, транслируемый через систему символов и образов позитивного имиджа государства, выступает важнейшим фактором реализации государственной политики.

Учитывая, что предметом настоящего исследования выступают именно правовые аспекты защиты национальных интересов, представляется необходимым обратиться к доктринальному толкованию понятия «правовая защита».

Так, по мнению Л.Н. Завадской, правовая защита представляет собой деятельность компетентных органов, направленную на восстановление нарушенных или оспариваемых субъективных прав и охраняемых законом интересов [2, с. 222]. О.В. Иванов и Б.Ю. Тихонова рассматривают правовую защиту как применение юрисдикционным органом специальных мер, обеспечивающих управомоченному лицу реальную возможность осуществления его права [3, с. 44; с. 11-15].

Обобщая вышеизложенные позиции, можно констатировать, что в доктрине правовая защита трактуется преимущественно как деятельность уполномоченных органов по восстановлению нарушенных прав и законных интересов субъектов правоотношений. Вместе с тем, ряд ученых, в частности Н.В. Витрук [4, с. 361] и А.В. Стремоухов [5, с. 17], предлагают более широ-

кий подход, включая в содержание правовой защиты не только деятельность компетентных органов по устранению препятствий в реализации правового статуса личности, восстановлению нарушенных прав и обязанностей, привлечению виновных к ответственности, но и самозащиту прав самим лицом. Представляется, что подобная трактовка является вполне обоснованной, поскольку самозащита как конституционный вид деятельности осуществляется лицом в не запрещенных для этого формах, актуализирует выполнение соответствующими государственными органами вмененных им обязанностей [6, с. 69].

Заслуживает внимания и концепция А.А. Баукена, согласно которой правовая защита представляет собой особое правоотношение (систему правоотношений), включающее основное отношение между потерпевшим и причинителем вреда по поводу пресечения нарушения и восстановления нарушенных прав и законных интересов (самозащита), а также факультативные отношения, возникающие между компетентными органами и причинителем вреда, компетентными органами и потерпевшим [7, с. 12]. Данный подход обусловлен тем, что правовая защита как юридическая деятельность в любой из своих форм реализуется исключительно в рамках правоотношений.

С точки зрения формы существования, правовая защита может выступать и как правовое поведение. По определению В.Н. Кудрявцева, правовое поведение – это «социально значимое поведение индивидуальных и коллективных субъектов, подконтрольное их сознанию и воле, предусмотренное нормами права и влекущее юридические последствия» [8, с. 41]. При этом правовая защита как правовое поведение должна носить правомерный характер, то есть представлять собой осознанное поведение субъектов, соответствующее правовым нормам и гарантированное государством.

Правовая защита неизменно предстает в качестве юридического процесса, причем как в широком, так и в узком смысле. В широком понимании правовая защита есть система взаимосвязанных правовых форм деятельности государственных органов и общественных объединений. В узком смысле она представляет собой систему взаимосвязанных, специально упорядоченных, последовательных операций, подчиненных общей цели и приводящих с помощью соответствующих приемов и средств к конкретному результату.

Проведенный анализ научных воззрений позволяет заключить, что одной из ключевых и основополагающих форм реализации правовой защиты выступает юридическая деятельность, которая имманентно включает в себя как правотворческую, так и правоприменительную составляющие. Данная

точка зрения получила широкое распространение и обрела значительное число сторонников в современной юридической науке.

Наряду с понятием «защита», в научном дискурсе активно используется термин «охрана». Большинство исследователей при проведении научных изысканий четко разграничивают данные понятия. В конституционно-правовой доктрине превалирует подход, согласно которому охрана трактуется как совокупность методов и способов, направленных на обеспечение эффективной реализации правовых норм и субъективных прав, в то время как защита рассматривается в качестве системы мер, применяемых в случае посягательства на охраняемые законом интересы либо при наличии факта правонарушения (Н.А. Богданова [9], В.Н. Бутылин [10], Н.М. Колосова [11], И.Н. Гальвина [12]). Представляется методологически верным и обоснованным использовать в качестве критерия разграничения понятий «защита» и «охрана» факт реального посягательства на национальные интересы государства.

Понятие «национальный интерес» вошло в научное обращение относительно недавно – в 1935 году оно впервые было включено в Оксфордскую энциклопедию социальных наук. Тем не менее, данная категория быстро обрела широкое распространение и стала предметом оживленных дискуссий среди представителей различных научных школ и направлений.

Современное научное мнение апеллирует к многовекторным определениям категории «национальный интерес», что обусловило появление различных научных школ. В начале 50-х годов XX столетия в западных академических кругах в практике использования понятия «национальный интерес» сформировались две парадигмы – политический реализм и либерально-идеалистическая. Между представителями «реалистического» направления, основателем которого был Г. Моргентау, и представителями «идеалистического» направления, представителем которого был У. Вильсон, шли широкие дискуссии по определению сущности национального интереса. В теории реалистической парадигмы национальный интерес является продуктом сложных взаимоотношений между субъектами международных отношений и базируется на понятии интереса, сформулированном в терминах власти.

Несмотря на концептуальные расхождения большинство исследовательских подходов сходятся в понимании национальных интересов как жизненно важных потребностей государства и общества в обеспечении их защищенности и поступательного общественно-политического и социально-экономического развития.

Применительно к целям данного исследования можно привести следующее определение: «национальные интересы – это симбиоз внутренних и

внешних интересов народа России, направленных на поступательное развитие в социальной, экономической, политической и духовной сферах, а также на предотвращение существующих угроз национальной безопасности, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности страны, формирование лидирующих позиций в мире, поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений с другими странами» [13, с. 62].

По своей сути, национальные интересы выступают в качестве интегрального выражения интересов всех членов общества, реализуемое посредством функционирования политической системы и обеспечивающее гармоничное сочетание интересов каждого человека, интересов национальных, социальных, политических групп с интересами государства.

Внешнеполитическое измерение национальных интересов предполагает обеспечение государственного суверенитета и территориальной целостности, определение места и роли страны в глобальном геополитическом пространстве в конкретно-исторических условиях, достижение баланса сил и ресурсов с использованием международно-правовых, политико-дипломатических, военно-стратегических, торгово-экономических и гуманитарных механизмов. Внутриполитический аспект национальных интересов заключается в создании условий для стабильного поступательного развития общества, повышения уровня и качества жизни населения, обеспечения политической стабильности и эффективного функционирования институтов государственной власти.

Формирование национальных интересов происходит в ходе исторического становления национального государства как субъекта международного права, а их правовая защита неразрывно связана с нормотворческой и правоприменительной деятельностью государственного аппарата. Традиционная парадигма национальных интересов зиждется на трех основополагающих элементах: обеспечении военной безопасности, достижении экономического процветания и развития, а также поддержании государственного суверенитета как неотъемлемого атрибута контроля над определенной территорией и населением. В соответствии с правовой защитой можем отнести комплекс мер и мероприятий юридического характера, включающих в себя как нормотворческую, так и правоприменительную деятельность компетентных органов власти. Данный комплекс мер направлен на создание благоприятных условий для реализации стратегических целей и задач государства, а также на нейтрализацию потенциальных угроз и вызовов национальной безопасности.

Проблема правового обеспечения национальных интересов нашего государства в своей основе моделирует стратегические цели и задачи, объекты устремлений и направления развития нации, механизмов, методов и форм их реализации, которые по своей направленности ориентированы на выживание и поступательное развитие, и, в определенной степени, лидерство личности, общества и государства.

Правовая защита национальных интересов выполняет две важные задачи – обеспечение высокого международного имиджа государства и применение положительных моментов среди международного сообщества, содействию развитию гражданского общества, повышению благополучия населения.

Выполнение этих задач зависит от позиции государственных служащих, их активности и целенаправленности в вопросе позиционирования интересов государства в глазах общества.

Вопросы формулирования правовой защиты национальных интересов находятся в ведении первых лиц Российской Федерации, которое определяют стратегические ориентиры внешней и внутренней политики. Именно система ценностных установок, принципов и убеждений государственных деятелей, их мировоззренческие позиции и видение места России в системе международных отношений служат основой для выработки эффективных правовых механизмов защиты национальных интересов. Осознание государственного энтузиазма направляет государственных служащих на достижение поставленных целей, характеризует форму позиционирования страны в обществе.

Формирование и развитие концептуальных основ национальных интересов Российской Федерации в правовом поле берет свое начало с момента принятия Декларации СНД РСФСР «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», которая провозгласила государственный суверенитет России, характеризующийся верховенством, самостоятельностью, полнотой и неделимостью власти Республики в пределах ее территориальных границ, а также независимостью и равноправием в международных отношениях [14]. Основные положения Декларации нашли свое отражение в Конституции Российской Федерации: статья 4 провозглашает суверенитет Российской Федерации на всей ее территории, подчеркивая незыблемость и неотчуждаемость данного принципа. Кроме того, Основной Закон, закрепляя основополагающие принципы государственного устройства и гарантируя права и свободы личности, создает прочный правовой фундамент для защиты национальных интересов России.

В настоящее время ключевым нормативным правовым актом, определяющим актуальные вызовы и угрозы национальной безопасности России и направляющим деятельность органов публичной власти на обеспечение национальных интересов, выступает Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [15] (далее – Стратегия), разработка и обновление которой предусмотрены действующим Федеральным законом «О безопасности» [16] (пункт 3 статьи 4). Стратегия трактует национальные интересы Российской Федерации как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии» (пункт 5) и определяет их перечень (пункт 25).

Помимо Стратегии национальной безопасности, национальные интересы России находят свое отражение в других документах стратегического планирования, таких как Концепция внешней политики Российской Федерации, Военная доктрина Российской Федерации, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации и др. Данные документы конкретизируют национальные интересы применительно к отдельным сферам государственной политики.

Государственная политика в сфере национальной безопасности ориентирована на обеспечение военной, внешнеполитической, государственной, экономической, информационной, экологической безопасности, кибербезопасности России и иных жизненно важных сфер. Реализация таких интересов становится возможной при нормальном функционировании системы национальной безопасности России, обеспечивающей необходимый уровень защищенности государственного суверенитета, территориальной целостности, конституционного строя и других национальных интересов России от реальных и потенциальных угроз.

Нормативное закрепление национальных интересов государства создает правовую основу для их полноценного функционирования, определяет стратегические ориентиры и приоритеты дальнейшего развития государства, которые могут быть достигнуты при условии надлежащего обеспечения суверенитета и территориальной целостности России. Правовая институционализация национальных интересов выступает фундаментом для формирования и реализации эффективной государственной политики, направленной на защиту и продвижение жизненно важных потребностей личности, общества и государства, создание благоприятных условий для устойчивого социально-экономического развития страны и укрепления ее позиций на международной арене. Только при наличии четко артикулированных и нормативно закреплённых национальных интересов возможно построение суверенного,

сильного и процветающего государства, способного адекватно реагировать на весь спектр внутренних и внешних вызовов и угроз.

В современных геополитических реалиях, характеризующихся нарастанием вызовов и угроз национальным интересам Российской Федерации, первостепенное значение приобретает государственная стратегия, направленная на обеспечение защиты государственного суверенитета и сохранение территориальной целостности страны. Данные императивы являются фундаментальными основами существования и развития российской государственности, гарантией реализации ее национальных интересов на международной арене.

Защита государственного суверенитета, понимаемого как верховенство, самостоятельность, полнота и неделимость государственной власти в пределах территории страны, а также независимость и равноправие государства во внешних отношениях, представляет собой комплексную задачу, включающую в себя ряд ключевых аспектов. В первую очередь, речь идет об обеспечении независимости государства, что предполагает возможность реализации внешнеполитического курса, основанного на приоритетности национальных интересов, без давления со стороны других государств или иных факторов. Не менее важным является обеспечение равноправия государства на международной арене, то есть наделение его теми же суверенными правами и правосубъектностью, которыми обладают другие государства.

Другой ключевой задачей государственной стратегии России является защита территориальной целостности и сохранности страны. В условиях усиления внешнего деструктивного воздействия на развитие сепаратистских настроений в российском государстве данная функция приобретает особую актуальность и остроту. Ее реализация предполагает противодействие региональному политическому сепаратизму, осуществление эффективной государственной миграционной политики, организацию сбалансированного социально-экономического развития регионов с целью обеспечения равных прав населения различных административно-территориальных единиц. Кроме того, важнейшими составляющими данной функции являются противодействие территориальным претензиям со стороны некоторых соседних стран и предотвращение попыток вмешательства во внутренние дела государства.

Таким образом, защита национальных интересов России в современных условиях требует комплексного подхода, основанного на реализации государственной стратегии, направленной на обеспечение государственного суверенитета и территориальной целостности страны. Только при условии успешного решения данных задач возможно сохранение и укрепление рос-

сийской государственности, а также реализация ее национальных интересов на международной арене. Последнее требует консолидации усилий всех ветвей и уровней власти, институтов гражданского общества, бизнес-сообщества на основе четко артикулированной общенациональной повестки, отвечающей коренным чаяниям народа и императивам исторического развития России.

Выводы. Подводя итог проведенного исследования, следует констатировать, что национальные интересы представляют собой сложную, многоаспектную категорию, отражающую фундаментальные потребности и стремления нации, обеспечивающие ее выживание, безопасность и прогрессивное развитие. Национальные интересы выступают в качестве квинтэссенции интересов личности, общества и государства, находящихся в диалектическом единстве и взаимообусловленности. Они охватывают широкий спектр жизненно важных сфер, включая обеспечение государственного суверенитета, территориальной целостности, устойчивого социально-экономического развития, сохранения культурно-исторической идентичности и духовно-нравственных ценностей.

Правовое обеспечение защиты национальных интересов представляет собой комплексную систему юридических норм, институтов и механизмов, направленных на предотвращение, нейтрализацию и ликвидацию угроз и вызовов национальной безопасности. Ключевую роль в данном процессе играет государство, осуществляющее целенаправленную политику по созданию эффективной нормативно-правовой базы, совершенствованию институциональной структуры, оптимизации правоприменительной практики в сфере защиты национальных интересов.

Особую значимость приобретает конституционно-правовое регулирование вопросов защиты национальных интересов, поскольку именно Конституция закрепляет фундаментальные принципы и ценности государственного и общественного строя, определяет стратегические приоритеты и ориентиры развития страны. Законодательство в данной сфере должно обеспечивать баланс между интересами личности, общества и государства, создавать надежные гарантии реализации и защиты прав и свобод граждан, эффективно противодействовать внутренним и внешним угрозам.

В условиях нарастания глобальных вызовов и угроз, обострения геополитической конкуренции и международной напряженности защита национальных интересов России приобретает особую актуальность и значимость. Это требует консолидации усилий всех ветвей и уровней власти, институтов гражданского общества, научно-экспертного сообщества в целях выработки и реализации эффективной стратегии обеспечения национальной безопасно-

сти, отстаивания суверенитета и территориальной целостности государства, создания благоприятных условий для устойчивого социально-экономического развития и повышения качества жизни граждан.

Таким образом, правовые основы защиты национальных интересов представляют собой важнейший компонент системы обеспечения национальной безопасности, от эффективности функционирования которого во многом зависит будущее России как суверенного, сильного и процветающего государства, способного адекватно реагировать на современные вызовы и угрозы, отстаивать свои национальные интересы на международной арене.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: «Русский язык», 1987. 915 с.
2. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / отв. ред. Лукашева Е.А. М.: Наука, 1983. 264 с.
3. Иванов О.В. Защита гражданских прав как правовой институт и как научная проблема. Вопросы советского государства и права // Труды Иркутского университета. Т. 45, вып. 8, ч. 3. Иркутск, 1967. С. 41-56; Тихонова Б.Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1972. 22 с.
4. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 447 с.
5. Стремоухов А.В. Правовая защита человека. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2006. 323 с.
6. Мархгейм М.В. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2005. 198 с.
7. Баукен А.А. Правовая защита собственности в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 23 с.
8. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. 287 с.
9. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. М.: Юристъ, 2001. 254 с.
10. Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 80-91.
11. Колосова Н.М, Охрана и защита Конституции / Конституционное законодательство России. М.: Городец Формула права, 1999. 381 с.
12. Гальвина И.Н. Охрана и защита основ конституционного строя Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук, Челябинск, 2006. 26 с.

13. Национальные интересы России: публично-правовые аспекты институционализации и обеспечения: монография / В.Ю. Туранин, Е.Е. Тонков, А.Н. Пасенов [и др.]. М.: ООО «Русайнс», 2020. 176 с.
14. Декларация СНД РСФСР от 12.06.1990 № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 1990. № 2. Ст. 22.
15. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ, 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
16. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

Священник Баган Владислав Владимирович
преподаватель кафедры богословских и церковно-исторических
дисциплин Смоленской духовной семинарии
Смоленской Епархии Русской Православной Церкви,
кандидат богословия, кандидат юридических наук
(Смоленск, Россия)

ПРОБЛЕМАТИКА ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СРЕДИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КАНОНИСТОВ КОНЦА XIX В.: К ИСТОРИИ ОДНОЙ ДИСКУССИИ

Аннотация. Представленная статья анализирует историко-каноническую реконструкцию церковно-государственных отношений в Византии на примере авторских концепций дореволюционных канонистов (Т.В. Барсов, А.С. Павлов). Одной из центральных дискуссионных тематик в научно-исследовательской среде второй половины XIX столетия стала проблематика поиска оптимальной модели государственно-церковного взаимодействия. Начиная с 1880-х гг., господствующей в церковно-академическом сообществе стала концепция «византийской симфонии», хотя она подверглась впоследствии серьезной и конструктивной критике.

Ключевые слова: каноническое право, церковное право, система церковного права, церковно-государственные отношения, Т.В. Барсов, А.С. Павлов

«Религия есть необходимая форма освоения человеком внешнего мира, стоящая в одном ряду с наукой, искусством, литературой, этическим и правовым сознанием общества. Религиозное чувство рождается из духов-

ной потребности верить, которая сродни потребностям индивида знать, исследовать, художественно самовыражаться, правильно вести себя в обществе и коллективе. Вместе в другими духовными факторами культуры религия формирует общий человеческий взгляд на мир...» (Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 406).

После падения атеистического строя в отечественной гуманитарной науке стали вестись активные дискуссии о месте и роли Церкви в государстве. Изменилась политическая конъюнктура, что привело к изменению государственной идеологии. В то же время стал распространяться интерес к Русской Православной Церкви в среде российского общества. Духовенство стало принимать активное участие в официальных мероприятиях, активизировалась его деятельность в социально-ориентированных направлениях жизни страны. Это делает особенно актуальным изучение историко-канонических теорий государственно-церковных взаимоотношений в разные исторические периоды, а также интерпретация этих концепций ведущими дореволюционными теоретиками. Данная проблема имеет важное политическое, социально-экономическое и культурное значение.

Великие реформы имп. Александра II в 1860-х гг. стали точкой отсчета для последующей дискуссии, весьма насыщенной в академической среде, в отношении поиска оптимальной модели взаимодействия Церкви и государства [1, 2]. В данном исследовании мы обратимся к творческому наследию отечественных канонистов, выстраивавших критику господствовавшей западноевропейской (демократической) модели взаимодействия Церкви и государства. Выявлением недостатков либерально-буржуазной концепции вероисповедной политики занялись многие ведущие канонисты Российской империи (Т. В. Барсов, А. С. Павлов). Однако за этой критикой скрывались совершенно разные точки зрения, отличные церковно-канонические концепции.

Профессор церковного законоведения в Санкт-Петербургской Духовной академии Тимофей Васильевич Барсов (1836 – 1904) одним из первых стал критиковать идею «внеконфессионального» государства и концепцию институциональной независимости религии в своих научных статьях, посвященных взаимоотношениям Церкви и светской власти. Стоит отметить, что Т. В. Барсов отмечал внешнюю умозрительную привлекательность модели независимости церковной и светской властей, особенно для среды российских постреформенных либералов [3, с. 144]. Однако пользу в таких взаимоотношениях профессор находил «поверхностной», маркируя концепцию «церковно-государственной независимости» как «американскую» [3, с. 144].

Профессор Т. В. Барсов считал, что социально-политически невозможно совмещение двух свободных институций – Церкви и государства. Полная самостоятельность одной инстанции является прямым следствием принуждения другой [3, с. 150]. Учитывая, что церковная власть будет в большинстве случаев проигрывать светской с точки зрения материальных ресурсов и социально-политического капитала, можно прийти к логичному заключению: «свободному государству» нет смысла испытывать на себе авторитет «свободной церкви» [3, с. 151]. Спасение для Церкви профессор Т. В. Барсов находит в модели «византийской симфонии», отразившейся в законодательстве имп. Юстиниана, где нормы светского права не могли противоречить христианской доктрине и этике [3, с. 161]. Опять же здесь необходимо отметить, что подобная идеализированная концепция церковно-государственного союза, основанного на равноправии, успешно критиковалась оппонентами через обращение к многочисленным прецедентам государственного принуждения в истории Византии. Опыт насильственных действий светской власти в вероисповедной политике рассматривался критиками «симфонии» как негативное явление.

Т. В. Барсов пытался акцентировать внимание на мотивировке действий светских властей, отмечая базовую функцию христианского государства «защищать Церковь и ее вероучение» [3, с. 795]. Т. В. Барсов в данном случае обращался к правовой структуре такого церковного института, как Вселенский Собор. Дело в том, что в правовом отношении Вселенские Соборы обладали государственным характером, то есть были «имперскими». Их созыв санкционировался императором, а соборные постановления доктринального и канонического свойства получали государственный нормативно-правовой статус, тем самым гарантируя защиту Православия и его вероучения на законодательном уровне. По мнению Т. В. Барсова, такой подход в корне отличался от формалистской Римско-языческой системы вероисповедной политики, ассоциировавшейся с исключительно ритуальным титулом «*pontifex maximus*» [3, с. 812]. Так, личное благочестие христианских василевсов на законодательном уровне способствовало распространению ортодоксального христианства и ограничению «разномыслия», что безусловно, с точки зрения Т. В. Барсова, было благом для Церкви [3, с. 817].

Несмотря на то, что современная историография не приписывает Т.В. Барсову авторство концепцию «византийской симфонии», тем не менее столичный профессор привнес множество аргументов в ее пользу, предполагая взаимовыгодное сотрудничество Церкви и государства. По мнению Т.В. Барсова в рамках модели «византийской симфонии» Церковь приобретает большее количества социальных благ, чем в рамках условной независи-

мости, так как «становится под охрану и покровительство государства», получает «законодательную защиту» от нападков со стороны [3, с. 166, 169]. Государство, с точки зрения Т. В. Барсова, самоограничивает себя «в вопросах веры», охраняя свободу православного вероисповедания на законодательном уровне [3, с. 225].

Начиная с 1880-х гг., концепция «византийской симфонии» стала преобладающей среди отечественных канонистов и византологов, однако далеко не все исследователи готовы были принять все теоретические положения этой историографической системы; например, ярким критиком «симфонической» концепции Т.В. Барсова был авторитетный отечественный канонист профессор Алексей Степанович Павлов (1832 – 1898).

Проблематика церковно-государственных отношений в наследии А.С. Павлова проявлялась как в его лекционных курсах, так и в публицистических работах. Профессор А.С. Павлов считал концепцию «симфонии» несколько умозрительной и идеализированной, публично оспаривая релевантность «симфонической» (равноправной) модели церковно-государственных отношений реальной истории православной Византии. А.С. Павлов постулировал социально-политическое доминирование светской власти над церковной, как в рамках византийской, так и российской, общественных систем, объединяя их через идеологическую преемственность государственного строя.

А.С. Павлов считал систему права в Российской империи «легитимной» наследницей «византийского права» [5, с. 348] с точки зрения философии права и правового мировоззрения. Объяснял эту преемственность профессор общим каноническим источником Византийского церковного права. То есть государственное право Византии и Российской империи коррелировало друг с другом, как это ни покажется странным для светских исследователей, посредством интегрирующей базы общего свода церковных канонов. Коррелировали не только правовые системы, но и статус автократоров (самодержцев), византийского и российского [5, с. 334], функции которых совпадали в конкретной социально-политической роли «защитника и хранителя христианских догматов» [5, с. 361].

Здесь профессора А.С. Павлова нельзя обвинить к голословности и бездоказательности теоретических положений, напротив, все исследовательские заключения он подкрепляет исторической аргументацией. В частности, вышеобозначенная церковно-политическая функция самодержца, как «защитника и хранителя христианских догматов», фактически отражена в уголовном кодексе Российской империи, где «ересь, раскол, богохульство, святотатство» расцениваются как уголовно наказуемые преступления. А такое по-

нимание в славянский правовой ареол пришло исключительно из «греческого Номоканона» и является феноменом, привнесенным с христианством в Россию [5, с. 519].

Представленный ход мыслей пока внешне не противоречит церковно-государственной концепции Т. В. Барсова. А. С. Павлов в своих работах не раз повторял важнейшее теоретическое положение о том, что Церковь свободна от «внешних» (светских) влияний в области своего «внутреннего» устройства (доктринальная, этическая, каноническая плоскость) [5, с. 361]. Причем А.С. Павлов конкретизирует проблематику традиционных механизмов регулирования «внутренней» жизни Церкви посредством института священноначалия (иерархия, епископат) и Соборов (Вселенские, Поместные).

Однако, мысли А.С. Павлова и Т.В. Барсова идут по разным направлениям, когда идеальная модель церковно-государственных отношений начинает соотноситься с реальной историей этого взаимодействия на примере Византии, когда провозглашаемая «свобода и самостоятельность» Церкви в рамках внутрицерковных дел бесцеремонно нарушались светской властью. Как было описано выше, по мнению Т.В. Барсова, личное благочестие и конфессиональная мотивированность христианских василевсов Византии оправдывали «внутрицерковную узурпацию», ведь подобное поведение было безусловным благом для Церкви [5, с. 817].

Для А.С. Павлова, как последователя самого известного оппонента концепции «византийской симфонии» И.Е. Троицкого, подобные прецеденты «светской узурпации» церковной власти приобретали ту критическую массу, не позволявшую считать «симфоническую» модель церковно-государственных отношений ни релевантной в ретроспективе исторического пути «ромеев», ни социально реализуемой в будущем Российской империи.

Итак, важнейшим теоретическим положением для профессора А.С. Павлова был постулат независимости Церкви во «внутрицерковных» делах (доктринальная, этическая, дисциплинарная сферы), нарушение которого естественным образом можно было расценивать, как «неканоническое» [5, с. 331]. Историческим прецедентом, подтверждающим эту мысль, для А.С. Павлова является, в частности, вероисповедная политика императора Константина II [5, с. 331]. Стоит пояснить, что источником «неканоничности» могла быть не только светская власть, но к ней могли подталкивать и представители священноначалия, в частности, заинтересованные в усилении государственности придворные иерархи. А.С. Павлов иллюстрирует эту ситуацию через обращение к личности знаменитого канониста Феодора Валь-

самона, пропагандировавшего значительные властные полномочия византийского василевса в области «внутрицерковных» дел [5, с. 74].

Таким образом, профессора А.С. Павлов и Т.В. Барсов не различались в способах оценках освещения исторических реалий церковно-государственных отношений, но давали им довольно различные трактовки, которые соответствующим образом оказывали влияние на построение самобытных теоретических моделей взаимодействия светской и духовной властей.

Необходимо отметить, что рефлексия по поводу церковно-государственных отношений столь разных, но одинаково заслуженных профессоров, как А.С. Павлов и Т.В. Барсов, являются отражением той разнообразной палитры гражданско-общественной и академической мысли, свойственной второй половине XIX столетия. За этот небольшой хронологический период отечественное научно-исследовательское пространство планомерно изменялось под воздействием различных институциональных изменений как в сфере цензуры общественной мысли, так и в области высшего духовного и светского образования. Профессор А.С. Павлов, можно так выразиться, отразил либеральное и «реформистское» направление в духовно-академической среде 1860 – 1870-х гг., постулировавшей свободный научно-исследовательский проект. Профессор Т.В. Барсов пошел по пути «консервативных» 1880-х гг., связанных со сворачиванием «реформистской» повестки в правление имп. Александра III. Тем не менее, каждый из исследователей пошел по своему проторенному пути, не забывая о самобытности мысли и необходимости аргументированной рефлексии.

Список литературы

1. Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). – Москва: ПСТГУ, 2006.
2. Сухова Н.Ю. 2012. Церковное право в православных духовных академиях России: проблемы и традиции. Религии мира. История и современность. 2012. С. 346-368.
3. Барсов Т. В. 1872. Различные системы взаимных отношений церкви и государства // Странник. Т. 1. Январь, С. 141-178.
4. Барсов Т. В. 1877. Об участии государственной власти в деле охранения древней вселенской церкви и ее веры // Христианское чтение. Май-июнь. № 5-6. С. 785-820.
5. Павлов А. С. 1902. Курс церковного права заслуженного профессора Императорского Московского университета А. С. Павлова, [чит. в 1900-1902 г.] – Сергиев Посад: тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 539 с.
6. Барсов Т. В. 1896. Святейший Синод в его прошлом. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 446 с.

Богатырев Магомед Резванович
научный сотрудник НОЦ правовых исследований,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
кандидат юридических наук
(Нальчик, Россия)

ПОНЯТИЕ И ПРИРОДА ЭКСТРАОРДИНАРНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В данной статье представлен авторский подход к определению понятия и природы экстраординарного правового регулирования.

Ключевые слова: правовое регулирование, чрезвычайное положение, чрезвычайная ситуация, экстраординарность в праве

«Крупным прорывом в понимании природы права явилось применение в юридических исследованиях системного подхода и системного анализа, и, прежде всего, вытекающий из общей теории систем вывод, согласно которому право, правовое регулирование – это не механизм, не конгломерат отдельных структур, не агрегат рационально соединённых элементов, приводимый в движение конструктором или инженером (законодателем или правоприменителем), но открытая динамическая система, обладающая качествами единства и целостности, активно взаимодействующая со средой, социальной и природной» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011. С. 70).

В условиях глобальных вызовов и угроз, с которыми Российская Федерация столкнулась в последнее десятилетие, особое значение в системе правового регулирования приобретает т.н. «чрезвычайное» законодательство. На настоящий момент законом интерпретируются такие институты, субинституты и правовые режимы, как «чрезвычайная ситуация» (Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера), «чрезвычайное положение» (Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»), «военное положение» (Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»), «специальная военная операция» (Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»), «чрезвычайные и

непредотвратимые при данных условиях обстоятельства» (ч. 3 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации) и другие. Все они объединяются едиными целями и задачами – обеспечить особый порядок правового регулирования, направленный на преодоление и (или) минимизацию общественно-опасных последствий чрезвычайных (кризисных) ситуаций.

Несомненно, само по себе наличие в системе правового регулирования «особого блока» правовых норм и комплексных образований, включающегося в нормативную регламентацию и охрану соответствующих общественных отношений при исключительных ситуациях, не оспаривается и даже приветствуется в силу его социального назначения – минимизации рисков и угроз кризисных ситуаций. Вместе с тем, нам представляется спорным использование в таких ситуациях термина «чрезвычайный», и вот почему.

Во-первых, сами ученые, использующие в своих трудах словосочетания «чрезвычайное право», «чрезвычайное правовое регулирование», употребляют их в кавычках, поясняя данный момент определенной степенью условности.

Во-вторых, термин «чрезвычайный» имеет официальное толкование на законодательном уровне, которое, в силу публично-правового характера правового регулирования, не подлежит расширительной интерпретации (ст. 1 и 3 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении: от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ»). Соответственно, данная модель правового регулирования, эффективно действующая в отношении существующих вызовов и угроз применительно к режиму чрезвычайного положения, не может быть использована для урегулирования иных кризисных ситуаций - таких, как военное положение, контртеррористическая операция, специальная военная операция, пандемия и т.д., которые уже сейчас не «охватываются» понятиями чрезвычайного положения и чрезвычайной ситуации, что требует качественно иного, более объемного термина для их обозначения.

Таким образом, в сложившейся ситуации, когда наше государство и его суверенитет сталкиваются с многочисленными вызовами и угрозами, как внешнего, так и внутреннего характера, в правовой сфере необходимо сформировать подсистему права, включающую модели (механизмы, режимы) правового регулирования, применимые (готовые к применению) в кризисных ситуациях. Подобную подсистему мы предлагаем именовать – экстраординарное право. Словарное определение понятия «экстраординарный» охватывает все те атрибутивные признаки, которые мы бы хотели видеть в природе экстраординарного правового регулирования, а именно – «выходящий из ряда обычных явлений; чрезвычайный, необычайный» [1].

Авторская позиция по данному вопросу находит отклик и у других ученых, исследующих данную проблематику. В частности, в рамках конституционно-правового исследования В.Г. Романовский заявляет об отсутствии законодательного закрепления термина «экстраординарная ситуация», в то время как, по его мнению, именно он должен использоваться при характеристике «особых ситуаций, правовое регулирование которых невозможно без применения специальных правовых методов и средств» [2, с. 24].

Т.В. Вербицкая, в свою очередь, также озадачена подысканием правовых норм в условиях экстраординарных ситуаций, с тем чтобы «при сложной обстановке глава государства мог применять инструменты, позволяющие оперативно учитывать характер и степень опасности возникающей ситуации, минимизировать и устранять ее последствия, не разрабатывая специально к конкретной ситуации средства правового регулирования» [3, с. 72].

Понятие «экстраординарность» имеет место и в административно-правовых исследованиях, посвященных одноименным (специальным, особым и т.д.) правовым режимам. Так, С.М. Зырянов определяет последние, как «разновидность специальных административно-правовых режимов, вводимых при возникновении чрезвычайных ситуаций, на время, пока такие ситуации не будут ликвидированы или не прекратятся естественным путем либо до устранения последствий данных чрезвычайных ситуаций. Временный характер таких режимов обусловлен особенностями их содержания, в числе которых чрезмерность предусматриваемых ими мер в обычных условиях, изменение системы управления, приостановление функционирования предприятий и организаций» [4, с. 72].

В 2023 году С.Д. Хазановым и Л.Д. Лифановым опубликован цикл статей, посвященных рассмотрению законодательства об экстраординарных (специальных) правовых режимах государств-участников Содружества Независимых Государств, к которым авторы относят правовые режимы военного, чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации, контртеррористической операции и противодействия экстремизму [5, с. 15].

Данное мнение также доказывает справедливость нашего подхода к пониманию экстраординарного правового регулирования и его элементов (средств, механизмов, режимов и т.д.). В этой связи изучение понятия и природы экстраординарного правового регулирования в современных условиях считаем особенно актуальным и перспективным направлением научных исследований, имеющим не только важное теоретическое, но и огромное практически-прикладное значение.

Список литературы

1. URL: <https://lexicography.online/э/экстраординарный?ysclid=lsxop6r92r64101299> (дата обращения: 22.04.2024).
2. Романовский В. Г. Экстраординарная ситуация: понятие, правовой режим, особенности регулирования // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9. № 1(33). С. 54-62.
3. Вербицкая Т. В. Совершенствование механизмов правового регулирования, применяющихся в Российской Федерации в условиях возникновения экстраординарных ситуаций // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16, № 2. С. 41-47.
4. Зырянов С. М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. 2016. № 4 (232). С. 72-81.
5. Хазанов С. Д., Лифанов Д.М. Законодательство об экстраординарных (специальных) правовых режимах государств-участников Содружества Независимых Государств: сравнительно-правовой анализ (часть 1) // Бизнес, менеджмент и право. – 2023. – № 3(59). – С. 15-19.

Дегтярев Михаил Владимирович,
кандидат юридических наук,
докторант кафедры административного права и
процесса Московского государственного
юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
(Хабаровск, Россия)

ЧТО ДЕЛАЕТ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ ТЕОРИЮ ТЕОРИЕЙ? НА ПРИМЕРЕ ТЕОРИИ ИННОВАЦИОННЫХ ПУБЛИЧНО- ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

Аннотация. Статья посвящена вопросу о том, что делает в юридической науке теоретический комплекс выкладок самостоятельной научной теорией. Автор объясняет собственную авторскую научно-правоведческую теорию инновационных публично-правовых режимов.

Ключевые слова: правовая инноватика, инновационные публично-правовые режимы, научная теория, научная теория в юридической науке, методологическое обеспечение

«Методология правового регулирования начинала складываться задолго до того, как человечество научилось строить научные картины мира» (Мальцев Г.В.) [1, с. 105].

Научный метод включает в себя формулирование гипотез и их проверку, чтобы увидеть, соответствуют ли они реалиям мира природы. Успешно доказанные гипотезы могут привести либо к научным теориям, либо к научным законам, которые схожи по своему характеру, но не являются синонимами. Научная теория – это описание мира природы, которое учёные доказали посредством строгих испытаний. В научном сообществе теория объясняет, как природа ведёт себя в определённых условиях. Теории имеют тенденцию быть настолько широкими, насколько позволяют их подтверждающие научные данные. Они стремятся служить окончательным объяснением некоторых аспектов мира природы [2].

Научные законы и теории выполняют разные задачи, – писала Лайза Лабрасио. – Научный закон предсказывает результаты определённых начальных условий. Теория пытается дать наиболее логичное объяснение тому, почему вещи происходят именно так. Закон предсказывает, что происходит, а теория предполагает, почему. Теория никогда не перерастёт в закон, хотя развитие одной из этих позиций часто приводит к развитию другой. Нам не вручили универсальное руководство по эксплуатации. Вместо этого мы постоянно предлагаем, оспариваем, пересматриваем или даже заменяем наши научные идеи в процессе незавершённой работы. Законы обычно сопротивляются изменениям, поскольку они не были бы приняты, если бы не соответствовали данным, хотя мы иногда пересматриваем законы перед лицом новых неожиданных данных. Однако признание теории часто носит состязательный характер. Множество теорий могут конкурировать за лучшее объяснение нового научного открытия. Даже неверные теории имеют свою ценность. Дискредитированная алхимия стала родиной современной химии, а медицина добилась больших успехов задолго до того, как мы поняли роль бактерий и вирусов. Тем не менее, лучшие теории часто приводят к новым захватывающим открытиям, которые были невообразимы при старом образе мышления. Мы также не должны предполагать, что все наши нынешние научные теории выдержат испытание временем. Одного неожиданного результата достаточно, чтобы бросить вызов статус-кво. Однако уязвимость перед каким-то потенциально лучшим объяснением не ослабляет действующую научную теорию. Вместо этого он защищает науку от превращения в неоспоримую догму. Хороший научный закон – это тонко настроенная машина, блестяще выполняющая свою задачу, но не знающая, почему она ра-

ботает так хорошо. Хорошая научная теория – это израненный, но непоко- рённый боец, который рискует потерпеть поражение, если не сможет одо- леть следующего соперника или адаптироваться к нему. Несмотря на разли- чия, науке нужны и законы, и теории, чтобы понять всю картину [3].

В любом тематическом горизонте всегда есть место возможному в разработке научной теории [4, 5].

В общем значении, по И.В. Понкину, теория представляет собой он- тологически-свёрнутый и синтетически-сплавленный, высокоорганизован- ный, обособленный и самореферентный, надлежаще обоснованный когни- тивно-объяснительный порядок, абстрактно-мыслительный субстрат «сжа- тых» фиксации, отображения и репрезентации проекций и образов опыта прошлого («суммируя» топологию, методы, технологии и инструменты – то, что в прошлом пробовалось и делалось для решения разнообразных про- фильных прикладных научных задач и что было при этом успешным, а равно – что может быть сделано), передающий необходимые знания, умения и навыки, достроенный субстратами методов моделирования, планирования и оценивания будущего [6, 7, 8].

Уже из этого определения (явно перегруженного, но достаточно уни- версального) видно, что далеко не всякий набор умопостроений и умозаклю- чений, какими бы они каждое в отдельности ценными ни были, тянут в сово- купности на полноценную научную теорию.

Что делает нашу теорию инновационных публично-правовых режи- мов [9, 10] научно-правоведческой теорией, что позволяет ей необходимо и достаточно соответствовать хрестоматийным признакам теории?

Теория инновационных публично-правовых режимов – это системная совокупность полноты и наиболее существенных знаний об инновационных публично-правовых режимах. Теория раскрывается через комплекс понятий, классификаций и объяснений инновационных регуляторных инструментов и технологий, посредством которых инновационные публично-правовые ре- жимы составляются и реализуются. Теория основана на научном объяснении правовой инноватики в целом, а также (через объяснение причинности) на проблеме и тенденции прогрессирующей сложности и запутанности в праве – через это теория согласована с прогностическим взглядом на будущее в праве.

Согласно нашему объяснительному мета-концепту, научная публич- но-правовая теория инновационных публично-правовых режимов представ- ляет собой системно связанный и концептуально-структурированно упоко- ванный комплекс полученных и обобщённых знаний об указанной специфи- ческой предметно-объектной области, обладающий конструкцией (компо-

новой системы и её компонентов, определяемой количеством, природой и взаимосвязями её составных частей, – п. 3.2.34 ГОСТ Р 57306–2016), включающей:

1) в качестве несущих основ:

1.1) базовый рабочий словарь определений базовых юридико-лексических единиц – ключевых понятий теории, стандартизированно описывающих указанную предметно-объектную область и позволяющую в ней системно ориентироваться;

1.2) систему базовой аксиоматики – устоявшихся и общепризнанных пониманий базовых понятий и подходов в науке административного права и в целом в публично-правовой науке, выступающую исходным концептуально-парадигмальным остовом и рамками теории;

1.3) метаданные (структурированные данные, описывающие контекст, содержание и структуру документа на протяжении его жизненного цикла – п. 3.18 ГОСТ Р 7.0.107–2022), выражаемые краткими атрибутами относительно привязки этой теории к направлениям в правовой науке, обозначения применимости и пределов применимости этой теории;

1.4) научный формат данных, излагающих теорию (как определённый формат представления логически организованной информации, являющейся результатом научного познания и отображающей явления, законы природы, мышления и общества, – п. 3.16 ГОСТ Р 7.0.107–2022);

2) в качестве основного корпуса теории:

2.1) корпус знаний и теоретических выкладок о ключевых причинах и предпосылках и соответствующих детерминантах формирования и целевого задействования инновационных публично-правовых режимов и реализующих их инновационных регуляторных технологий и инструментов;

2.2) таксономия (классификация классификаций) инновационных регуляторных технологий и инструментов (реализующих в определённых системных сочетаниях инновационные публично-правовые режимы), их видовое многообразие, определяющая их соотношения и места их позиций в общем их объёме (п. 3.31 ГОСТ Р 60.0.0.8–2023);

2.3) объяснительный и классифицирующий концепт правовых инноваций (правовой инноватики) и инновационализации публично-правовых режимов (как неотъемлемого элемента и существенно значимого детерминанта эффективного функционирования и регуляторной работоспособности публично-правовых режимов и в целом публичного управления);

2.4) концепт понятия, признаков и критериальной основы инновационности публично-правового режима;

2.5) концепт итеративно-адаптируемого характера и экспериментально-регуляторного характера регулирования (взаимосвязанных с понятием моделирования в праве) как интеллектуализированных основ проектирования, тестирования, внедрения и задействия инновационных публично-правовых режимов;

2.5) корпус знаний и теоретических выкладок о достоинствах и недостатках инновационных публично-правовых режимов и реализующих их инновационных регуляторных технологий и инструментов, сопряжённых с ними и детерминируемых ими рисках, причинах их неэффективного или дефектного задействия, способах оценки потенциала и результативности таких режимов и реализующих их технологий и инструментов, о перспективах задействия указанных режимов в общем контексте будущего в праве.

Указанная наша авторская научно-правоведческая теория в полной мере стыкуема с фундаментальными аксиомами и научными подходами теорий административного права, конституционного права и публичного финансового права, не противоречит им, потому что в этой теории не пересматривается ничего из них, не опровергается и не ниспровергается ничего из них. Предмет этой теории – то из публично-правового регулирования (в устоявшемся понимании), что подпадает под выделяемые нами критерии инновационности.

В этой теории, как раз на основе сформировавшихся публично-правовых наук, поднимается объективно новый и слабо объяснённый пласт теоретических и практических проблем, в таком обобщённом виде пока не отражённый в отечественной и зарубежной науке.

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма – ИНФРА-М, 2011. – 800 с. – С. 105.
2. Theory vs. Law: Basics of the Scientific Method [Теория против права: основы научного метода] // <<https://www.masterclass.com/articles/theory-vs-law-basics-of-the-scientific-method>>. – 07.06.2021.
3. LaBracio L. What's the difference between a scientific law and theory? [В чем разница между научным законом и теорией?] // <<https://blog.ed.ted.com/2016/06/07/whats-the-difference-between-a-scientific-law-and-theory-in-ted-ed-gifs/>>. – 07.06.2016.
4. Понкин И.В. К вопросу об исчерпаемости научных тем и направлений: без шансов для начинающих исследователей? // Администратор образования. – 2024. – №7. – С. 69–72.

5. Понкин И.В. Сделать первый шаг в создании исследовательского продукта // Администратор образования. – 2023. – № 24. – С. 65–69.
6. Понкин И.В. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 4-е, дополн. и перераб. В 2 т. Т. 1: Прикладная аналитика. – М.: Буки Веди, 2023. – 500 с. – С. 58–59. <<https://moscouescole.ru/methodology4-1-2023/>>.
7. Понкин И.В. Иллюстрированное введение в прикладную аналитику. Приложение к учебнику «Методология научных исследований и прикладной аналитики». – М.: Буки Веди, 2024. – 88 с. <https://moscouescole.ru/2024/04/02/analyst-training/>
8. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 4-е, дополн. и перераб. В 2 т. Т. 2: Научные исследования. – М.: Буки Веди, 2023. – 640 с. <https://moscouescole.ru/2023/06/29/methodology_4-2_2023/>.
9. Дегтярев М.В. Инновационные публично-правовые режимы и правовая инноватика: В вопросах и ответах / Под ред. д.ю.н., проф. И.В. Понкина / Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Буки Веди, 2024. – 108 с.
10. Дегтярев М.В. Инновационные публично-правовые режимы и реализующие их инновационные регуляторные технологии / Под ред. д.ю.н., проф. И.В. Понкина / Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Буки Веди, 2023. – 430 с.

Никонова Людмила Ивановна

доцент кафедры конституционного и международного права

юридического института НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИНДИКАТОРЫ МЕХАНИЗМА СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ В РОССИИ

Аннотация. На основе положений текста Базового закона Российской Федерации выделены основные индикаторы механизма сдержек и противовесов при организации, функционировании и взаимодействии органов, входящих в единую систему публичной власти, и признаваемые в качестве таковых в конституционной доктрине. Сделан вывод, что конституционная формализация индикаторов механизма сдержек и противовесов, включающих разный источник и способ формирования органов государственной вла-

сти, разный срок их полномочий и наличие элементов сдерживания, согласования и контроля между ветвями власти, направлена на взаимное уравнивание ветвей власти и превентивное разрешение конфликтов между ними.

Ключевые слова: Конституция, принцип разделения властей, механизм сдержек и противовесов, конституционные индикаторы

«Особая и высшая задача правового регулирования – держать динамику общества в рамках устойчивой системы, не допустить скатывания общества к неустойчивому состоянию» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. Монография. М.: Норма, 2007. С. 48).

Являясь классической формулой теории конституционализма, принцип разделения властей, представляющий собой триаду в виде законодательной, исполнительной и судебной властей, будет реализован не только при функциональном разделении полномочий между ними, но и при условии наличия механизма взаимного сдерживания, согласования и контроля различных ветвей, гарантируя при этом сохранение их самостоятельности и независимости в принятии решений.

Характеризуя американскую модель принципа разделения властей, Ю.К. Краснов отмечает, что она дополнена детально разработанной системой «сдержек и противовесов», включающей «различные источники формирования органов государственной власти, разный срок их полномочий, создание продуманного механизма «снятия» диктаторских поползновений властей» [1]. Установленные «отцами основателями» американского государства в тексте Конституции США 1787 г. индикаторы механизма сдержек и противовесов можно экстраполировать на формирование и деятельность федеральных органов, входящих в разные ветви единой государственной власти в России.

Реализуя положения ст. 3 Конституции Российской Федерации 1993 г., что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», осуществляющий эту власть как «непосредственно, а также через органы государственной власти ...» [2], Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, избираемая напрямую гражданами, является классическим и наиболее оптимальным органом народного представительства, сформированным в соответствии с подлинным волеизъявлением российских граждан.

Совет Федерации Федерального Собрания России представляет интересы субъектов Российской Федерации. Граждане, проживающие на территории регионов, в выборах сенаторов участвуют опосредованно, т.е. через

органы законодательной (представительной) и исполнительной государственной власти субъектов России, тем самым «отражая разные стороны народного представительства в Российской Федерации» [3].

Не выпадают из контекста косвенного участия граждан в формировании этой палаты Федерального Собрания и представители Российской Федерации, назначаемые Президентом России (п. «в». ч. 2 ст. 95 Конституции Российской Федерации). Поэтому солидаризируемся с мнением О.Н. Булакова, что Совет Федерации является «участником системы отношений опосредованного народного представительства» [4, с. 82].

Оппонируя А.С. Борисову и В.А. Холодову считающим, что такой способ формирования Совета Федерации «подменяет представительство населения регионов представительством органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [5, с. 164] полагаем, что действующая модель комплектования состава этой палаты федерального парламента обусловлена непобедимостью реализации принципа федерализма в системе государственной власти.

Поддерживаем точку зрения С.А. Авакьяна, считающего, что текстуально в п. «а» ч. 2 ст. 95 Конституции Российской Федерации произошло «смешение сущностного и организационного факторов» [6, с. 6]. Поскольку формулировка «по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации» является сущностным содержанием этой палаты, а «по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти» представляет собой процедуру формирования Совета Федерации. Как точно подмечает ученый, «краткость формулировок, которая необходима для Основного закона, в данном случае повела к иному толкованию: в членах палаты порой предпочитают видеть представителей органов субъекта Российской Федерации» [6, с. 6].

Опираясь на опыт зарубежных стран (например, Индии, где «представители каждого штата в Совете Штатов избираются членами Законодательного собрания штата...» (п. 4 ч. 1. ст. 80 Конституции Республики Индия 1949 г. [7, с. 205]); Австрии, где «члены Федерального совета и их заместители избираются ландтагами земель на срок своих полномочий» (ч. 1 ст. 35 Федерального конституционного закона Австрии 1920 г. в ред. 1929 г. [8]); Франции, в которой Сенат формируется представителями региональных, генеральных и коммунальных советов – местных органов и «обеспечивает представительство территориальных коллективов Республики» (ст. 24 Конституции Французской Республики 1958 г. [9, с. 90] и др.), использующих косвенные выборы при формировании верхних палат, полагаем столь

«многомерное представительство граждан» [4, с. 84] направлено на расширение демократических начал в институтах государственной власти.

Не касаясь обсуждения проблем и вопросов, связанных с порядком формирования Совета Федерации, считаем использование опыта государств, применяющих прямые выборы при формировании этой палаты (США, Бразилия, Италия и др.), будет способствовать активизации взаимодействия сенаторов с избирателями регионов, тем самым, повышая уровень доверия граждан к государственным институтам, поскольку россияне зачастую «отождествляют органы власти с деятельностью определенного государственного или политического деятеля» [10, с. 22].

Формирование кадрового состава высших судов (Конституционного и Верховного судов Российской Федерации) осуществляется Советом Федерации по представлению главы государства, что дает значительные конституционные возможности оказывать влияние на назначение судей со стороны этих органов.

Следующим конституционным индикатором механизма сдержек и противовесов является разный срок полномочий органов государственной власти. Так, Президент России, избираемый на шесть лет (с ограничением сроков занимать эту должность), участвует в назначении на должность Председателя Правительства Российской Федерации, его заместителей и федеральных министров, кандидатуры которых утверждены Государственной Думой, и федеральных министров, указанных в п. «д.1» ст. 83 Конституции России. Поскольку согласно конституционной норме, Президент принимает решение об отставке Правительства (п. «в» ст. 83), то срок полномочий высшего федерального органа исполнительной власти находится в пределах срока полномочий главы государства и не может его превышать.

Срок полномочий депутатов Государственной Думы составляет пять лет. Сенаторов, являющихся представителями от субъектов Российской Федерации, также пять лет, совпадая со сроком полномочий законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти субъекта России (соответственно ч. 11 ст. 7 и ч. 2 ст. 20 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [11]). Срок полномочий членов Совета Федерации – представителей Российской Федерации составляет шесть лет.

Предотвращение одновременного обновления состава палат федерального парламента и выборов (назначения) должностных лиц выступает конституционным средством сохранения преемственности, служит мерой по

предупреждению политической конфронтации и возникновению кризисных ситуаций между ветвями власти.

Полномочия судей не ограничены определенным сроком (законодательно установлен предельный возраст пребывания в должности, составляющий семьдесят лет), что соответствует конституционному принципу неменяемости судей (ст. 121 Конституции), рассматриваемому как гарантия их независимости от органов или лиц, участвующих в их назначении.

Определяющими конституционными индикаторами в рассматриваемом механизме являются возможности взаимного влияния ветвей государственной власти друг на друга, позволяющие предотвратить верховенство одной из них и обеспечивающие устойчивость и единство публичной власти. Они «встроены» в текст Базового закона, и их активация происходит при взаимодействии федеральных органов государственной власти.

Учитывая неиспользование механизма сдержек и противовесов в конституционной практике последних лет, И.Г. Шаблинский называет его «выключенным», хотя проводит ретроспективный анализ его применения (например, отказ Государственной Думы в утверждении кандидатур на должность Председателя Правительства России, предложенных Президентом в 1998 г. (п. «а» ч. 1 ст. 103 Конституции); попытку федерального парламента отрешить от должности Президента России в 1998 г. (ст. 93 Конституции); право Государственной Думы выразить недоверие Правительству в 1994 г., 1995 г., 2001 г. и др. (ч. 3 ст. 117 Конституции) и другие) [12].

Полагаем, что закрепление в тексте Конституции России таких индикаторов системы сдержек и противовесов как возможность отклонения Государственной Думой кандидатур, предложенных Президентом России на должность Председателя Правительства Российской Федерации; отлагательное вето Президента, которое может быть преодолено квалифицированным большинством голосов (не менее двух третей) каждой из палат парламента при повторном рассмотрении федерального закона; право Государственной Думы выразить недоверие Правительству; контрольные полномочия Государственной Думы; право Конституционного Суда признать любой закон (либо отдельно его положения), а также акты исполнительной власти не соответствующими Конституции Российской Федерации и др. [13] направлено на взаимное уравнивание ветвей власти и превентивное разрешение конфликтов, препятствующих «согласованному функционированию и взаимодействию органов, входящих в единую систему публичной власти» (ч. 2 ст. 80 Конституции).

Полагаем уместным привести мнение М.В. Мархгейм, которое мы в полной мере поддерживаем. Так, обосновывая взаимодействие в качестве

конституционного принципа, она отметила, что «Взаимодействие преимущественно сопряжено с законодательной, исполнительной и судебной властями (ч. IV ст. 7 Конституции Азербайджана) / ветвями «с использованием системы сдержек и противовесов» (ч. 4 ст. 3 Конституции Казахстана), государственными органами (ст. 6 Конституции Беларуси). В ст. 6 Конституции Молдовы, именуемой «Разделение и взаимодействие властей», закреплено, что «законодательная, исполнительная и судебная власти разделены и взаимодействуют при осуществлении своих прерогатив в соответствии с положениями Конституции». Эти подходы, отражающие сущностную взаимосвязь принципов организации государственной власти (прежде всего принципы единства, разделения на функциональные ветви, сдержек и противовесов), выступают дополнительными аргументами в пользу отнесения взаимодействия к числу конституционных принципов» [14, с. 55].

Таким образом, конституционная формализация индикаторов механизма сдержек и противовесов, которые включают в себя разный источник и способ формирования органов государственной власти, разный срок их полномочий и наличие элементов сдерживания, согласования и контроля между ветвями власти, направлена на обеспечение устойчивости и преемственности публичной власти, конструктивное и результативное взаимодействие федеральных органов, совместный поиск наиболее оптимальных вариантов решений при выполнении важных государственных задач.

Список литературы

1. Краснов Ю.К. Принцип разделение властей в России: теория и практика // Право и управление. XXI век. 2005. №1 <https://studylib.ru/doc/2259927/princip-razdelenie-vlastej-v-rossii--teoriya-i-praktika> (дата обращения: 12.04.2024)
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с изм. и доп. от 30 декабря 2008 г., от 30 декабря 2008 г., от 05 февраля 2014 г., от 21 июля 2014 г., от 14 марта 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 1, Ст. 2; 2014. № 6. Ст. 548; № 14. Ст. 4202.; 2020. № 30 (часть I). Ст. 4202.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 1995 г. № 2-П «По делу о толковании статей 103 (часть 3), 105 (части 2 и 5), 107 (часть 3), 108 (часть 2), 117 (часть 3) и 135 (часть 2) Конституции Российской Федерации» URL: <https://constitution.garant.ru/act/assembly/10104579/> (дата обращения: 12.04.2024)

4. Булаков О.Н. О представительной функции Совета Федерации Федерального Собрания РФ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9 (82) сентябрь. С. 81-86.
5. Борисов А.С. Государственные Думы России: законотворческий и представительный опыт в контексте историко-правовой компаративистики / А.С. Борисов, В.А. Холодов // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 161-168.
6. Авакьян С.А. Совет Федерации: четверть века проблем формирования палаты // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 1. С. 3-20.
7. Конституции государств Азии; в 3 т. Т. 2 Средняя Азия и Индостан /под ред. Т.Я. Хабриевой – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. 1024 с.
8. The Federal constitutional law Austria of 1920 as amended in 1929 as to Law No. 153/2004, December 30, 2004; https://constitutionnet.org/sites/default/files/Austria%20_FULL_%20Constitution.pdf (дата обращения: 12.04.2024)
9. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, США, Япония, Бразилия: учеб. пособ. /сост. и под. общ. ред. В.В. Маклакова. – 7 е изд. перераб. и доп. – М., 2010. 656 с.
10. Макаренко Д.Г. Механизмы формирования доверия общества к институтам государственной власти // Мониторинг правоприменения. 2021. № 2 (39). С. 21-26.
11. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.
12. Шаблинский И.Г. Выключенный механизм: сдержки и противовесы в российской конституционной практике // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 2 (75). С. 107-115.
13. Никонова Л.И. Система сдержек и противовесов в срезе российских конституционных новаций // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4 (167). С. 79-86.
14. Мархгейм М.В. Взаимодействие как конституционный принцип // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 54-56.

Чаплицкий Федор Федорович,
государственный инспектор МРЭО
ГИБДД УМВД России по Белгородской области
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Актуальность темы обусловлена внедрением новых цифровых технологий в повседневную жизнь общества. В век цифровых технологий информация распространяется с чрезмерно быстрой скоростью и как следствие затрудняет возможность обработки, фильтрации и передачи не искаженной безопасной информации до потребителя. В такой небезопасной среде неокрепшие сознания несовершеннолетних подвергаются опасному воздействию и как правило приводит к деформации восприятия окружающей действительности, что приводит к росту правонарушителей с их стороны. Цель статьи заключается в анализе проблематики воздействия на поведение несовершеннолетних доступности различного рода информационных ресурсов. В ходе исследования были выявлены проблемы с обеспечением информационной безопасности в России, а также были сформулированы предложения по совершенствованию законодательства с целью профилактики правонарушении несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, обеспечение информационной безопасности, родительский контроль, психолого-диагностический контроль.

«От качества и активности данных институтов [институтов социального контроля и социальной корректировки] зависит состояние правовой системы, бывает, что и они «пропускают» через себя неудачные нормы, не «замечают» ошибок законодателя. Их можно за это критиковать, реформировать, но нельзя недооценивать, ибо они, вообще говоря, отвечают за превращение «плохого» права в «хорошее», создают в обществе атмосферу доверия к праву, формируют престиж закона и его нормы» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. Монография. М.: Норма, 2007. С. 637).

Информационное многообразие и открытый доступ к различным видам инфо-ресурсов представляет опасность для здорового развития несовершеннолетних, безопасного детства и правильного восприятия моральных

ценностей. Большая часть преступлений и правонарушении несовершеннолетних совершается из-за неправильного воспитания со стороны родителей, опекунов (законных представителей), а также обуславливается тем, что несформировавшийся как личность несовершеннолетний практически всегда ищет для себя пример поведения и тем самым создает кумиров не всегда из положительных героев, тем самым оправдывая жестокость, насилие и иные преступные проявления. Ни для кого не секрет что после трансляции в открытых доступах художественных произведений со сценами насилия, и организации преступных группировок резко вспыхнули противоправные проявления со стороны подростков. Создание мнимых кумиров, культа противоправного поведения в столь не безопасной инфо-среде приводит к неблагоприятным последствиям. В этой связи необходимо обратить внимание на должный родительский и педагогический контроль отклонения поведения несовершеннолетних, воспитание в них правильных ценностей доброты, взаимопомощи, любви. Работы правоохранительных органов в том числе и в сфере обеспечения информационной безопасности. Федеральный закон «О полиции» возлагает на полицию обязанность «выявлять причины преступлений и административных правонарушений и условия, способствующие их совершению, принимать в пределах своих полномочий меры по их устранению ...» [1]. Из этого следует, что административные правонарушения являются объектом государственного внимания не с позиции силового воздействия путем усиления мер государственного принуждения к правонарушителям, но с позиции социально-правового явления, требующего внимательного изучения. К сожалению, до сих пор нет научной концепции, которая могла бы помочь в разработке будущего алгоритма поиска причин административных правонарушений, и тем самым повысить эффективность в определении природы его возникновения и выработки научно обоснованных программ профилактики [2].

Тенденция постоянно нарастающего объема работы и обязанностей возлагающихся на действующих сотрудников МВД и при этом низкий материальный уровень оказал отрицательное влияние на кадровый потенциал органов внутренних дел. Все более трудные условия труда и не соразмерная оценка выполняемых обязанностей вынудило уйти многих профессионалов в другие структуры. Лихорадочное восполнение кадровых потерь многочисленными выпускниками образовательных учреждений МВД России, не имеющих достаточного опыта практической работы, не решило проблемы. Была нарушена преемственность, когда опытные сотрудники готовили молодых? передавали свой бесценный опыт работы. Так же одной из неблагоприятных причин снижения эффективности работы стало то, что в органы

внутренних дел стали приходить на службу люди не по убеждению, а с целью использовать свое служебное положение ради незаконного обогащения или по другим отрицательным мотивам. В итоге население в своем большинстве перестало, к большому сожалению, доверять органам внутренних дел.

Итак, определив некоторые причины возникновения противоправного поведения со стороны несовершеннолетних, разберем возможные пути совершенствования профилактических мер воздействия на детскую и подростковую преступность на конкретном примере. Не будем углубляться в профилактику преступников и рецидивистов, а рассмотрим на примере совершения административных правонарушений, те моменты, когда поведение несовершеннолетнего можно скорректировать и предостеречь от возможной дальнейшей деформации правильного восприятия норм дозволенного поведения.

Административной ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет [3]. Так говорит нам КоАП РФ, но правонарушения совершают и до этого возраста, что, если, к примеру, 15-летний несовершеннолетний совершает правонарушение, предусмотренное ст. 12.7 ч.1 КоАП РФ (Управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством) без каких-либо серьёзных последствий. По общему правилу за данное правонарушение предусмотрена ответственность в виде штрафа от 5000 до 15000 рублей. Однако так как 15-летний правонарушитель не является субъектом за его действия отвечает родитель (законный представитель). В случае если родитель сам позволил данные противоправные действия и находился в момент правонарушения рядом в автомобиле, то он будет привлечен по ч. 3 ст. 12.7 КоАП РФ (штраф 30 000 рублей). Помимо этого, комиссия по делам о несовершеннолетних вынесет решение по ч.1 ст. 5.35. (Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних) где предусмотрена ответственность в виде предупреждения либо штрафа в размере от 100 до 500 рублей. Однако если родитель (законный представитель) не знал, что подросток сам взял транспортное средство без спроса решив испробовать свои водительские навыки, то в этом случае родитель подлежит лишь ответственности по ч.1 ст. 5.35 КоАП РФ. В виду чего очевидна разница в воздействии на родителя. И зачастую из-за незначительного воздействия на родителя, каких-либо воспитательных мер к несовершеннолетнему не применяется, а порой и вовсе оправдываются действия своего чада. Такое поведение в не до конца сформированном сознании

подростка откладывается как допустимое и может привести к дальнейшей деформации восприятия норм дозволенного. В этой связи хотелось бы внести предложение по изменению действующего законодательства в плане не увеличения санкции, а в возможной проработке воздействия на поведение родителей и детей. Введение такой меры как прохождение обязательного психолого-диагностического курса, куда родитель и несовершеннолетний обязаны были бы посещать в случае совершения правонарушения. А в случае невыполнения указанного обязательства допустить возможность изменения санкции на более крупный штраф чем предусмотрен в настоящее время. Работа со специалистом психологом (педагогом) может повлиять на сознание родителя и несовершеннолетнего тем самым предупредив возможные противоправные деяния. А также усилить контроль над подростковой преступностью. В целях повышения эффективности психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса и оказания комплексной психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи участникам образовательных отношений с учетом их особенностей и образовательных потребностей Минпросвещения России разработана и утверждена Концепция развития психологической службы в системе образования в Российской Федерации на период до 2025 года [4].

Преждем к проблематике информационного обеспечения несовершеннолетних. Выделяются следующие виды информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей: 1) побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству, либо жизни и (или) здоровью иных лиц, либо направленная на склонение или иное вовлечение детей в совершение таких действий; 2) способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, никотинсодержащую продукцию, алкогольную и спирто-содержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством; 3) обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев, предусмотренных этим Федеральным законом; 3.1) содержащая изображение или описание сексуального насилия; 4) отрицающая семейные ценности и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи; 4.1) пропагандирующая либо демонстрирующая нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения; 4.2) пропагандирующая педофилию; 4.3) способная вызвать у детей желание сменить пол; 5) оправдывающая противоправное поведение;

б) содержащая нецензурную брань; 7) содержащая информацию порнографического характера; 8) о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), включая фамилии, имена, отчества, фото- и видеоизображения такого несовершеннолетнего, его родителей и иных законных представителей, дату рождения такого несовершеннолетнего, аудиозапись его голоса, место его жительства или место временного пребывания, место его учебы или работы, иную информацию, позволяющую прямо или косвенно установить личность такого несовершеннолетнего; 9) содержащаяся в информационной продукции, произведенной иностранным агентом [5].

За нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, предусмотрена ответственность по ст. 6.17 КоАП РФ. Однако стоит отметить, что развитие цифровых технологий, расширение информационной среды в сети интернет требует повышенного контроля в данной сфере тем самым обуславливает увеличение численности квалифицированных сотрудников позволяющих обеспечить постоянную и непрерывную работу в этой сфере. Необходимо усовершенствовать процесс регистрации информационных ресурсов, серверы которых находятся на территории Российской Федерации, с возможностью доступа к ним только после регистрации, с подтверждением возрастного критерия. Целесообразно предусмотреть возможность правового воздействия в случае нарушений указанных требований со стороны правоохранительных органов. Требуется проработать возможность блокировки сайтов с недопустимой информацией, сервера которых находятся за пределами территории России. Все это позволило бы увеличить контроль за предоставляемой информацией и тем самым профилактировать правонарушения в сфере защиты детей.

Подводя итог, отметим, что Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 года № 240 [6], период с 2018-2027 гг. объявлены десятилетием детства, что ориентирует все публичные органы и институты гражданского общества объединять усилия в пользу защиты детства. Правильно выстроенная работа с подрастающим поколением, как представляется, принесет значительный вклад в развитие и улучшение в социальной сфере, а также значительную пользу обществу и государству в целом.

Список литературы

1. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32615>

2. Бронфман Б.Е. Проблемы, возникающие при профилактике административных правонарушений // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 5. С. 83-87.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17704>
4. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 28.04.2023) // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32492>
5. Концепция развития психологической службы в системе образования в Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Минобрнауки России от 19.12.2017// Официальные документы в образовании. 2018. № 5.
6. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954>

Эйриян Гульнар Николаевна

доцент кафедры гражданского права

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

кандидат юридических наук

(Пермь, Россия)

ИНТЕГРАЦИЯ БЕСПИЛОТНИКОВ В ЕДИНОЕ ВОЗДУШНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы интеграции беспилотников в единое воздушное пространство России в контексте новых вызовов. Сделан вывод, что развитие беспилотной авиации сопряжено с наземным риском, который подлежит обязательному учету при разработке правил использования дронов. Указанные правила как в России, так и за рубежом находятся в стадии становления, охватывая собой отношения по предупреждению как непреднамеренного, так и преднамеренного вреда жизни и здоровью граждан, их имуществу, а также наземной инфраструктуре.

Ключевые слова: воздушное пространство, земельные участки, беспилотная авиация

«Объект и объективная реальность лежат в начале конструирования образа порядка, на них он ориентирован, к ним возвращается на финальной стадии регулирования, в сфере реализации нормативных требований к поведению людей. Поскольку этот образ проецируется в будущее, предназначен к тому, чтобы наложиться на развивающиеся общественные отношения в регулируемой сфере, он должен быть развёрнут как программа или проект порядка, в осуществлении которого люди заинтересованы» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2011. – С. 28).

Распоряжением Правительства РФ от 21 июня 2023 г. № 1630-р утверждена Стратегия развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года и план мероприятий по ее реализации (далее – Стратегия)¹, а также план мероприятий по ее реализации. Стратегия является отраслевым документом стратегического планирования, определяющим развитие и формирование перспективного облика беспилотной авиации на указанные периоды, в том числе в интересах развития высокотехнологичных отраслей экономики и совершенствования беспилотных авиационных систем как продукта, обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации, расширения инфраструктуры для безопасного применения беспилотных авиационных систем и наращивания кадрового потенциала отрасли беспилотной авиации.

Согласно данным, приведенным в Стратегии, услуги с применением беспилотных авиационных систем используются в широком перечне отраслей экономики России (геологоразведка и добыча полезных ископаемых, строительство, сельское и лесное хозяйство, топливно-энергетический комплекс и сфера развлечений). Наиболее популярными видами услуг с применением беспилотных авиационных систем в 2022 году являлись мониторинг нефте- и газопроводов, электросетей (около 40 процентов), авиационно-химические работы в сельском хозяйстве (около 20 процентов), световые шоу (около 12 процентов), работы в целях лесоустройства (около 7 процентов), обследование объектов капитального строительства (около 7 процентов), перевозка грузов (около 6 процентов), картография и кадастр (около 5 процентов) и аэромагнитная разведка (около 3 процентов). Представляется, что сфера применения беспилотных авиационных систем будет только уве-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 21.06.2023 №1630-р «Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года и плана мероприятий по ее реализации // Собрание законодательства РФ. 2023. № 27. Ст. 5055.

личиваться, поскольку «степень их потенциального применения на национальном уровне зависит только от изобретательности человека» [2].

Одна из задач ближайшего будущего – разработка нормативно-правового регулирования использования беспилотных гражданских воздушных судов (далее также – беспилотное воздушное судно, беспилотник, дрон)¹. Как отмечают зарубежные авторы, «в 21 веке парадигма беспилотных технологий сменилась с военных операций на гражданские» [3]. Отметим, что использование беспилотных гражданских воздушных судов связано, прежде всего, с их интеграцией в единое воздушное пространство определенного государства, в отношении которого оно обладает полным и исключительным суверенитетом. В РФ эта задача решается в рамках государственного регулирования использования воздушного пространства Российской Федерации и деятельности в области авиации. К числу основных нормативных актов следует отнести Воздушный кодекс Российской Федерации², Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации³. Важное значение в контексте рассматриваемых вопросов также имеют Концепция интеграции беспилотных воздушных судов в единое воздушное пространство Российской Федерации и план по ее реализации⁴.

Указанные выше документы направлены, прежде всего, на обеспечение приемлемого уровня безопасности полетов беспилотных и пилотируемых воздушных судов в едином воздушном пространстве Российской Федерации. Вместе с тем применение беспилотных воздушных судов способно оказывать влияние и на использование земельных участков (земель). Причем такое влияние может иметь как положительный характер (например, использование дронов в сельском хозяйстве), так и негативный. К числу потенциальных негативных последствий применения дронов следует отнести создание риска для жизни и здоровья граждан, а также риска причинения вреда наземной инфраструктуре и имуществу граждан. Отметим, что недопущение данных последствий является одним из базовых принципов интеграции беспилотных авиационных систем в единое воздушное пространство Российской Федерации. Кроме того, применение дронов сопряжено с возможным

¹ В соответствии с пп. 2.1 п. 1 ст. 8 Воздушного кодекса Российской Федерации беспилотное гражданское воздушное судно является элементом беспилотной авиационной системы.

² Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

³ Постановление Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 (ред. от 21.06.2023) «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 14. Ст. 1649.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 05.10.2021 № 2806-р (ред. от 05.12.2022) «Об утверждении Концепции интеграции беспилотных воздушных судов в единое воздушное пространство Российской Федерации и плана реализации Концепции в части развития технологий» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 42. Ст. 7159.

вторжением в частную жизнь. С учетом сказанного, основными вызовами в использовании земельных участков (земель), обусловленных развитием беспилотной авиации, являются обеспечение наземной безопасности и неприкосновенности частной жизни.

Остановимся подробнее на основных направлениях правового регулирования отношений по обеспечению наземной безопасности при эксплуатации дронов. Основную роль в регламентации указанных отношений играет законодательство об использовании воздушного пространства и деятельности в области авиации, в рамках которого в настоящее время происходит формирование специальных положений для беспилотных гражданских воздушных судов. Дэвид Ходжкинсон и Ребекка Джонстон отмечают, что «правила безопасности дронов призваны защитить людей как в воздухе, так и на земле» [4]. Они установили, что подходы к регулированию небольших беспилотников в целом одинаковы в разных юрисдикциях. В большинстве юрисдикций дроны могут летать на максимальной высоте 400 футов над уровнем земли. Чтобы летать выше, необходимо получить разрешение соответствующего регулирующего органа и соблюдать все связанные с этим условия. Дроны должны летать в пределах прямой видимости и только в благоприятных метеорологических условиях видимости. Запрещается летать над населенными районами (такими как парки, пляжи, стадионы и города) или в непосредственной близости от других людей. В большинстве юрисдикций также действует правило о праве проезда, согласно которому беспилотники должны уступать дорогу пилотируемым самолетам. Для больших дронов или дронов, летающих в коммерческих целях, обычно требуется лицензия или сертификация соответствующего органа» [4].

Приведенные положения об использовании дронов наглядно показывают, что они являются разнородными с точки зрения цели их установления. Часть из них служит обеспечению безопасности в воздухе (прежде всего, это касается максимальной высоты полетов дронов), часть носит смешанный характер (например, погодные условия), некоторые положения посвящены наземной безопасности. В последнем случае речь идет об установлении запретов или ограничений использования воздушного пространства над определенными территориями. В Российской Федерации подобные запреты и ограничения установлены в Федеральных правилах использования воздушного пространства. В частности, в соответствии с п. 29 указанных Правил в воздушном пространстве Российской Федерации устанавливаются запретные зоны для защиты важных государственных, особо важных, особо режимных, режимных, критически важных и потенциально опасных объектов, включая объекты топливно-энергетического комплекса и объекты транспортной ин-

фраструктуры, от вредных воздействий и разрушений, возникающих в результате возможных происшествий в воздушном пространстве.

Согласно п. 33 Федеральных правил использования воздушного пространства зоны ограничения полетов устанавливаются в воздушном пространстве Российской Федерации для введения особых условий, ограничивающих полеты воздушных судов. К примеру, постоянные зоны ограничения полетов могут устанавливаться над государственными природными заповедниками, национальными парками, памятниками истории и культуры.

При рассмотрении вопросов, связанных с обеспечением наземной безопасности при эксплуатации дронов, следует также упомянуть зоны полетов беспилотных воздушных судов. Они включают в себя часть воздушного пространства над населенным пунктом, предназначенную для полетов беспилотных воздушных судов на высотах менее 150 метров от земной или водной поверхности в целях удовлетворения потребностей граждан, общественных, спортивных и (или) образовательных организаций. Обратим внимание, что проблемы, связанные с использованием беспилотников в городском пространстве, активно обсуждаются зарубежными авторами. В частности, они обоснованно указывают на то, что интенсивный воздушный трафик в очень низком воздушном пространстве городских районов (*very low level airspace – VLL*)¹ без надлежащего управления движением может привести к высокому риску для имущества и пешеходов на земле. Для управления этим будущим трафиком необходима система управления движением беспилотных летательных аппаратов. В отличие от разрешения конфликтов в воздушном пространстве на большой высоте, плотная застройка высотных зданий является важным источником потенциальных конфликтов, который следует учитывать в очень низком городском воздушном пространстве [6].

Указанные выше меры по обеспечению безопасности не всегда действительны, поскольку дроны могут быть использованы для намеренного причинения вреда. Беспилотники могут быть оснащены оружием, пилотироваться для нанесения ударов, доставки взрывчатки, распространения химического или биологического оружия. Как отмечает Микко Хуттунен, по крайней мере с 1990-х годов террористические группы приобретали и экспериментировали с технологией беспилотников того времени. Кроме того, дроны могут использоваться для контрабанды наркотиков и других преступлений [5]. В этой связи актуальным является вопрос о предотвращении причинения преднамеренного вреда жизни и здоровью граждан, их имуществу, а также наземной инфраструктуре. В настоящее время данный вопрос решен в

¹ Высота ниже 500 футов.

законодательстве путем предоставления ряду субъектов права пресекать функционирование беспилотных воздушных судов. Мы не будем перечислять всех субъектов, наделенных указанным правом. Приведем лишь один пример, связанный с недавними изменениями российского законодательства. В соответствии с ч. 6 ст. 12 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 04.08.2023) «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» пресечение функционирования беспилотных воздушных судов допускается на территориях исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы и прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования. Отметим, что запреты на полеты дронов на определенном расстоянии от исправительных учреждений существуют и в других странах. Так, запрет на использование дронов вблизи исправительных учреждений и учреждений ювенальной юстиции установлен в австралийском штате Виктория. С 1 февраля 2018 года владение или управление беспилотным летательным аппаратом в пределах 120 метров (400 футов) над границей исправительного учреждения штата Виктория или учреждения ювенальной юстиции считается преступлением. Законы не предусматривают наказания за случайное или непреднамеренное поведение и применяются только к действиям, которые намеренно или по неосторожности угрожают порядку или безопасности учреждения. Дроны представляют собой угрозу безопасности исправительных учреждений и учреждений ювенальной юстиции по целому ряду причин, включая использование в качестве средства наблюдения или для контрабанды таких товаров, как наркотики, оружие и мобильные телефоны¹.

В 2018 г. тюрьма Les Nicolles на Гернси (один из Нормандских островов) установила «Небесный забор» («Sky Fence»), который создает 600-метровый виртуальный щит вокруг тюрьмы с целью обнаружения беспилотников с дистанционным управлением. Обнаруженные таким образом дроны-изгои вынуждены отступить из окрестностей, когда датчики, получившие название «разрушители», блокируют их частоту и протоколы управления [1].

С учетом вышеизложенного можно заключить, что развитие беспилотной авиации сопряжено с наземным риском, который подлежит обязательному учету при разработке правил использования дронов. Указанные правила как в РФ, так и за рубежом находятся в стадии становления, охватывая собой отношения по предупреждению как непреднамеренного, так и пред-

¹ Drone ban near Victorian correctional and youth justice facilities. URL: <https://www.justice.vic.gov.au/drone-ban-near-victorian-correctional-and-youth-justice-facilities> (дата обращения 20.04.2024).

намеренного вреда жизни и здоровью граждан, их имуществу, а также наземной инфраструктуре.

Список литературы

1. Bannister A. 2018. Pioneering anti-drone system installed at Guernsey prison. URL: <https://www.ifsecglobal.com/global/pioneering-anti-drone-system-installed-guernsey-prison/> (дата обращения 20.04.2024).
2. Dolan A.M., Thompson, R.M., II. Integration of Drones into Domestic Airspace: Selected Legal Issues. URL: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/R42940.pdf> (дата обращения: 20.04.2024).
3. Haula K., Agbozo E., Turygina V. Exploring the effect of national cultural disposition on drone technology adoption and development // AIP Conference Proceedings 2172, 080012 (2019); <https://doi.org/10.1063/1.5133570>. Published Online: 13 November 2019.
4. Hodgkinson D., Johnston R. 2018. Aviation Law and Drones: Unmanned Aircraft and the Future of Aviation. URL: https://inaca.or.id/wp-content/uploads/2019/11/Aviation-Law-and-Drones_-Unmanned-Aircraft-and-the-Future-of-Aviation.pdf (дата обращения 20.04.2024)
5. Huttunen Mikko T. 2019. Civil unmanned aircraft systems and security: The European approach // Journal of Transportation Security 12(2). URL: https://www.researchgate.net/publication/335987002_Civil_unmanned_aircraft_systems_and_security_The_European_approach (дата обращения 20.04.2024).
6. Zhang M., Yan C., Dai W., Xiang X., Low K. H. 2023. Tactical conflict resolution in urban airspace for unmanned aerial vehicles operations using attention-based deep reinforcement learning // Green Energy and Intelligent Transportation. Vol. 2, Issue 4.

Гелуненко Валерия Вадимовна,
старший преподаватель кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Лицавкин Максим Юрьевич
аспирант кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

СТАТУСНО-ДИСКРЕЦИОННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. С учетом словарных, научных и формальных источников осуществлен анализ конституционных норм, касающихся полномочий главы Российского государства. Акцентировано внимание на дискреционных полномочиях Президента России. Сделан вывод, что они реализуются путем использования согласительных процедур, приостановления действие актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. К этой группе относится и новое полномочие главы государства, а именно полномочие, позволяющие ему обращаться в Конституционный Суд, с запросом о проверке конституционности федерального конституционного закона.

Ключевые слова: конституция, Президент Российской Федерации, дискреционные полномочия

«Предусматриваемые полномочием юридические возможности действовать или не действовать определенным образом не могут использоваться должностным лицом, обязанным исполнять данное полномочие, в личных целях или в частных интересах. Полномочие – разновидность права, которая существует ради публичного интереса, главным образом интереса государственного. Дабы обеспечить представленную здесь связь права и интереса, полномочие юридически конструируется таким образом, что оно одновременно выступает и как обязанность должностного лица, его долг действовать, исходя в первую очередь из государственных соображений» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. Монография. М.: Норма, 2007. С. 356).

Президент Российской Федерации, являясь конституционным публичным единоличным органом государственной власти, реализует свой статус прежде всего через полномочия как императивного, так и дискреционного

порядка, которые им используются для обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия «институциональных систем общества и государства» [1]. Обратим внимание на дискреционный ряд конституционных полномочий главы Российского государства.

Исходно отметим, что в словарях понятие «дискреция» обозначает «возможность, право или полномочие в условиях неопределённости решать проблемы по собственному усмотрению» [2].

Как отмечает О.А. Мирошник, появление термина «дискреция» связывается с отраслью конституционного права, поскольку она «использовалось в актах, регламентирующих нормотворчество» [3, с. 31]. Рассматривая содержание этого понятия, он отмечает, что «дискреция предоставляется должностным лицам для того, чтобы наиболее рациональным образом решать управленческие вопросы в тех случаях, когда подробная правовая регламентация процесса принятия решений невозможна или нецелесообразна» [3, с. 31].

По версии Т.Г. Слюсаревой, «дискреция представляет собой определенную нормативными правовыми актами свободу выбора варианта поведения полномочного субъекта (государственного служащего) на основе его мыслительной деятельности с учетом реализации им публичного интереса с целью принять оптимальное управленческое решение, совершить действие или воздержаться от его совершения (бездействие) для целесообразной реализации своих полномочий» [4, с. 8].

Анализ норм Конституции Российской Федерации, показал, что в ее тексте наличествуют «дискреции», адресованные Президенту Российской Федерации. Исходя из того, что в рассмотренных определениях дискреция рассматривается посредством «права выбора», «возможности», отметим, что конституционный текст определяет дискреционные полномочия Президента посредством таких слов как «вправе», «может», «если».

Анализ конституционного текста позволил определить следующие статусно-дискреционные полномочия Президента: полномочия, связанные с использованием согласительных процедур, полномочия; полномочия, направление на роспуск Государственной Думы Российской Федерации или отставку Правительства Российской Федерации; полномочия, позволяющие приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации; полномочия, позволяющие отменять постановления или распоряжения Правительства, если они противоречат Конституции, законным или подзаконным актам; полномочия, позволяющие обращаться в Конституционный Суд, например, с запросом о проверке конституционности федерального закона.

Теперь рассмотрим каждое из представленных статусно-дискреционных полномочий Президента России.

В связи с тем, что полномочия главы государства взаимосвязаны между собой, а также с тем, что мы рассматриваем их с различных ракурсов, обозначим, что раскрытие некоторых полномочий требует исследования с позиции дискреции и поэтому они требуют повторного рассмотрения.

Начнем с согласительных процедур (ч. 1 ст. 85). Согласительные процедуры используются Президентом для решения проблем, возникающих между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Президент, реализуя это полномочие, выступает в роли независимого арбитра, медиатора, авторитета, он не оказывает влияние на участников спора, а способствует его разрешению. Реализация президентских согласительных процедур проводится путем проведения переговоров со сторонами конфликта, создания комиссий или рабочих групп для разрешения споров, а также круглых столов или общественных слушаний.

В связи с поправочным процессом и на основании ч. 5 ст. 5 Федерального закона от 08 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» основным органом, который осуществляет содействие Президенту в проведении согласительных процедур, является конституционный государственный орган - Государственный Совет Российской Федерации. К его полномочиям относится «содействие Президенту Российской Федерации при использовании им согласительных процедур для разрешения разногласий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации» [5].

Полагаем необходимым поддержать выводы М.В. Мархгейм, что в «новом институциональном статусе Государственный Совет, хотя и имеет непосредственное сопряжение с полномочиями главы государства, тем не менее получил расширение своего предназначения за счет: увеличения круга взаимодействующих субъектов – круг органов публичной власти существенно шире органов государственной власти; распространения сферы реализации полномочий до определения основных направлений внутренней и внешней политики России; включения в установление приоритетных направлений социально-экономического развития государства» [6, с. 30].

Возвращаясь к реализации согласительных процедур, отметим, что в ходе их осуществления участники конфликта могут прийти к взаимному со-

гласию, компромиссу или консенсусу. А могут и не прийти, в таком случае спор между органами власти может быть разрешен в судебном порядке. В случае, если споры затрагивают вопросы компетенции, то согласно ч. 2 ст. 125 Конституции рассмотрение этих споров отнесено к деятельности Конституционного Суда России.

Далее рассмотрим дискреционные полномочия Президента, связанные с «ропуском Государственной Думы Российской Федерации или отставкой Правительства Российской Федерации». Согласно ч. 4 ст. 111 Конституции Российской Федерации «Президент использует дискреционное полномочие в отношении отставки Государственной Думы в случае, если Дума трехкратно отклонит представленные Президентом кандидатуры Председателя Правительства».

Согласно ч. 4 ст. 112 Конституции Российской Федерации Президент вправе распускать Государственную Думу в случае, если она трехкратно отклонит представленные Председателем Правительства кандидатуры заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров.

Далее рассмотрим дискреции Президента, которые связаны с отставкой высшего исполнительно органа Российской Федерации. Согласно ч. 3 ст. 117 Конституции Российской Федерации Президент вправе объявить об отставке Правительства Российской Федерации в случае, если Государственная Дума «выразит недоверие Правительству. При этом в этой же статье предусмотрена альтернативность дискреции, которая выражается в том, что, если Государственная Дума выразит повторное недоверие Правительству в течение трех месяцев, Президент может, как отправить Правительство в отставку, так и распустить Государственную Думу».

Согласно ч. 4 ст. 117 Председатель Правительства Российской Федерации может поставить перед Государственной Думой Российской Федерации вопрос о доверии Правительству, если Дума откажет в доверии Правительству, то Президент вправе как отправить Правительство в отставку, так и распустить Государственную Думу. Те же полномочия Президент может реализовать, если Правительство Российской Федерации в течение трех месяцев поставит вопрос о доверии перед Государственной Думой.

Следующее, рассматриваемое нами, декретное полномочие Президента Российской Федерации – это приостановление актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (ч. 2 ст. 85 Конституции) или высших должностных лиц субъекта Российской Федерации (ч. 5 ст. 3 Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»), если они

противоречат федеральным конституционным законам, федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушают права и свободы человека и гражданина. Приостанавливаются акты указом Президента, однако бывал один случай, когда акты органов исполнительной власти субъектов были приостановлены распоряжением [7]. Приостанавливаются такие акты до устранения несоответствий или до решения этого вопроса судом.

Также президентские дискреции выражаются в его полномочиях, которые применяются в отношении исполнительных и законодательных органов субъекта Российской Федерации, в связи с этими полномочиями Президент: «вправе выносить предупреждение законодательному органу субъекта Российской Федерации; вправе распускать законодательный орган субъекта Федерации; вправе своим указом назначить временно исполняющего обязанности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации; вправе вынести предупреждение, объявить выговор высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации; вправе по представлению Генерального прокурора Российской Федерации временно отстранить высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации от исполнения обязанностей» [8].

Что касается актов Правительства Российской Федерации, то Президент согласно ст. 115 Конституции Российской Федерации вправе не просто их приостановить, а отменить своим указом в случае, если они противоречат Конституции, законам, указам и распоряжения Президента Российской Федерации.

Реализуя полномочие гаранта Конституции, Президент Российской Федерации вправе обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации до подписания федерального конституционного закона, федерального закона для проверки Конституционным Судом конституционность принимаемых законов, если Суд не подтвердит конституционность принимаемого закона, Президент возвращает этот закон в Государственную Думу без подписания.

Подытоживая, необходимо обозначить определение рассматриваемых нами полномочий и кратко обозначить некоторые из них.

Соответственно, статусно-дискреционные полномочия Президента России охватывают следующие полномочия, связанные с использованием согласительных процедур, полномочия, позволяющие приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, полномочия, позволяющие обращаться в Конституционный Суд, например, с запросом о проверке конституционности федерального закона.

Список литературы

1. Либанова С.Э. Политическая воля и конституционный категорический императив // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. №3. С. 12-16.
2. Большой толковый словарь русского языка. Сайт. URL. [https://gramota.ru/poisk?query=дискреция&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=дискреция&mode=slovari&dicts[]=42)
3. Мирошник О.А. О некоторых аспектах конституционно-правового понятия дискреции // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. №4.
4. Слюсарева Т.Г. Административное усмотрение в деятельности государственных служащих: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
5. Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Российская газета. № 280. 11.12.2020.
6. Мархгейм М.В. Обновление Конституции России: институциональный эскиз // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 7 (122). С. 29-32.
7. Распоряжение Президента РФ от 16 июня 1993 г. № 445-рп «О фактах нарушения Советом министров Удмуртской Республики выполнения Указов Президента Российской Федерации от 17 февраля 1992 г. № 151, от 31 марта 1992 г. № 319 и Постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 1991 г. № 90» // САПП РФ. 1993. № 25. Ст. 2362.
8. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от 15.05.2024) // Российская газета. № 294. 27.12.2021.

Мизиева Салима Исмаиловна

ассистент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики,
Кабардино-Балкарский государственный университет
имени Х.М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

ТИПОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В данной статье автор систематизирует подходы к типологии юридической деятельности и высказывает авторскую позицию относительно критериев такого подразделения.

Ключевые слова: юридическая деятельность, типология, основания, критерии, подходы

«К числу юридических норм неординарного действия можно отнести те, которые рассчитаны на результаты непрерывной, целенаправленной

деятельности субъекта права. Регулятивный эффект нормы связывается здесь не с упорядочением отдельной ситуации, единичного поступка или комплекса неоднократно воспроизводимых действий, а с упорядоченной практикой в той или иной области юридических отношений, взятой как нечто целостное» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 617).

При классификации (типологизации) юридической деятельности основным критерием, с нашей точки зрения, выступает ее предмет (функциональное назначение).

Так, еще В.М. Горшенев со своими сподвижниками в фундаментальном труде «Теория юридического процесса» относительно теоретических поисков о правовых формах деятельности отметили, что заслуга в создании более стройной и логически обоснованной концепции правовых форм деятельности государства принадлежит Н.А. Александрову, который предложил различать две основные формы деятельности органов государства по осуществлению его функций: юридическую и фактическую, и его последователям, выделившим правотворчество и правоприменение в качестве таковых [1, с. 7]. Сами же они (в указанной книге) присовокупили к этим двум правовым формам учредительную деятельность и контроль, обосновав свой подход суждением о том, что юридическая природа правовой формы опосредована рассмотрением юридического дела, она реализуется строго уполномоченными субъектами и в установленном порядке, на основе правовых норм, правил юридической техники и влечет юридические последствия; ее результаты закрепляются в официальных документах [1, с. 8].

По мнению Н.А. Власенко, среди видов юридической деятельности (как «способа обеспечения правовых начал в обществе») можно выделить нормотворческую, правоприменительную, праворазъяснительную, систематизационную и доктринальную [2, с. 161].

Изучая фактор времени в юридической деятельности, Ю.А. Кондрашов считает наиболее важными видами юридической деятельности правотворчество и правоприменение. На основе временно аспекта он предлагает выделять: а) по правовой определенности продолжительности – определенно-длительную и неопределенно-длительную; б) в зависимости от временных особенностей целей: перспективную и конкретно-временную [3, с. 10].

В правовой науке высказаны, полагаем обоснованные, предложения о выделении в самостоятельный вид информационной юридической деятельности. К примеру, Р.В. Шагиева пишет о наметившихся в юридической науке подходах к информационной деятельности как «совокупности всех во-

леизъявлений субъектов, специально предпринимаемых в информационно-правовой среде, в целях организации их удовлетворения разнообразных информационных потребностей...» [4, с. 95-96]. И хотя автор выводит понятие этой деятельности из деятельности правовой, но поскольку юридическая деятельность является ее составляющей, то возможно говорить и об информационной юридической деятельности.

По мнению М.В. Алексеевой, подсистемой в правовой деятельности выделяются информационно-правовая деятельность; общественные отношения, возникающие в процессе информационной деятельности, регулирует информационное право [5].

Координационная юридическая деятельность как разновидность деятельности юридической рассматривается также А.А. Максуровым и И.И. Макаровым [6, с. 34].

Характерно, что в монографии о юридической деятельности и ее системе Б.В. Шагиев представил правотворческий тип, правоприменительную и контрольную деятельность, интерпретационную деятельность, учредительный тип и отметил самостоятельный характер координационной деятельности, свойственной всем органам государственной власти, но, по его мнению, не получившей в литературе должной разработки [7, с. 59].

В заключение отметим, что сама юридическая деятельность, как таковая, ее природа, содержание, типология, виды и т.д., остается предметом научного поиска отдельных ученых, которые исследуют этот феномен с учетом новых социально-экономических трансформаций и модернизаций в нашей стране.

Список литературы

1. Теория юридического процесса / под общ. ред. проф. В.М. Горшенева. Харьков: «Вища школа», 1985.
2. Власенко Н.А. Юридическая техника как комплексная система знаний // Доктринальные основы юридической техники / под ред. Н.А. Власенко. М.: Юриспруденция, 2010.
3. Кондрашов Ю.А. Фактор времени в юридической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.
4. Шагиева Р.В. Правовая деятельность и ее разновидности в современном российском обществе // Журнал российского права. 2004. № 10.
5. Алексеева М.В. Определение категории «информационная деятельность» в юридической науке // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 1 (20).

6. Максуров А.А., Макаров И.И. Координация в праве: монография. Ярославль: ЯФ МФЮАЮ, 2012.
7. Шагиев Б.В. Юридическая деятельность и ее система: проблемы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2014.

Нгатеё Акони Шани Павел
старший преподаватель кафедры конституционного
и международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД АФРИКАНСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И НАРОДОВ

Аннотация. В статье дается общая характеристика Африканского суда по правам человека и народов. Отмечаются недостатки, присущие функционированию Суда, с тем чтобы подчеркнуть проблемы, которые необходимо решить для повышения эффективности его работы.

Ключевые слова. Африканский суд, решения Африканского суда, протокол Африканского суда, ратификация, компетенции африканского суда, субрегиональные суды, Африканская комиссия.

«В итоге долгого брожения юридической мысли, из длительного опыта канонического и светского права возникли замечательные принципы верховенства Конституции, закона и подзаконности судопроизводства, который предполагают, что судьба каждого человека, представшего перед судом, зависит от «воли закона», а не «воли судьбы». Это одно из величайших достижений цивилизации, до которого модель образа права общего права исторически не поднялась, застыв надолго на том этапе развития, когда "правят люди, а не законы"» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 645).

Африканский суд по правам человека и народов (далее именуемый «Африканский суд, Суд») является региональным судом, ответственным за поощрение и защиту прав человека [1]. В этом качестве он может рассматривать жалобы по поводу нарушений прав человека и выносить предварительные и окончательные решения, обязательные для исполнения государствами-участниками Протокола об учреждении Африканского суда по правам человека и народов (далее – Протокол Суда или Протокол). Хотя Протокол Суда был принят в Уагадугу 9 июня 1998 года, только 2 июля 2006 года Аф-

риканский суд был официально учрежден в Аруше в Танзании. Несмотря на многие схожести с Европейским и Межамериканским судами по правам человека, Африканский суд, тем не менее, имеет определенные особенности.

После нескольких лет бездействия в первые дни своего существования, Суд в 2010 году постепенно начал сталкиваться с наплывом жалоб, поданных отдельными лицами. С этой даты, по мере своих возможностей, Африканский суд старается выполнить свою роль. Суд вносит решающий вклад в защиту прав человека на африканском континенте, вынося решения по многочисленным жалобам, некоторые из которых имели далеко идущие политические и социальные последствия. Кроме того, благодаря многочисленным решениям, вынесенным в порядке осуществления своей компетенции по рассмотрению споров и консультативной компетенции, Суду также удалось создать свод прецедентного права.

Несмотря на эти значительные достижения, Африканский суд по правам человека и народов в настоящее время сталкивается с рядом проблем.

Во-первых, он должен найти свое место на африканском континенте по отношению к другим институтам. Он должен заявить о себе не только перед Африканским Союзом, но и перед лицом многочисленных субрегиональных юрисдикций, некоторые из которых обладают четкой компетенцией в области прав человека. Напомним, что Африканский суд не является единственным надгосударственным судебным органом в Африке, способным обеспечить соблюдение прав, гарантированных Африканской Хартией по правам человека и народов (далее – Африканская хартия, Хартия), и выносить приговор государству за их нарушение. Помимо Африканской комиссии по правам человека и народов (далее – Африканская комиссия, Комиссия), которую Африканский суд дополняет, суды региональных экономических сообществ также могут толковать и применять положения Хартии, разделяя, таким образом, материальную юрисдикцию (*ratione materiae*) Африканского суда. К судам, учрежденным региональными экономическими сообществами относятся Суд экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) [2], Суд западноафриканского экономического и валютного союза (ЗАЭВС), Суд Сообщества по развитию юга Африки (САДК) [3], Арбитражный суд ОХАДА, Суд Союза арабского Магриба, Суд Экономического и валютного сообщества Центральной Африки (СЕМАК) и Суд Восточноафриканского сообщества (ВАС).

Разделение его материальной юрисдикции с судами региональных экономических сообществ можно отчасти объяснить растущей важностью, которую тема прав человека приобретает на международном и региональном уровнях. Однако это может привести к конкуренции между Судом и Комис-

сией, с одной стороны, и другими субрегиональными судами, с другой, что приведет к беспорядку, риску институциональной неразберихи и даже к напряженности между органами, которые привержены одному и тому же делу. Отсутствие гармонии и иерархии в отношениях между континентальным судом и субрегиональными судами в Африке подпитывает идею о конфликте между судебными институтами. Таким образом, существует риск расхождения или фрагментации судебной практики Комиссии, а также других институтов, которые могут интерпретировать и применять одни и те же справочные правовые инструменты Африканского суда.

Во-вторых, Суду приходится столкнуться если не с враждебностью, то, по крайней мере, с сопротивлением или нежеланием ряда африканских государств. Он должен убедить их ратифицировать Протокол Уагадугу и сделать специальное заявление о признании его юрисдикции – необходимое условие для того, чтобы отдельные лица имели доступ к его судебным инстанциям. Пункт 3 статьи 5 Протокола Суда, предоставляющий неправительственным организациям и отдельным лицам право обращаться в Суд, был обусловлен специальным заявлением государств-участников, признавших юрисдикцию Суда. Таким образом, пункт 6 статьи 34 Протокола предусматривает, что «в любое время после ратификации настоящего Протокола государство должно сделать заявление о признании юрисдикции Суда принимать жалобы, изложенные в пункте 3 статьи 5 настоящего Протокола. Суд не принимает никакой жалобы в соответствии с пунктом 3 статьи 5, касающейся государства-участника, которое не сделало такого заявления». Это решение отражает крайнюю осторожность, проявленную составителями Протокола, которые старались уберечь восприимчивость государств. Вероятно, это была цена, которую составителям Протокола пришлось заплатить за принятие Африканского суда со стороны Африканских государств. Некоторые считают, что существовавшие в то время в Африке политические настроения не позволяли принять более либеральное положение. Как видим, формулировка пункта 6 статьи 34 представляет собой врожденный недостаток Африканского суда, поскольку нынешний низкий уровень признания его юрисдикции существенно ограничивает его эффективность. На сегодняшний день только восемь стран сделали такое заявление [4]. Столь низкий уровень подачи заявления существенно подрывает персональную юрисдикцию (*ratione personae*) Африканского суда и в то же время снижает его стремление быть эффективным судебным органом по защите прав человека в Африке.

Кроме того, Суд также должен убедить их выполнить постановления и решения, которые она выносит и адресатами которых они являются. Отчет Африканского суда за 2022 год показывает, что из более чем 200 постанов-

лений и распоряжений, вынесенных Судом, менее 10% были полностью исполнены, 18% исполнены частично и 75% не были исполнены [5]. По этой причине, в 2020 году по собственной инициативе Африканский суд взял на себя контроль за исполнением судебных постановлений [6]. Суд внес в свой Регламент изменения, включив в него новые правила (статьи) 80 и 81, касающиеся исполнения своих постановлений. Правило 80 (1) и (2) вводит следующую формулировку «в соответствии со статьей 30 Протокола государства-участники полностью исполняют постановления Суда и обеспечивают их исполнение в сроки, установленные Судом»; «Все стороны соблюдают решения суда». Правило 81 (1) и (3), с другой стороны, предусматривает, что «заинтересованное государство или государства представляют отчеты об исполнении решений Суда, и эти отчеты, если Суд не примет иного решения, передаются заявителю (заявителям) для замечаний»; «в случае возникновения спора по поводу исполнения своих постановлений Суд может, среди прочего, провести слушание для оценки исполнения своих постановлений. По итогу этого слушания Суд выносит решение и, при необходимости, издает постановление для обеспечения исполнения своих решений». Анализируя принятых нововведений, отметим, что формулировка правила 81 (3), наделяет Суд реальными полномочиями по надзору за исполнением собственных постановлений. Кроме того, Суд сможет теперь назначить так называемое «слушание о несоблюдении постановлений» [7]. На этом слушании Суду потребуются с учетом дополнительной информации или данных из других источников, например, средства массовых информационных средств, полностью ли меры, принятые государством, были выполнены, исправив установленное нарушение.

Наконец, в-третьих, Суд должен ни больше, ни меньше, как сохранить свое существование. Фактически, в том же году, когда Уагадугский протокол вступил в силу, главы государств и правительств Африканского союза решили объединить Африканский суд по правам человека и народов с Судом Африканского союза по соображениям эффективности и действенности. Протокол об этом слиянии был принят в 2008 году, но до сих пор не вступил в силу. Кроме того, на фоне растущей напряженности между некоторыми государствами-членами АС и МУС, на одном из саммитов глав АС, 27 июня 2014 года в городе Малабо, Экваториальная Гвинея, единогласно был принят Протокол к Африканской хартии, предусматривающий создание нового и беспрецедентного регионального суда, обладающего юрисдикцией в отношении международных преступлений, известный как Протокол Малабо. Будущий суд представляет собой слияние Суда Африканского союза и Афри-

канского суда по правам человека и народов. В настоящее время Протокол о слиянии ожидает ратификации.

Таким образом, хотя проблемы, стоящие перед Судом, весьма значительны, перспективы действий, которые открываются дают основания надеяться, что система, созданная Ассамблеей глав государств и правительств Африканского союза, не разочарует надежды, возникшие в результате создания Суда на всем континенте. Несмотря на возникшие препятствия, Африканская судебная система по защите прав человека успешно развивается. Однако для достижения этой цели, необходимы совместные действия всех участников системы, в частности самого Суда, государств-членов Африканского Союза, самого Африканского Союза, Африканской комиссии по правам человека и народов, африканское гражданское общество и средства массовой информации.

Список литературы

1. Солнцев А. М. К вопросу об африканской системе защиты прав человека // Кутафинские чтения МГЮА имени О. Е. Кутафина: сборник тезисов докладов III Международной научно-практической конференции. Секция «Международного публичного права» / отв. ред. Е. Г. Моисеев. – М.: МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2012. – С. 170–177.
2. Статья 10(d) Дополнительного протокола (A/SP.1/01/05), принятого в Аккре 19 января 2005 года и изменяющего преамбулу и статьи 1, 2, 9, 22 и 30 Протокола (A/P1/7/91) о Суде ЭКОВАС.
3. Дело Майк Кэмпбелл и другие против САДК Зимбабве (дело № 2/2007, 28 ноября 2008 г.).
4. Список стран, сделавших специальное заявление, дающее Африканскому суду право принимать и рассматривать жалобы от отдельных лиц // Официальный сайт Африканского суда. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.african-court.org/wpafc/declarations/> (дата обращения: 29.06.2024).
5. Отчета о деятельности африканского суда по правам человека и народов, пункт 85 // Официальный сайт Африканского суда. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.african-court.org/wpafc/report-of-the-african-court-on-human-and-peoples-rightsafchpr-2022/> (дата обращения: 29.06.2024).
6. Регламент Африканского суда по правам человека и народов от 25 сентября 2020 года // Официальный сайт Африканского суда. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.african-court.org/wpafc/wp-content/uploads/2021/04/Rules-Final-Revised-adoptedRules-eng-April-2021.pdf> (дата обращения: 29.06.2024).

7. Нгатеёо Акони Шани П. Африканский суд по правам человека и народов: на пути к смешанной мультиинституциональной модели надзора за его постановлениями // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – Т. 4. – № 2 (79). – 2023. – С. 113–116.

Агарков Денис Евгеньевич,
аспирант кафедры конституционного и
международного права юридического института,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ДЕФИНИТИВНЫЙ РАКУРС ЕДИНСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. Автором в статье на основе анализа доктринальных источников представлена систематизация подходов к определению единства экономического пространства. Сделан вывод о необходимости дальнейшей теоретико-правовой разработке заявленного понятия в связи с необходимостью решения новых задач, стоящих перед современным российским обществом и государством.

Ключевые слова: экономическое пространство, единство, правовой принцип, конституционный строй, правовое состояние.

«Социальный порядок, на который направлены все виды и формы общественного регулирования... представляют собой совокупность институционализированных структур, т.е. систему институтов, организованных на нормативной базе. Из таких социальных институтов складывается общественный и государственный строй, экономическая и политическая системы, конституционный строй, правопорядок, федеративное устройство и многие другие «суперсистемы» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 391).

Современная российская Конституция в числе важнейших основ государственной и общественной жизни «регламентирует и экономический строй государства, признавая, что свободная экономика есть тот фундамент..., который дает возможность реализовать потенциал демократии, сформировать гражданское общество. Экономика также выступает объединяющим фактором, особенно в условиях федеративного государства...» [3, с. 14-16].

Представляется, именно интегрирующая роль в ч. 1 ст. 8 Конституции России отведена экономическому пространству: «В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности». На наш взгляд, «единство правового пространства» является ключевой категорией в конституционно-правовой системе экономического пространства Российской Федерации. В связи с чем обоснованно привлекает исследовательское внимание.

Уточним, что на конституционно-правовом уровне заявленное понятие не определено. Однако в конституционной науке последовательны попытки интерпретации единства экономического пространства. Осуществив анализ соответствующих доктринальных источников, представим выявленные нами подходы к трактовке единства экономического пространства.

Итак, аргументированно со ссылкой на нормы Главы 2 Конституции Российской Федерации, единство экономического пространства рассматривается как «один из принципов экономических основ конституционного строя, предполагающий, что Российская Федерация представляет собой состоящее из территорий ее субъектов пространство, на котором экономически функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных правовых норм, которые также предполагают единую инфраструктуру и проведение единой налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой, торговой и таможенной политики, обеспечивающей свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы» [6, с. 46-52].

Признавая единство экономического пространства принципом, Д.В. Кузовкин ранжирует его «целью-принципом конституционного уровня» [5, с. 38].

Отмечая неоднократность упоминания в Конституции России заявленного понятия (ст.ст. 8, 27, 36, 71, 74, 75, 114 и др.), утверждается, что единство экономического пространства «выступает системообразующим принципом не только в экономике, но и в праве» [3, с. 14-16].

Позднее автор отмечал, что «содержание категории "единство экономического пространства" дуалистично: это одновременно и системообразующий фундаментальный принцип, закрепленный конституционно, и самостоятельная система правоотношений как специфическое правовое состояние Российской Федерации, субъектов, находящихся под ее юрисдикцией [3, с. 14-16].

Соответственно, еще один подход сопоставляет единство экономического пространства с правовым состоянием Российской Федерации, т.е. «общим правоотношением – делящимися правовыми связями между Федерацией и ее субъектами, муниципальными образованиями, хозяйствующими субъектами, человеком и гражданином, где регулятивные и охранительные стороны находятся в неразрывном единстве» [7, с. 89-93].

Заслуживает внимания определение единства экономического пространства как конституционно-правового института, «регулирующего общественные отношения в сфере обеспечения свободного перемещения товаров услуг и финансовых средств посредством установления правовых основ единого рынка, финансовой, бюджетной системы, основ антимонопольной политики, формирования единой системы экономических служб, создания и поддержания эффективного функционирования транспортной и коммуникационной инфраструктуры, включая средства массовой информации» [4, с. 30-34].

Наряду с традиционными для конституционного права категориями, единство экономического пространства расценивают в качестве фактора повышения качества жизни населения в Российской Федерации [1, с. 70-77]. Хотя в самом исследовании используется термин «общее экономическое пространство», «характеризующееся следующими параметрами: динамизмом, эффективностью, гармонией связующих его отношений, а также единством правового регулирования. Динамизм общего экономического пространства обеспечивается свободой передвижения лиц, товаров, капиталов и услуг. Эффективность – соответствием форм управления экономическим требованиям. Гармония – обоснованными пропорциями в отраслевом и региональном развитии экономики. Единство правового регулирования – расширением сферы федерального права» [2, с. 31].

В современных актуальных научных трудах, посвященных единству экономического пространства, оно позиционируется как конституционная ценность [7, с. 89-93]. При этом, подчеркивается, что это «сложная конституционно-правовая категория, которая может рассматриваться одновременно как конституционно-правовая цель, конституционная ценность, основа конституционного строя, обязанность субъектов, обладающих государственно-

властными полномочиями. Единство экономического пространства как конституционная ценность имеет естественно-правовую природу, поскольку государство, в котором провозглашена рыночная экономика, не может существовать без реализации на его территории принципа единства экономического пространства, как и человек не может существовать без личных прав, гарантированных ему на конституционном уровне» [7, с. 89-93].

Как видим, в настоящее время в юридической литературе, характеристика единства экономического пространства основывается и учитывает ранее предложенные исследовательские подходы. Вместе с тем, полагаем, современные задачи, стоящие перед государством, обществом и экономическим сектором, в частности, опосредуют переосмысление роли блока экономических правоотношений на основе незыблемых конституционных основ.

Список литературы

1. Анненкова В.Г. Единство экономического пространства как фактор повышения качества жизни населения в Российской Федерации // Глобальный научный потенциал. 2014. № 4 (37). С. 70-77.
2. Баренбойм П. Конституционная экономика / Баренбойм П., Владимир Лафитский В., Мау В. Москва, 2001. 79 с.
3. Кузовкин Д.В. Единство экономического пространства в контексте проблем российского федерализма // Российский юридический журнал. 2004. № 2 (42). С. 14-16.
4. Кузовкин Д.В. Единство экономического пространства как конституционная категория // Российский юридический журнал. 2007. № 2 (54). С. 30-34.
5. Кузовкин Д.В. Обеспечение единства экономического пространства Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 199 с.
6. Митрофанов А.В. Единство экономического пространства: подходы к трактовке и содержание понятия // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 2. С. 46-52.
7. Мужиченко А.В. Понятие и сущность единства экономического пространства Российской Федерации как конституционной ценности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1 (93). С. 89-93.

Аль Талабани Мохаммед Азад,
аспирант кафедры конституционного и
международного права юридического института,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
(Белгород, Россия; Ирак)

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В данной статье рассматривается понятия безопасности личности, а также способы обеспечения безопасности личности. В статье приводится определение термина информационные технологии и способы их применения в обеспечении безопасности личности. В статье также представлены нормативно-правовые акты, в которых закреплены основные направления обеспечения безопасности личности. Статья может быть полезна для исследователей в области гражданского и публичного права, а также в области применения информационных технологий в обеспечении безопасности личности. Кроме того, сделанные нами выводы могут пополнить научную базу по теме применения информационных технологий в области обеспечения безопасности личности.

Ключевые слова: безопасность личности, обеспечение безопасности личности, информационные технологии в обеспечении безопасности личности, нормативно-правовые акты, информационные технологии.

«Право в своей социальной эволюции и в историческом существовании предстает результатом развития многих факторов и показывает множество форм своего конкретно-исторического воплощения. Предельно общий историко-эволюционный подход ... позволяет нам видеть такие эпохи правовой истории, как эпоха традиционного права, самая длительная по времени и богатейшая по содержанию, эпоха индустриального права и эпоха постиндустриальная, которую называют то технотронной, то информа-

ционной, но название ее пока еще не определилось» (Мальцев Г.В. Очерки истории раннего права и государства. М.: Издательство РАГС, 2010. С. 315).

Актуальность исследования заявленной темы опосредована возрастающей ролью информационных технологий (далее – ИТ) в современном мире. Взаимодействие с ИТ охватывает все аспекты жизни, что создает новые вызовы и угрозы для безопасности личности. В данной статье обратимся к раскрытию ключевых понятий обеспечения безопасности личности и информационных технологий.

Итак, по мнению Л.В. Рахлиной, безопасность личности – многогранное понятие и должно оцениваться на основе показателей «социального благополучия» населения (уровень и качество жизни населения), включающих в себя, кроме материальной обеспеченности, также оценку степени удовлетворенности, комфортности, уверенности индивида в жизни [1, с. 45].

М.А. Моштакoва в соавторстве с коллегами считают, что понятие «личная безопасность» включает несколько аспектов: кроме экономической безопасности в него входит безопасность для здоровья, экологическая безопасность и другие виды, которые тем не менее взаимосвязаны [2, с. 45].

Однако нужно отметить, что по мере развития общественных отношений в понятие безопасности личности включаются все новые аспекты, в том числе безопасность в сфере ИТ, которая подразумевает защиту личных данных, конфиденциальной информации, идентификационных данных и других ценных ресурсов от несанкционированного доступа, использования или утечки. Это важный аспект в современном цифровом мире, где персональная информация может быть уязвима к кибератакам, мошенничеству и другим угрозам.

В нашем исследовании мы придерживаемся мнения, что безопасность личности охватывает все аспекты защиты и обеспечения безопасности человека как физически, так и эмоционально. Безопасность личности может быть обеспечена через различные меры и стратегии, такие как физическая безопасность (например, защита от физической агрессии, кражи, насилия), эмоциональная безопасность (защита от психологической травмы, насилия и пр.), социальная безопасность (защита от дискриминации, травли, нарушений прав и пр.), информационная безопасность (защита личных данных, конфиденциальности и пр.) и др.

Что касается определения информационных технологий, то, по мнению С.С. Дружинина и Д.Н. Золотарева, это совокупность методов, процессов и средств, объединенных в технологическую цепочку, обеспечивающую сбор, хранение, обработку, вывод и распространение информации для сни-

жения трудоемкости процессов использования информационных ресурсов, повышения их надежности и оперативности [3, с. 59].

На взгляд В.С. Володченко, информационные технологии представляют собой широкий класс дисциплин и областей деятельности, которые относятся к технологиям формирования и управления процессами работы с данными и информацией, с применением вычислительной, компьютерной и коммуникационной техники [4, с. 41].

Исходя из изложенного, считаем, информационные технологии представляют собой комплекс методов, процессов и инструментов, объединенных в цепочку действий, которая обеспечивает сбор, хранение, обработку, передачу и распространение информации. Целью ИТ является упрощение процессов использования информационных ресурсов, повышение их надежности и оперативности.

Безопасность личности обеспечивается экономическими, правовыми, политическими и социальными средствами.

В правовом ключе субъектами обеспечения безопасности личности выступают государство и его институты (органы законодательной, исполнительной и судебной власти, органы власти субъектов России и органы местного самоуправления), общественные структуры (политические партии и объединения, общественные организации и т. п.), семья и непосредственно граждане [5].

Обеспечительные действия должны соответствовать законам и основываться на балансе интересов личности, общества и государства, а также их взаимной ответственности за обеспечение безопасности.

Важно, что в современный период безопасность личности обеспечивается формированием комплекса правовых норм и институтов [6, 7, 8].

Таким образом, безопасность личности – это состояние защищенности ее жизненно важных интересов от внутренних и внешних угроз. В современных условиях развития общества одним из ключевых элементов в обеспечении безопасности личности стали информационные технологии. Сегодня перспективными направлениями развития российского законодательства в области обеспечения безопасности личности, на наш взгляд, являются следующие: корректировка норм о защите персональных данных и конфиденциальности в цифровой среде, включая наказание за нарушение правил обработки и хранения личной информации; разработка положений о кибербезопасности, включая меры по предотвращению кибератак на личность, защите от вредоносного программного обеспечения и других угроз в цифровой среде; совершенствование установлений о наказании за преступления, совершаемые с использованием информационных технологий.

Список литературы

1. Рахлина Л.В. Безопасность личности: особенности и угрозы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 1. С. 45-47.
2. Моштаква М.А., Щеглов, В.Ю., Скворцов, А.О. Экономическая безопасность личности // Вестник ПензГУ. 2020. № 4 (32). С. 45- 49.
3. Дружинин С.С., Золотарев Д.Н., Беседина С.В. Информационные технологии в МЧС // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2010. № 1. С. 59-61.
4. Володченко В.С, Понятие и классификация информационных технологий // Достижения науки и образования. 2020. №12. С. 41-43.
5. Безопасность личности, общества и государства: лекция для студентов обучающихся по специальности 37.05.01 Клиническая психология // ПМГМУ им. Сеченова. – Москва. – 2015. – URL: <https://studfile.net/preview/6442302/> (дата обращения: 01.04.2024).
6. Федеральный закон от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/?ysclid=luqnaz8yucf469632242 (дата обращения: 08.04.2024).
7. Федеральный закон от 06 марта 2006 N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/?ysclid=luqnmnywjqp734552144.
8. Федеральный закон от 07 февраля 1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/?ysclid=luqnwtchvz614193473.

Андреев Данил Романович,

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Нифанов Алексей Николаевич,

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируются конституционные аспекты функционирования органов законодательной власти субъектов Российской Федерации в единой системе публичной власти России. Рассматриваются понятие

публичной власти и принципы ее осуществления. Выявляются особенности регламентации деятельности законодательных органов государственной власти субъектов России с учётом обновления организационно-функциональной модели органов публичной власти субъектов в Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, публичная власть, единая система публичной власти, законодательная власть, субъекты Российской Федерации.

«...В процесса массового производства юридических норм на «фабриках законов», каковыми являются многие современные парламенты, резко ослабляется внимание законодателей к проработке элементов, входящих в механизм применения данного закона. В итоге – бурная правотворческая деятельность, возрастающее количество законов вызывает парадоксальное состояние, при котором обилие норм уживается с отсутствием элементарного порядка в какой-либо сфере» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 744).

Федеративная форма государственно-территориального устройства России предполагает функционирование трёх уровней публичной власти: федерального уровня, регионального уровня и уровня муниципальных образований [1, с. 12]. Конституция России закрепляет принципы единства системы государственной власти в стране, разграничения компетенций между органами государственной власти России и её субъектов, а также равноправия субъектов России во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти [2]. Поправки, внесённые в Конституцию России в марте 2020 г., закрепили категорию «единая система публичной власти», подразумевающую объединение всех органов государственной власти и местного самоуправления и установление их обязанности взаимодействовать для обеспечения наиболее эффективного разрешения имеющихся проблем в интересах граждан. Изменения организации публичной власти на уровне регионов делает актуальным исследование особенностей современного функционирования публично-правовых институтов субъектов России.

Несмотря на то, что в Конституцию была введена категория «единая система публичной власти», она не получила легального определения. Телеологическое и системное толкование ч. 2 ст. 80 и ч. 3 ст. 132 Конституции России позволяет заключить, что под единой системой публичной власти понимается объединение органов, которые осуществляют публичную власть, в структуру, каждый элемент которой прямо или косвенно связан друг с другом, объединён общими целями и задачами [3, с. 60]. Также действующее за-

конодательство не содержит определения понятия «публичная власть», что усложняет толкование отдельных положений федерального законодательства в части отнесения различных субъектов властных отношений к органам публичной власти. В этой связи следует согласиться с мнением А.Н. Нифанова, что «лишь закрепление в конституционном формате (ч. 3 ст. 132) категории «единая система публичной власти», представленной единством «органов местного самоуправления и органов государственной власти», отчасти позволило разрешить имеющиеся в конституционно-правовой доктрине споры относительно наличия публичной власти в России вообще и её соотношения с муниципальной властью в частности» [4].

В целом единую систему публичной власти составляют любые законодательные и исполнительные органы государственной власти России, её субъектов и местного самоуправления.

Публичная власть осуществляется органами государственной власти и местного самоуправления и объединяет в себе государственную и народную власть, при этом в структуре публичной власти государственная власть занимает ведущее положение [5, с. 10].

Осуществление публичной власти основывается на следующих организационных конституционно-правовых принципах:

1. Единства системы публичной власти, предполагающий образование государственной и муниципальной властью единой и единственно возможной в государстве системы.

2. Федерализма, определяющий общие правила реализации государственной власти и лежит в основе функциональных принципов согласованных действий органов государственной власти, разграничения их полномочий и предметов ведения.

3. Государственной и территориальной целостности.

4. Разделения властей. Это определяющий организационный принцип осуществления государственной власти, однако, он обладает определённой степенью абстракции, поскольку на практике отнесение государственных учреждений к законодательной, исполнительной или судебной власти указывает только на их главную функцию, но не исчерпывает всей их компетенции.

5. Организационной и компетенционной самостоятельности органов местного самоуправления, являющийся гарантией невмешательства органов государственной власти в деятельность органов местного самоуправления и позволяет населению самостоятельно решать вопросы местного значения [5, с. 12-14].

С учётом курса на координацию всех уровней власти в рамках единства системы публичной власти в 21 декабря 2021 года был принят Федеральный закон № 414-ФЗ (далее – Закон № 414-ФЗ), регламентирующий организацию публичной власти в субъектах Российской Федерации [6]. Закон закрепил обновлённую организационно-функциональную модель органов публичной власти субъектов государства. Согласно ему, субъекты образуют:

- законодательный орган государственной власти субъекта;
- высший исполнительный орган государственной власти субъекта;
- высшее должностное лицо субъекта, которое обычно выступает одновременно главой высшей исполнительной власти;
- иные государственные органы субъектов.

В системе государственной власти субъектов России в соответствии с их конституциями (уставами) формируются иные государственные органы, которые формально не являются органами государственной власти, но обладают отдельными государственно-властными полномочиями [7, с. 304]. В число таких органов входят уполномоченный по правам человека, уполномоченный по правам предпринимателей, счётная палата законодательного органа государственной власти субъекта и другие.

При принятии Закона № 414-ФЗ статус законодательных органов государственной власти субъектов не претерпел значительных изменений. Региональный законодательный орган является представительным и формируется субъектами самостоятельно [8, с. 78]. Он действует постоянно и состоит из депутатов, избираемых российскими гражданами, проживающими на территории региона, на пять лет. Число депутатов законодательного органа устанавливает региональная конституция (устав) в зависимости от численности избирателей, которые зарегистрированы на территории субъекта. Количество депутатов высших законодательных органов субъектов России варьируется от 15 депутатов в Чукотском автономном округе до 110 в Республике Башкортостан.

Наименование и структура законодательного органа субъекта определяются конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации с учётом исторических, национальных и иных региональных традиций. Во всех субъектах Российской Федерации учреждены однопалатные высшие законодательные органы. Последним двухпалатным парламентом в Российской Федерации было Законодательное собрание Свердловской области, которое в 2010 году упразднило вторую палату, приняв соответствующие поправки в устав области.

Закон № 414-ФЗ уточнил статус региональных парламентов, разделив их функциональные и сущностные характеристики [9, с. 4]. В большинстве случаев конституции (уставы) субъектов России определяют статус регио-

нальных парламентов как законодательные и представительные органы власти, однако отдельные регионы, такие как Краснодарский край, дополняют этот статус контрольной функцией.

Ст. 9 Закона № 414-ФЗ закрепляет за законодательными органами субъектов право проявления законодательной инициативы в Федеральном Собрании Российской Федерации [10, с. 83]. Данная норма устанавливает порядок осуществления права законодательной инициативы, предусмотренного ст. 104 Конституции России.

Закон № 414-ФЗ установил, что органы публичной власти субъектов России осуществляют свои полномочия самостоятельно, с учётом принципов соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, верховенства Конституции и федерального законодательства, территориальной и государственной целостности страны и согласованного функционирования органов публичной власти на всех уровнях [11, с. 33]. Ст. 2 Закона № 414-ФЗ закрепляет право государственного, парламентского и общественного контроля над деятельностью органов публичной власти, что отражает принцип вертикали власти, который выстраивается в последние десятилетия.

Проблемным аспектом контроля над деятельностью органов публичной власти субъектов России является организация и осуществление общественного контроля общественными советами [12, с. 134]. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ не содержит чётких указаний на обязательность создания данных субъектов общественного контроля, не закрепляет механизмов их формирования и взаимодействия с органами публичной власти, государственными и муниципальными организациями [13]. Полномочия общественных советов, закреплённые законодательством, имеют ограниченный характер, что не позволяет им полноценно контролировать деятельность региональных органов публичной власти.

Таким образом, развитие правового регулирования общественных отношений в области организации функционирования региональной публичной власти осуществляется по пути систематизации и унификации законодательства, формирования логически последовательной и согласованной системы регулирования. Актуальной задачей субъектов России является приведение собственных нормативных правовых актов в соответствие с обновлённым федеральным законодательством при сохранении исторической специфики внутренней деятельности.

Список литературы

1. Гончаров И.В. Конституционный механизм организации публичной власти в Российской Федерации в контексте взаимоотношений органов государственной власти и местного самоуправления // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 3 (77). – С. 12-16.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.02.2024).
3. Руф В.С. К вопросу об организации публичной власти в субъектах Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 59-66.
4. Нифанов А.Н. Территориальные характеристики публичной власти: муниципально-правовой срез // Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития : материалы международной научно-теоретической конференции – VII Между-народные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (г. Белгород, 23-24 апреля 2021 г.). – Белгород, ООО «ГиК», 2021. – С. 50-56.
5. Мещеряков А.Н. Система конституционно-правовых принципов осуществления государственной власти в Российской Федерации // Научный портал МВД России. – 2021. – № 1 (53). – С. 8-17.
6. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 01.02.2024).
7. Конюхова И.А. Конституционное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник и практикум для вузов / И.А. Конюхова, И.А. Алешкова, Л.В. Андриченко; под общ. ред. И.А. Конюховой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 505 с.
8. Аверин А.Н. Органы государственной власти субъекта Российской Федерации в единой системе публичной власти: правовая основа / А.Н. Аверин, А.В. Понеделков, К.В. Стрельцова, И.В. Омельченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 1. – С. 77-80.
9. Ковтун О.А., Терещенко Н.Д. Совершенствование правовых основ публичной власти в субъектах Российской Федерации // Очерки новейшей камералистики. – 2022. – № 2. – С. 2-7.
10. Демидов М.В. Конституционно-правовые основы организации и функционирования органов публичной власти в Российской Федерации // Вестник Российского университета кооперации. – 2023. – № 2 (52). – С. 81-86.
11. Бурмистрова Ю.Ю. Законодательные новеллы в конституционно-правовом статусе органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – Т. 14, № 3 (53). – С. 30-35.

12. Гончаров В.В. О проблемах и перспективах развития общественных советов при законодательных (представительных) и исполнительных органах власти субъектов Российской Федерации: конституционно-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 1 (217). – С. 133-136.
13. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/01fbae25b3040955277cbd70aa1b907cceda878e/ (дата обращения: 01.02.2024).

Артыков Джафар Зафаржонович

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия; Таджикистан)

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна,

заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУИРОВАНИЕ АМНИСТИИ: ОПЫТ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ

Аннотация. В статье рассматривается конституционно-правовой опыт формализации амнистии с учетом практики реализации данного института в целях, интересующих и государство, и граждан. Имея долгую историю, амнистия по-разному реализуется в разных странах. Автором обращено внимание на конституционный опыт России и Белоруссии как членов Союзного государства.

Ключевые слова: конституция, Союзное государство России и Белоруссии, амнистия

«Удивительно, но укорененные в природе человека нормы действуют как бы на базе принципа «золотой середины», стремятся к оптимальному режиму. Они не являются строго фиксированными, неподвижными точками в пространстве, подвержены изменению, подвижкам и в то же время сохраняют устойчивость пределов, дальше которых эти изменения идти не

могут» (Мальцев Г.В. *Социальные основания права*. М.: Норма, 2007. С. 517).

Как известно, Российская Федерация и Республика Беларусь подписали Договор о создании Союзного государства, который вступил в силу 26 января 2000 г. В нем, помимо прочего, сказано, что это «знаменует собой новый этап в процессе единения народов двух стран в демократическое правовое государство» (ст. 1) [1]. Одной из черт такого государства является не только признание, но и гарантирование прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 14). С правами человека связан институт амнистии, который, на данном этапе углубления союзнических процессов не нашел отражение в договоре. Амнистия предусмотрена как прерогатива каждого отдельного государства. При этом представляется интересным проанализировать общее и особенное в конституировании данного института в России и Белоруссии.

«Амнистия, – писал П.И. Люблинский, – есть акт верховногосударственной власти, предусматривающий прекращение судебных и административных действий, направленных к применению мер репрессии по отношению к известной категории запрещенных деяний и издаваемых ради достижения каких-либо более высоких задач государственного властвования» [2, с. 179]. Согласно этому амнистия является особым видом юридическогo акта, который предусматривает прекращение уголовного преследования и наказания для определенной категории лиц.

Этот институт имеет долгую историю и широкое распространение в различных странах мира. Основной целью амнистии является достижение правосудия, гуманности и социальной справедливости.

Как хорошо отметил Н.В. Витрук, что «в силу актов гуманизма входят амнистия и помилование» [3, с. 340].

Акт милосердия – это одна из целей и задач амнистии. Целью акта милосердия является создание условий для социальной реабилитации осужденных лиц, способствующих их успешному возвращению в общество.

В России и Белоруссии амнистия является актом милосердия, гуманизма и предоставляет возможность дать «специальный шанс» лицам, признанным виновными в совершении преступлений.

Мархгейм М.В. пишет, что право на амнистию, в отличие от иных конституционных прав могут быть реализованы лицами, преступившим закон: «каждый осужденный», «каждый приговоренный к смертной казни» и т.п., т.е. явно именно «Ad hoc» ракурсе» [4].

Гуманизм адресуется также лицам, на которых по прерогативному решению соответствующих государственных органов распространяются амнистия и помилование – виды государственного прощения за виновное деяние [5].

Амнистия как акт гуманизма может способствовать укреплению доверия граждан к правосудию и государству в целом. Она свидетельствует о том, что государство признает возможность изменения осужденных лиц, а также стремится к содействию их реабилитации и успешной социализации.

В России и Белоруссии амнистия проводится с целью смягчения наказаний для определенных групп лиц. Нужно отметить, что «Амнистия как государственно-правовое явление проявляет себя и в том, что объявляется она в честь какого-либо значимого государственного события» [6].

Переходим к рассмотрению конституционно-правового опыта реализации амнистии в этих двух странах, а также роль этого акта как проявления милосердия со стороны государств. Мы обозначим основные принципы, процедуры и результаты амнистий в России и Белоруссии, а также оценим их эффективность в достижении поставленных целей.

В Российской Федерации амнистия является одним из инструментов государственной политики в области правопорядка и социальной защиты. Процедура проведения амнистии регламентирована согласно п. «ж» ч. 1 ст. 103 Конституции и ст. 84 Уголовного кодекса Российской Федерации, Государственная Дума, руководствуясь, помимо прочего, принципом гуманизма, уполномочена объявлять амнистию [6]. Амнистией могут быть охвачены разные категории лиц, включая осужденных, подозреваемых, обвиняемых или лиц, находящихся под следствием по определенным видам преступлений.

В течение двадцати двух лет (2000 – 2022 гг.) в России, было издано 9 актов об амнистии в форме Постановления Государственной Думы [6].

Один из ярких примеров применения амнистии в Российской Федерации – амнистия в связи с 70-летием победы в Великой Отечественной войне (Постановление от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД [7]) была успешно принята. По сообщению ФСИН России в ее рамках из учреждений уголовно-исполнительной системы было освобождено порядка 250 тыс. человек [8].

В рамках этой амнистии были освобождены от уголовной ответственности и сокращены наказания для определенных категорий лиц, включая бывших участников боевых действий, инвалидов, пожилых людей, женщины, беременные или имеющие детей дошкольного возраста, и другие лица, нуждающиеся в особой социальной защите.

В целом можно сказать, что амнистия как акт гуманизма имеет своеобразное значение в правовой системе России. Ее реализация основывается на конституционных нормах и законодательстве, что обеспечивает ей легальность и законность. Кроме того, амнистия способствует улучшению социальной среды и созданию условий для успешной ресоциализации осужденных.

В Белоруссии амнистия также является распространенным институтом права. Процедура проведения амнистии регулируется ст. 97 Конституции Республики Беларусь и Законом «Об амнистии». Отметим, что в отличие от России в Республике Белоруссии актом амнистии является не постановление, а закон об амнистии. Амнистией могут быть охвачены различные категории лиц, включая осужденных, подозреваемых или обвиняемых по определенным видам преступлений.

Согласно официальным источникам в Белоруссии в период с 1991 по 2010 гг. было принято двадцать законов об амнистии [9]. Начиная с 2010 года до сегодняшнего дня в Республики Белоруссии были приняты шесть законов об амнистии (2012, 2014, 2015, 2019, 2020, 2022 гг.). Согласно последнему Закону «Об амнистии» Республики Беларусь от 08 декабря 2022 №220-3, амнистия коснулась более 6000 осужденных [10].

Как мы уже отметили, в Белоруссии существует закон «Об амнистии», который определяет порядок и условия применения амнистии. Закон устанавливает перечень категорий осужденных, которые могут быть подвергнуты амнистии, и определяет процедуру ее применения (ст. 100 Конституции Республики Беларусь).

В Законе «Об амнистии» предусмотрены различные виды амнистий в зависимости от характера совершенного преступления и личности осужденного. Например, существует так называемая общая амнистия, которая распространяется на все категории осужденных. Также предусмотрена частичная амнистия, М.Д. Шаргородский пишет, что «амнистия может быть произведена полная или частичная...» [11], которая может быть направлена на освобождения от применения наказания.

Конституция Республики Беларусь определяет основные принципы реализации амнистии. В частности, ст. 92 Конституции гарантирует равенство перед законом и запрещает дискриминацию по признаку пола, расы, языка, вероисповедания и других социальных отличий. Это значит, что амнистия должна применяться к лицам, независимо от их пола, национальности или религии.

Процедура проведения амнистии в Белоруссии предусматривает участие не только исполнительно-правовых органов государства, но и других

соответствующих органов [12, с. 117]. Например, закон «Об амнистии» может быть принят по предложению Президента Республики Беларусь или Палаты представителей Национального собрания.

Важным аспектом реализации амнистии в Белоруссии является обеспечение информированности осужденных о возможности получения амнистии. Осужденные должны иметь доступ к информации о процедуре применения амнистии [12, с. 120], условиях ее получения и необходимых документах. Для этого проводятся специальные профилактические мероприятия, как то: беседы с осужденными и распространение информационных материалов.

В Белоруссии законы об амнистии способствуют реабилитации осужденных лиц, позволяют им вернуться в общество и начать новую жизнь без бремени уголовной ответственности.

Конституционно-правовой опыт реализации амнистии в России и Белоруссии позволяет заключить, что данный институт имеет свое место в системе конституционного права и играет значительную роль в обеспечении прав человека. Он способствует привлечению к ответственности за совершение преступлений, одновременно предоставляя возможность для реинтеграции осужденных лиц в общество.

В свете опыта реализации амнистии в России и Белоруссии появляется необходимость обратить внимание на некоторые аспекты законодательства, которые могут быть улучшены с целью более эффективной и справедливой реализации этого акта гуманизма. В частности, полагаем значимым: уточнение критериев, по которым будет осуществляться выбор лиц для амнистии; оптимизацию процедуры рассмотрения заявлений; обеспечение доступа к информации о возможности амнистии; учет мнения общественности.

Следует признать, что перспективы совершенствования законодательства по амнистии России и Белоруссии являются актуальной темой для обсуждения в целях выработки эффективных универсальных механизмов реализации амнистии как акта гуманизма без рисков для государства и общества.

Список литературы

1. Договор о создании Союзного государства // Бюллетень международных договоров. 2000. № 3. С. 54.
2. Грамматчиков М.В. Судимость: исторический, уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2002. С.179
3. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.
4. Мархгейм М.В. Право на помилование и право на амнистию в конституционном ad hoc ракурсе // В сборнике: Права человека: история, теория,

практика. Десятая Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей. Юго-Западный государственный университет. Курск, 2022. С. 45-49.

5. Артыков Д.З. Амнистия как акт государственного гуманизма // Конституционализм: Симбиоз Науки и Практики. 2021. С. 83-87.
6. Мархгейм М.В., Артыков Д.З. Амнистия: конституционно-правовой опыт реализации в России и Таджикистане // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5(144).
7. [Электронный ресурс] <https://base.garant.ru/70989670/>?
8. [Электронный ресурс] Российская газета. 2016, 24 марта.
9. [Электронный ресурс] <https://president.gov.by/ru/events/12-ijunja-aleksandr-lukashenko-provel-soveshanie-po-voprosu-amnistii-410>
10. [Электронный ресурс] <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-podpisal-zakon-ob-amnistii>
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984.
12. Гришко А.Я. Амнистия. Помилование. Судимость/ А.Я. Гришко, А.М. Потапов. – М. Университетская книга: Логос, 2009. 272 с.

Бархатов Егор Дмитриевич
аспирант кафедры конституционного
и административного права
Пермский государственный национальный
исследовательский университет (ПГНИУ)
(Пермь, Россия)

МУЖЧИНА КАК СУБЪЕКТ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ

Аннотация. В статье автором рассмотрены подходы к определению мужчины в качестве субъекта репродуктивных прав. Выделены охарактеризованы первичные и вторичные репродуктивные права мужчин. Сделан вывод, что несмотря на конституционную норму о равных правах мужчин и женщин (ч. 3 ст. 19) в репродуктивном отношении их права существенно различаются.

Ключевые слова: репродуктивные права, права человека, права мужчин, права женщин

«Мир, в котором живут современные люди, сложен и противоречив, он все более вязнет во вражде и недоброжелательности, расплачивается за каждый шаг материально-технического прогресса утратой духовных пози-

ций, которые, казалось бы, надежно выработаны человечеством и освоены человеком на предшествующих этапах культурного развития. Создавать новые высокие ценности в сфере религии, морали, права обществу мешает все тот же культурный практицизм, нацеленный на деньги, власть, удовольствия, вовлекающий людей в безудержную гонку соперничества и борьбу с себе подобными» (Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 281-282).

Еще Е.Н. Трубецкой считал, что субъектом права является всякий, кто способен иметь права, невзирая на то, пользуется он ими или нет [1, с. 134]. Данная столь широкая формулировка, как нельзя кстати, отражает статус субъекта репродуктивных прав. Независимо от того, мужчина вы или женщина, так или иначе, репродуктивные права у всех вас есть от рождения. Развивая утверждение А.В. Захаровой, репродуктивное право, как ничто другое, обращено к каждому человеку без исключения [2, с. 114]. Вы можете воспользоваться им или нет. Все на ваше усмотрение, поскольку согласно определению Всемирной организации здравоохранения, репродуктивные права – это права мужчин и женщин принимать свободные и самостоятельные решения о своем репродуктивном здоровье, в том числе о рождении детей, времени их рождения и промежутках между рождением детей, а также право на получение информации по этим вопросам [3].

Считаем, что предыдущим абзацем мы закрыли вопрос о том, что у мужчин нет и быть не может репродуктивных прав. Более того, нами предпринимается попытка определить целесообразность и разумность предоставления мужчинам официального репродуктивного статуса. Данная тема сложна как с правовой точки зрения, так и с социальной. Считаем, что будет довольно смелым, но отнюдь не безумным поступком обратиться к мнению населения Российской Федерации, относительно ситуации, складывающийся между мужчинами и женщинами как в правовом, так и социальном поле.

Основным социально-правовым явлением мы выделяем «смещаемость в правах (правовом статусе)» субъектов. Под данным определением мы подразумеваем то, что изначально, независимо от половой принадлежности и социального статуса индивидов, они обладают равными правами от рождения. Государство стремится предоставить весь спектр прав и свобод без какой бы то ни было дискриминации, но практика складывается иным образом. В последствии, при взрослении человека, взаимодействия через определенные социальные институты, мы наблюдаем нарастающее неравенство в правах и свободах мужчин и женщин, что становится отправными точками в противоречиях не только в социальной жизни, но и в правовом поле.

В связи с этим, нами предлагается делить репродуктивные права мужчин на первичные и вторичные. Первичные репродуктивные права естественны, присущи всем от рождения. Мы также можем назвать их «донорскими». В основном, это право на генетический материал. Благодаря современным медицинским технологиям, это можно осуществить в специализированных клиниках. Все же возникает вопрос о возрасте, с которого репродуктивные права могут быть реализованы в полной мере.

Вторичные репродуктивные права производны от первичных и опосредованы факторами социальной среды человека. Их намного больше, чем первичных. Яркими примерами являются: институт семьи и брака, институт суррогатного материнства, вспомогательные репродуктивные технологии и так далее.

Перед более подробным анализом вторичных репродуктивных прав, приведем статистические данные по Российской Федерации. В начале 2024 года Росстат делает следующее заявление: численность населения России снизилась на 0,17 % до 146,2 млн человек. Ранее, численность мужчин в России на 1 января 2021 года составляла 67,8 млн человек (46,4 %), женщин – 78,3 млн человек (53,6 %). На 1 января 2021 года в России на 1000 мужчин приходилось 1154 женщины, или 866 мужчин на 1000 женщин. На сегодняшний день, в соответствии с официальной информацией, взятой с сайта федеральной службы государственной статистики, на 1000 мужчин приходится 1140 женщин [4]. Мы бы не сказали, что демографическая ситуация в России улучшилась. Более того, официальную статистику найти было крайне проблематично, несмотря на современные информационные технологии.

Касаемо института семьи и брака ситуация следующая: 2023 год побил все рекорды. Только за первые шесть месяцев этого года было расторгнуто уже 333 970 браков. Согласно данным Росстата, в среднем по стране на 1000 свадеб приходится 900 разводов [5]. Статистика ошеломляющая. Напомним, что 2024 год в России объявлен «годом семьи». Государство «бьет тревогу» касательно демографической ситуации, а демография выступает следствием реализации репродуктивных прав.

Собрав информацию с бесчисленных интернет-форумов и сайтов, можно впасть в отчаяние от того, насколько плачевна разросшаяся ситуация «гендерного противостояния». Люди друг друга буквально ненавидят. Все зашло настолько далеко, что в России образовалось так называемое «мужское движение». Идеология данного сообщества сомнительная. Данная ситуация – это следствие вышеописанной «смещаемости в правах» субъектов.

«Смещаемость в правах» хорошо проявляется во вторичных репродуктивных правах. Например, Институт семьи и брака Российской Федерации

переживает кризис. Упомянем Проект Федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» [6]. Ситуация, связанная с данным Законопроектом, крайне резонансная. Мало того, что он вызовет коллизии с КоАП РФ и УК РФ, при этом объективную сторону деяния в нем сложно определить, и общественные стереотипы осложняют его применение. Возникает вопрос: «Кто, в большинстве случаев, будет пострадавшим? Мужчина или Женщина?». Ответ вы дадите сами, но мужчины, движимые общественными стереотипами, не будут использовать данный закон для защиты своего психического и физического здоровья. С одной стороны, с чего бы мужчинам пользоваться положениями данного ФЗ? Мы привели демографическую статистику выше. Зачастую психическое насилие в семье куда опаснее, благодаря своему накопительному эффекту. При этом, мужчины и женщины осуществляют его в равной степени. Отметим, что мы осуждаем любые формы и проявления насилия.

Ситуацию искусственного прерывания беременности женщиной тяжело рассматривать по отношению к мужчинам. Это противоречит морально-этическим устоям как по отношению к будущему ребенку, так и по отношению к здоровью женщины-матери ребенка. Отметим, что мужчина никак не может повлиять на искусственное прерывание беременности женщиной.

Мы наблюдаем значительные расхождения мнений мужчин и женщин, касаемо алиментных обязательств. Вот только сам факт спора, связанный с ребенком, стоит на грани морально-этических устоев. Сам институт семьи и брака может наделить мужчину статусом отцовства. В современном обществе существуют ситуации подложного отцовства и презумпции отцовства. Мы разбираем данные примеры постольку, поскольку у мужчины есть репродуктивный возраст, который он тратит или он мог бы потратить на рождение и воспитание своих действительных потомков.

Согласно ст. 55 Закона об основах охраны здоровья граждан, одинокие мужчины не имеют права на применение вспомогательных репродуктивных технологий [7]. Это очень дискуссионная тема, которая может зайти вплоть до обвинений мужчины в педофилии.

Мужчина и женщина разные с биологической, и с психологической точки зрения живые организмы. Репродуктивные права мужчины должны кардинально отличаться от женских. Как к разным субъектам можно применять одни и те же права и вменять одни и те же обязанности? Отметим одно, что как минимум, мужчина – субъект репродуктивных прав, и должен знать об этом.

Позволим себе привести высказывание одного мужчины с интернет-форума, личность которого мы оставим анонимной: «В реальности же муж-

чина в России всем должен: должен обеспечивать семью, должен служить в армии, должен уходить на пенсию позже женщины, должен уступать места в очередях, в транспорте, в шлюпке, если тонет корабль или пароход, например. То есть складывается ощущение порою, что мужчина в России – это какой-то второй сорт или раб, а не свободный человек. На российского мужчину уже с рождения накладывается столько ограничений и стереотипов, что в них можно зарыться с головой. Мужчине в России с самого детства начинают «промывать» мозги все, кому не лень, рассказывая ему о том, что, где, как и кому он должен. Конечно, при таком образе жизни, когда на тебя все вокруг давят стереотипами «должен», «обязан» неудивительно, что наша страна на первом месте в мире по числу мужских самоубийств».

Подытоживая, отметим, что несмотря на диспозицию конституционной нормы ст. 19, установившей, что «2. Мужчина и женщина имеют равные права и равные возможности для их реализации», не столь однозначна применительно к правам репродуктивным. И в данном отношении такое различие нельзя отнести к нюансам «положительной дискриминации».

Список литературы

1. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. Киев, 1906. 225 с.
2. Захарова Е.Н. Индивид — субъект международного права // Советское государство и право. 1989. № 11. С. 112 – 118.
3. Устав Всемирной организации здравоохранения (Нью-Йорк, 22.07.1946). [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd48/basic-documents-48th-edition-ru.pdf?ua=1#page=9> (дата обращения: 20.04.2024).
4. Численность мужчин и женщин [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn2.htm (дата обращения: 20.04.2024).
5. «Главным бракоборцем стало правительство». Почему в России увеличилось число разводов. [Электронный ресурс]. URL: <https://ngs.ru/text/family/2023/10/03/72768146/> (дата обращения: 20.04.2024).
6. Проект Федерального закона N 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 28.09.2016). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=151153#RSPgxAUobUrzLYXP3> (дата обращения: 20.04.2024).
7. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

Бойченко Елена Михайловна
аспирант кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна
заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор,
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Введение принципа единства публичной власти обусловила разработку нового федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». На основе анализа научных и формальных источников автором выявлены особенности системы государственной власти субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция России, публичная власть, субъект Российской Федерации, орган государственной власти, местное самоуправление

«Право становится субъективным, когда лицо, используя или применяя управомочивающую норму объективного права, вступает в отношения с другими людьми, преследует определенные интересы. Конструкция субъективного права, как она дана потенциально в управомочивающей норме, в законе, устанавливающем субъективное право, наполняется на стадии правоотношения волевой властью заинтересованного субъекта, благодаря чему абстрактное право становится реальным, требующим от его носителя творческой активности, свободно-волевых усилий» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 350).

Актуальность темы обусловлена современным состоянием органов государственной власти и местного самоуправления в контексте принятия нового Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [1].

Термин «публичная власть», который отражен в Российской Федерации, на практике уже использовался ранее. Так, исходя из смысла ч. 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации устанавливает, что власть народа осуществляется непосредственно, а также через органы власти, то есть граждане принимают решения по важным вопросам государственной и общественной жизни как напрямую, так и через выбранных представителей. Данное положение находит свое отражение и в абз. 2 п. 2.1 Постановления Конституционного Суда от 09 июля 2002 № 12-П, где указано, что «многонациональный народ России, на основе конституционного принципа народовластия, является носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации, осуществляя ее как напрямую, так и через органы публичной власти» [2]. Таким образом, можно сказать, что именно Конституционный Суд России внес понятие «публичная власть» в текст Конституции, которое отсутствовало ранее.

Следует отметить, что структура единой системы публичной власти включает пять параметров: конституционные формы демократии; основные инструменты реализации публичной власти в лице институтов и органов публичной власти; базовые категории институтов и органов публичной власти; виды институтов и органов публичной власти; внутривидовые организационно-правовые формы институтов и органов публичной власти.

Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – Закон № 414) является важным шагом в реформировании организации публичной власти, принятие которого связано с изменениями в Конституции Российской Федерации, которые были приняты в 2020 году. В настоящее время продолжается процесс приведения действующего законодательства в соответствие с обновленной Конституцией Российской Федерации [3], поэтому сферы организации власти в субъектах Российской Федерации изменения не могли не коснуться. Он устанавливает общие принципы организации публичной власти и регулирует вопросы, связанные с формированием и деятельностью органов власти в субъектах Российской Федерации.

Рассуждая по этому поводу, профессор С.А. Авакьян обращает внимание на то, что публичная власть может осуществляться как российским народом в целом, так и его частью, проживающим на территории субъекта, муниципального образования. Ее осуществляют как избранные народом представители, так и те органы, которые они образуют [4].

Ратчинский В.В. конкретизирует понятие публичной власти как власти социальной: публичная власть – это не просто вид социальной власти, а именно власть институционализированная и легальная [5].

Кушхова Б.З. также рассматривает публичную власть как вид социальной власти через призму ее институтов, однако вносит в ее понимание такой компонент, как население. Согласно определению автора, «публичная власть — это легитимная власть, осуществляемая государственными, муниципальными органами или населением непосредственно» [6].

Согласимся с позицией А.Н. Черткова, который утверждает, что «закрепление категории «публичная власть» в новой редакции Конституции видится важным и своевременным шагом» [7].

В рамках поправок в Конституцию в 2020 году, а именно в ст. 132 утвердилось единство публичной власти. По мнению М.В. Мархгейм, «Новый конституционный феномен «единая система публичной власти» целесообразно исследовать с позиции его структуры, опираясь на понимание системы в качестве упорядоченной совокупности взаимодействующих элементов, отличающейся характеристикой целого. Подспорьем такому анализу служат не только введенные в 2020 г. в конституционный текст положения, но и те, что были в нем изначально. Так, основанием для уровневого структурирования единой системы публичной власти служит конституционное установление ее принципиальных «подсистем», а именно: «система органов государственной власти», «система органов местного самоуправления» (п. «н» ч. 1 ст. 72), «система органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ч. 1 ст. 77). Установление общих принципов двух первых подсистем отнесены к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, а третьей — к самостоятельному ведению субъекта Российской Федерации в соответствии с диспозицией указанной части ст. 77» [8, с. 68].

Соответственно, публичная власть состоит как из государственных, так и муниципальных органов. Кроме того, они также обязаны взаимодействовать друг другом с целью эффективного решения поставленных задач в интересах населения. В этой связи поддерживаем позицию М.В. Мархгейм о том, что «взаимодействие выступает такой основополагающей идеей, которую целесообразно относить к самостоятельным конституционным принципам» [9, с. 56]. Наряду с этим вновь подчеркнем убежденность, что является «методологически верным интегрирующий подход к устройству власти в России, конституированный в формате единой системы публичной власти, и способным сослужить пользу местному самоуправлению в нашей стране [10, с. 59].

Согласно ст. 133 Конституции органы местного самоуправления выполняют публичные функции и полномочия, имеющие государственное значение, во взаимодействии с органами государственной власти и, конечно, имеют право на компенсацию дополнительных расходов, возникших при их осуществлении.

Организация публичной власти справедливо отнесена к ведению Российской Федерации (п. «г» ст. 71 Конституции). О единстве системы публичной власти и взаимодействии входящих в нее органов указано в ч. 2 ст. 80 Конституции России.

Вместе с тем, внося изменения в ст. 71 о предметах ведения Российской Федерации и в ст. 72 о предметах совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, разработчики поправок не унифицировали понятийный аппарат, хотя данная проблема на повестке научных дискуссий. Так, при фактически идентичном подходе в законодательном регулировании одни предметы совместного ведения прямо названы в ст. 72 (п. «д» – природопользование...), другие – с помощью термина «общие вопросы» (п. «е» – общие вопросы воспитания, образования...), третьи – с использованием понятия «координация вопросов» (п. «ж» – координация вопросов здравоохранения).

В то же время содержание категории «публичная власть» осталось нераскрытым.

В законе № 414-ФЗ содержится ряд новелл, касающихся статуса и полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, исполнительных органов власти, депутатов законодательного органа, и другие важные положения. Новая законодательно закреплённая модель предполагает, что федеральные органы государственной власти осуществляют свои полномочия на территории субъекта Российской Федерации во взаимодействии с органами государственной власти и иными государственными органами данного субъекта Федерации, органами местного самоуправления, действующими на территории субъекта Российской Федерации, и в совокупности, входят в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации.

Законом № 414 закрепляются принципы деятельности указанных органов, к которым относятся: обеспечение соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина; верховенство Конституции Российской Федерации; согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти на всех уровнях; разграничение предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти и гарантии финансового обеспечения разграничения полномочий; признание и гарантированность местного самоуправления.

Закон № 414 установил принципы деятельности органов публичной власти, порядок разграничения полномочий между различными уровнями власти, а также провозгласил принцип единства системы публичной власти в

нашей стране. Все это способствует улучшению контроля и усилению ответственности органов публичной власти.

Данный закон содержит новые положения о структуре и функциях органов публичной власти на территориях субъектов Российской Федерации. Однако, на наш взгляд, важно отметить, что большая часть действующих правовых норм Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (утратил свою силу), также нашла свое отражение в Законе № 414 еще на стадии его разработки.

Согласно ч. 2 ст. 4 ФЗ № 414 систему органов государственной власти субъекта Российской Федерации составляют: законодательный орган; высшее должностное лицо; высший исполнительный орган; иные органы, образуемые согласно конституции (уставу) субъекта.

Кроме того, отметим, что после принятия Закона № 414 все субъекты Российской Федерации должны были привести свое законодательство в соответствие с этим законом до 01 января 2023 года.

Так, в Белгородской области был принят новый Устав 24 июня 2022 г. Его положения соответствуют нормам Закона № 414.

На основании ст. 5 Устава Белгородской области систему органов государственной власти Белгородской области составляют: Белгородская областная Дума, Губернатор Белгородской области, Правительство Белгородской области и иные исполнительные органы Белгородской области, образуемые в соответствии с Уставом [11].

Законом № 414 введены существенные изменения в положение высшего должностного лица в системе органов власти субъекта Российской Федерации. Так, высшее должностное лицо признается обязательным органом публичной власти, что ранее не было предусмотрено законом. Основы правового статуса высшего должностного лица субъекта так же были подвержены изменениям. Теперь оно вправе именоваться «Главой» либо «Губернатором» соответствующего субъекта, а в городах федерального значения – также «Мэром».

Ранее, в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ, высшее должностное лицо не было обязательным органом в системе органов государственной власти субъектов Российской Федерации, и его должность могла быть предусмотрена конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации.

В связи с принятием Закона № 414 был принят Закон Белгородской области, касающийся внесения изменений в некоторые областные законы.

Так, в Закон Белгородской области от 22 марта 2007 года № 105 «О государственных должностях Белгородской области и гарантиях деятельности лиц, их замещающих» в статью 3 было добавлено положение о том, что «в соответствии с принципом единства системы публичной власти Губернатор Белгородской области одновременно замещает государственную должность Российской Федерации и государственную должность Белгородской области» [12].

Согласно ст. 20 Устава Белгородской области Губернатор Белгородской области является высшим должностным лицом Белгородской области. В ранее действующем Уставе Белгородской области 31 декабря 2003 года № 108 было указано, что «Правительство Белгородской области возглавляет систему органов исполнительной власти Белгородской области, руководит работой органов исполнительной власти Белгородской области и контролирует их деятельность».

Губернатор Белгородской области осуществляет руководство исполнительной властью в Белгородской области.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что модель построения исполнительной власти базируется на той модели, где высшее должностное лицо субъекта руководит исполнительной властью.

Кроме того, закон № 414 ФЗ по сравнению с ФЗ № 184 более четко урегулировал полномочия главы субъекта Российской Федерации, включая ответственность за формирование регионального правительства.

Согласно ст. 29 Устава Белгородской области в систему исполнительных органов Белгородской области входят Губернатор Белгородской области, Правительство Белгородской области, иные исполнительные органы Белгородской области.

Таким образом, в рамках проведения конституционной реформы в субъектах Российской Федерации, в том числе в Белгородской области, формируется новая институциональная модель системы органов публичной власти. Она позволяет проводить разграничение полномочий между уровнями публичной власти за счет достижения обеспечения, соответствующими, финансовыми и материальными ресурсами, повысить эффективности и ответственность публичной власти за принимаемые решения.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 2021. №52 (часть I). Ст. 8973.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2002 № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 18 и статьи 30.1 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», статьи 108 Конституции Республики Татарстан, статьи 67 Конституции (Основного Закона) Республики Саха (Якутия) и части третьей статьи 3 Закона Республики Саха (Якутия) «О выборах Президента Республики Саха (Якутия)»» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2909.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 237. 25 декабря; Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации - Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
4. Авакьян С. А. Конституционное право России: учебное пособие: в 2 т. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. Т. 2. С.332.
5. Рачинский В. В. Публичная власть как общеправовая категория: теоретико-прикладной аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2003. 25 с.
6. Кушхова Б. З. Юридическая ответственность публичной власти в современной России: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2009. 27 с.
7. Чертков А. Н., Вертикали П. О. Публичная власть в современном мире // Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2022. Т. 17. №. 6.
8. Мархгейм М.В. Система публичной власти Российской Федерации: конституционные детерминанты единения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 8 (147). С. 66-72.
9. Мархгейм М.В. Взаимодействие как конституционный принцип // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 54-56.
10. Мархгейм М.В., Бойченко Е.М. Местное самоуправление в системе публичной власти // В сборнике: WISSENSCHAFT UND BILDUNG: IN- UND AUSLÄNDISCHE ERFAHRUNG. 3 Konferenz. Andreas Henze. Gelsenkirchen, 2023. С. 58-62.
11. Устав Белгородской области от 24 июня 2022 года № 189 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202206240010> (дата обращения: 30.01.2024).

12. Закон Белгородской области от 28.09.2022 № 215 «О внесении изменений в некоторые законы Белгородской области в связи с принятием Федерального Закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»» // Офиц. интернет-портал правовой информации URL:<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&nd=103130725&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 30.01.2024)

Бутов Андрей Юрьевич,
аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель
Нифанов Алексей Николаевич
профессор кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ О НАРОДАХ РОССИИ

Аннотация. В работе изложены результаты анализа норм российской Конституции в связи с легализацией положений о таком субъекте правоотношений, как народ; выявлены разновидности заявленного субъекта, а также установлены положения государственного гарантирования столь важного участника общественной и государственной жизни.

Ключевые слова: народ, многонациональный народ, равноправные народы, государствообразующий народ, коренные малочисленные народы.

«Провозглашая цели, намечая программу развития государства политический режим (государственная власть) дает важную информацию о себе, заявляет о своих ценностях и приоритетах, показывает народу куда он ведет гражданское общество» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М. Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 696).

Стабильное развитие Российской Федерации в качестве многонационального правового демократического государства предписывает обращение к рассмотрению не только особенностей народа как историко-культурной общности людей, проживающей на одной территории [1], но и определению его конституционно-правового статуса как субъекта многочисленных правоотношений [2].

В рамках данного исследования внимание уделено российским конституционным подходам к легализации народа. Отметим при этом, что М.В. Мархгейм, размышляя по поводу обновления Конституции России, акцентировала, что предусмотрено именно «всенародное голосование в качестве способа принятия Конституции России (изначально или в порядке пересмотра глав 1, 2, 9)» [3, с. 53]

Уточним, что Конституция Российской Федерации [4] упоминает народ в различных аспектах 17 раз в преамбуле, главах первой, третьей и четвертой.

Так, в преамбуле впервые встречается формулировка «многонациональный народ Российской Федерации». Далее непосредственно в тексте ч. 1 ст. 3 многонациональный народ Российской Федерации легализован носителем суверенитета и единственным источником власти в государстве. Формулировка многонационального народа также содержится в ч. 4 ст. 68 в качестве субъекта уникального наследия культуры в Российской Федерации.

Общепризнаны в теории и конституционно-правовой практике принципы равноправия и самоопределения народов. Они же включены в преамбулу российской Конституции, в ч. 3 ст. 5, в которой заявленные базовые идеи входят в число основ федеративного устройства России. В ч. 1 ст. 68 равноправие народов Российской Федерации приобретает новую вербальную формулу «многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации».

Отметим, что в конституционной норме, устанавливающей присягу Президента Российской Федерации и ее тексте, термин «народ» формализован без применения различных характеристик. Президент Российской Федерации приносит присягу именно народу (ч. 1 ст. 82). Непосредственно в тексте присяги дается клятва «верно служить народу».

Далее перечислим конституционные нормы, сопоставляющие народ и власть в рамках форм непосредственной и представительной демократии. Обратим внимание, что характеристика «многонациональный» в следующих ниже нормах отсутствует. В частности: народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 3); референдум и свободные выборы как высшее непосредственное выражение власти народа (ч. 3 ст. 3).

Анализируя далее текст Конституции, отметим, что в ч. 1 ст. 9 закреплены земля и другие природные ресурсы как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

Многочисленные изменения кардинального характера, легализовавшие государственные и общественные незыблемые ценности, затронули в Главе 3 Конституции четыре статьи, связанные с народом России [5]. К примеру: запрет умаления значения подвига народа при защите Отечества (ч. 3 ст. 67); язык государствообразующего народа – русский язык, государственный язык Российской Федерации (ч. 1 ст. 68).

Обращает на себя внимание то, что ряд конституционных норм, адресованных народу, сформулирован в гарантирующем ключе. Так, Российская Федерация: гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ч. 3 ст. 68); гарантирует права коренных малочисленных народов (ч. 1 ст. 69); защищает культурную самобытность всех народов (ч. 2 ст. 69); принимает меры по обеспечению мирного сосуществования государств и народов (ст. 79.1).

Уточним, что конституционную норму ст. 79.1 расцениваем в качестве базовой в определении внутренней и внешней политики, непосредственно или опосредованно затрагивающей народы России. В столь непростое для государственного строительства время, на наш взгляд, именно данное установление является отправной точкой в формировании стратегии мирного сосуществования народов.

Мы солидарны с высказанным мнением о том, что «народ России выступает не простой совокупностью субъектов права – граждан, а единым самостоятельным субъектом, имеющим общие интересы и единую волю. Поэтому естественно то, что конституционный статус народа, хоть и имея в своей основе начала правового статуса личности, должен обладать и обладает своими особенностями» [6]. В этой связи теоретическим и практическим значением обладают все легализованные Конституцией России формулировки народа и его подвига, многонационального народа, равноправных народов, государствообразующего народа, коренных малочисленных народов.

Список литературы

1. Дураев Т.А., Тюменева Н.В. К вопросу о конституционно-правовом статусе народа // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2014. Том 14. Вып. 3. С. 570-578.
2. Давыдова М.Л., Боков Ю.А. Многонациональный народ Российской Федерации как источник государственной власти субъекта РФ: за и против //

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2019. – № 1. – С. 101-111.

3. Мархгейм М.В. Обновление Конституции России: думы о былом и грядущем // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 6 (121). С. 51-55.

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

5. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2020. № 11. Ст. 1416.

6. Казьмина Е.А. Правосубъектность народа Российской Федерации // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4 (29). С. 290-292.

Волобуев Максим Андреевич,
аспирант кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель
Нифанов Алексей Николаевич,
профессор кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ

Аннотация. В статье представлен анализ отдельных поправок, касающихся Главы 3 Конституции Российской Федерации. Актуальность исследования конституционного регулирования федеративного устройства Российской Федерации связана с конституционными новеллами 2020 г., в том числе выразившимся в закреплении положений о федеральных территориях, дополнительных акцентов, касающихся суверенности и территориальной целостности Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция, федеративное устройство, субъекты Российской Федерации, правовое регулирование

«На стадии законодательства, как и правотворчества в целом, политические решения предшествуют юридическим, политика в различных формах прокладывает путь праву. К этому можно относиться как угодно, но именно таким путем вырабатываются конституции, конституционные, органические и избирательные законы, нормативные акты и нормативные договоры, регулирующие порядок организации и лиц. Это те самые интересы, которые выделить из общей массы, а тем более, перечислить, поименовать в законе невозможно, так же, как и придать каждому из них собственное юридическое качество» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 373).

Последнее десятилетие в жизни Российского государства ознаменовалось важными преобразованиями в территориальном устройстве, что, как следствие, отразилось на организации публичной власти, правовом статусе органов власти. Конституция России – Базовый закон государства, отражающий все существенные изменения, раскрывающие и уточняющие содержание основ конституционного строя России [1].

За относительно непродолжительный период существования Конституции России она действовала в пяти редакциях. В документе редакции 2020 г. были отражены существенные и качественно новые конституционные преобразования федеративного устройства России. Проведем сравнение касающихся этого положений Конституции России в редакции 1993 г. (как было) и 2020 г. (как стало).

Так, ст. 65 Конституции, открывающая Главу 3 о федеративном устройстве России, претерпела изменения в части перечня ее субъектов. В связи с вхождением в состав Российской Федерации новых субъектов – вновь признанных республик, – их число увеличилось до 24.

Следующие изменения конституционного правового регулирования федеративного устройства отражены в ч. 1 ст. 67, согласно которой указанная часть Конституции была дополнена положением о том, что на территории Российского государства в соответствии с федеральным законом могут образоваться федеральные территории, статус публичных органов власти которых определяется указанным законом. Эта конституционная новелла направлена на обеспечение возможности организации публичной власти на определенной территории государства, границы которой могут не совпадать с административно-территориальными границами субъектов Российской Федерации, населенных пунктов и др., с целью устойчивого социально-экономического, инновационного и иного развития соответствующей территории. Хотя, по словам М.В. Мархгейм, «федеральные территории не есть

сугубо отечественная идея. Они наличествуют в конституциях и иных федераций. При этом каждое государство реализует собственную модель федеральных территорий» [2, с. 54], в России формализована не общая для всех потенциальных федеральных территорий законодательная модель, а специальная, для конкретной федеральной территории. На сегодняшний день в России такой федеральной территорией является «Сириус», статус которой установлен Федеральным законом от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» [3].

Указанный федеральный закон также предусматривает положения, определяющие специфику органов публичной власти, функционирующих на федеральной территории «Сириус». Как следует из закона, на федеральной территории создаются представительные и исполнительные органы власти, они наделяются отдельными полномочиями Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Создание федеральных территорий в целом констатирует появление экстерриториального принципа осуществления публичной власти не только в пределах субъектов Российской Федерации, но и в образующихся федеральных территориях. Федеральные территории – это не просто новый способ административно-территориального устройства государства, но и способ организации публичной власти на таких территориях как новых публично-правовых образованиях.

Важной представляются конституционные положения, направленные на усиление конституционных начал охраны суверенитета Российской Федерации и ее территориальной целостности. Во-первых, прямо предусмотрена недопустимость действий, направленных на изменение территориальной целостности России. Во-вторых, в конституционном обороте стали использоваться такие понятия как делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами, указывающие на исключительные случаи допустимости изменения границы территории Российского государства [4, с. 185].

В эту же логику и в связи с федеративным устройством вписываются, как представляется, новые конституционные нормы о преемственности России и СССР (обе страны – федерации), о подвиге народа при защите Отечества (многонационального и федеративного), о государственной политике в отношении детей (во имя которых не в последнюю очередь предпринимаются меры единения и развития всех субъектов России).

Теперь за конституированием важных для федеративного строительства новелл и принятием соответствующих законов требуется последовательная реализация заложенного в них регулятивного и обеспечительного потенциала.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Мархгейм М.В. Обновление Конституции России: думы о былом и грядущем // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 6 (121). С. 51-55.
3. Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» (ред. от 15.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 52 (часть I). Ст. 8583.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации / А.М. Дроздова [и др.] ; под редакцией С. А. Комарова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2024. 410 с.

Гаврилина Татьяна Александровна

аспирант кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Стерлитамак, Россия)

Научный руководитель:

Стус Нина Владимировна,

профессор кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНСТИТУЦИОННО-СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917-1990 ГГ.)

Аннотация: Статья посвящена исследованию конституционных актов, принятых в советский период. Анализ конституционных норм позволил автору выделить общую идеологическую составляющую, которая играла фундаментальную роль при строительстве отечественной государственности, и нашла отображение в декларировании права на высшее образование.

Ключевые слова: высшее образование, конституция, права, свободы, равенство, политический строй

«Мир нормативного широк и разнообразен, в нем представлены нормы различного типа и характера, имеющие разные назначения – от общей ориентировки социального поведения до конкретного указания на требуемый поступок. Точно так же и нормативный юридический мир не может быть сведенным к какому-либо одному виду норм, он так же включает в себя конструкции разнообразного назначения» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 736)

Анализируя ретроспективный аспект развития нормативных основ высшего образования в России, следует подчеркнуть, что система высшего образования на отдельных этапах исторического развития формировалась по-разному и эволюционировала под влиянием изменяющихся социальных и государственных процессов.

В конституционно-советский период развития нашего государства (1917-1990 гг.), в условиях появления и существования конституций и специального отраслевого законодательства право на получение высшего образование являлось продолжением идеологической политики советского государства.

Изменение государственного политического строя России явилось причиной коренных реформ всех сфер, однако, образовательной отрасли было уделено особо пристальное внимание [1, с. 216].

В первой Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г. право на получение высшего образования не находит своего закрепления [2].

В статье 17 разд. II гл. 5 «Общие положения Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» новообразованное государство гарантировало полное, всестороннее и бесплатное образование рабочим и беднейшим крестьянам. Несмотря на то, что в первом конституционном акте Советской Республике подчеркивается цель - обеспечить действительный доступ к знанию трудящимся, Основной закон не конкретизирует уровень образования, априори предполагая, что речь идет о начальном школьном образовании.

Ряд положений Конституции РСФСР 1918 году применим и к конституционным гарантиям предоставления права на получение высшего образование. Исходя из связанного толкования норм Конституции РСФСР 1918 года, а именно, ст. 22, на право граждан на высшее образование распространяются правила о равенстве прав граждан независимо от их расовой и национальной принадлежности, и недопустимости установления «каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое

бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия».

Советский период характеризуется резкой трансформацией системы образования в целом и встраиванием звена высшего образования в общую архитектуру государственного регулирования образовательной деятельности.

Практически сразу принимается декрет об учреждении Государственной комиссии по просвещению (9 ноября 1917 г.), которая заменила дореволюционное Министерство народного просвещения.

Следующая Конституция РСФСР от 1925 года не внесла изменений в правовое регулирование высшего образования [5]. В статье 8 Конституции РСФСР 1925 года декларируется право доступа трудящимся к знаниям, которое реализуется посредством бесплатного полного и всестороннего образования. Интерпретация данного положения позволяет прийти к выводу о том, что норма распространяет свое действие на все уровни образования: начальное, среднее и высшее. Основными принципами провозглашаемого права являются бесплатность и всесторонность. Интерпретация норм Конституции РСФСР от 1925 года позволяет установить, что право на высшее образование базируется на началах равенства и недискриминации по национальному и расовым признакам (ст. 13).

В соответствии с положениями статьи 37 Основного закона для управления сферой образования создавался Народный комиссариат просвещения, который принимал на себя все административно-надзорные функции.

Конституция РСФСР, утвержденная Постановлением XII Всероссийского Съезда Советов 11 мая 1925 года, фактически является переработкой Конституции 1918 года в связи с созданием СССР и необходимостью приведения в соответствие с этим событием всей нормативно-правовой базы. Законодатель не ставил целью содержательно поменять текст нового конституционного акта, а потому отдельного упоминания высшего образования произведено не было.

Особый вклад в конституционное гарантирование права на высшее образование внесла Конституция РСФСР, утвержденная Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 года, которая в статье 125, наконец, упоминает и ступень высшего образования [3].

Необходимо констатировать, несмотря на небольшую временную разницу с Конституцией 1925 года, содержание норм статьи 125 Конституции РСФСР 1937 г. значительно отличается в контексте юридической техники, представляя правовую норму, отвечающую критерию

определенности. В законодательном положении установлена и обязательность начального образования, и создание комплекса экономических и социальных условий для реализации права на образование. Во-первых, в конституционном акте принцип бесплатности распространяется и на уровень высшего образования, что разрешило возникавшие ранее противоречия, во-вторых, устанавливается система государственных стипендий учащимся в высших учебных заведениях.

С учетом длительного периода действия Конституции 1937 г. назрела настоятельная необходимость реформирования, на что в юридической и научной среде обращалось внимание уже с 50-х годов. К началу 60-х годов нарастают проблемы в части организации обучения без отрыва от производства, а именно, отмечается большой отсев студентов вечернего и заочного обучения в связи с отсутствием содействия со стороны руководителей предприятий, не предоставляющих реальную возможность работникам проходить обучение; обеспечение учебниками и учебными пособиями является неудовлетворительным; невысокая квалификация преподавательского состава, низкий показатель привлечения профессоров и квалифицированных преподавателей к чтению лекций и проведению иных видов учебных занятий, что отрицательно сказывалось на качестве подготовки выпускников вечерних и заочных отделений университетов.

Потребность в развитии правовой основы системы высшего образования обусловила принятие 21 марта 1961 года Постановления Совета министров СССР № 251 «Об утверждении Положения о высших учебных заведениях в СССР» и Постановления Совета Министров СССР от 9 апреля 1964 г. № 285 «О дальнейшем улучшении высшего и среднего специального заочного и вечернего образования», которые не только тщательно регламентируют особенности функционирования, но и ставят задачу разрешить возникшие проблемы [6; 7]. Для этих целей был предпринят комплекс мер, включая: поручение Министерству высшего и среднего специального образования СССР обеспечивать к началу учебного года каждого студента и учащегося, обучающегося заочно, полным комплектом необходимых учебников, учебных пособий и учебно-методической документации; принять меры к обеспечению более широкого привлечения профессоров, наиболее квалифицированных преподавателей и специалистов производства к проведению учебных занятий; организовать обширную сеть подготовительных курсов для подготовки работников к вступительным экзаменам в высшие учебные заведения, обязанность сдачи которых возложена на поступающих. Постановление № 285 действовало на территории Российской Федерации до 21 февраля 2020 года.

В пределах советского периода развитие конституционного права на высшее образование проходит этап «развитого социализма», преобразуя конституционные гарантии согласно положениям Конституции Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР), принятой Верховным Советом СССР 07 октября 1977 года и ставшей катализатором в дальнейшем развитии конституционного законодательства [4].

Конституция «развитого социализма» начинается с вводной части, в которой раскрываются ключевые этапы построения развитого социалистического общества в СССР. Положения Конституции РСФСР 1977 года направлены на совершенствование единой системы образования, которая призвана обеспечивать общеобразовательную и профессиональную подготовку граждан, а также служить коммунистическому воспитанию, духовному и физическому развитию молодежи, готовит ее к труду и общественной деятельности (ст. 25).

В статье 20 Конституции установлены гарантии права на свободное развитие, при этом государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности. Данная норма имеет прямое отношение к получению образования, в том числе высшего. Особо следует указать установление равных прав женщин и мужчин, в том числе обеспечение равных возможностей в получении образования и профессиональной подготовки (ст. 35 Конституции СССР 1977 г.).

Непосредственно праву на образование, в том числе высшего, посвящена статья 45 Конституции СССР 1977 г., где дублируется принцип бесплатности всех видов образования и предоставления государственных стипендий и льгот студентам, упоминавшиеся в ранее действующих конституционных актах. Однако, здесь отмечается акцентирование законодателя на необходимости обеспечить связь обучения с жизнью, с производством посредством развития заочного и вечернего образования, а также профессионально-технического, среднего специального и высшего образования.

Анализ конституционных актов, принятых в советский период, позволил выделить общую идеологическую составляющую, которая играла фундаментальную роль при строительстве отечественной государственности, и нашла отображение в декларировании права на высшее образование. На протяжении советской истории законодатель особо выделяет субъектов, право которых на высшее образование гарантируется Основными законами. Вначале возникновения советского государства ими

являются класс рабочих и беднейших крестьян, затем – трудящихся, а в эпоху провозглашенного развитого социализма положения Конституции распространилось на всех граждан СССР. Тем самым прослеживаются трансформационные процессы эволюции советского государства, где праву на высшее образование придавалось особо важное значение, как оплоту формирования будущей советской интеллигенции.

Список литературы

1. Балицкий И. И. Образовательная политика России в конце 1917-1920 гг. // Социально-гуманитарные знания. 2013. №1. С. 216.
2. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.
3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята 5 декабря 1936 года // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1936. № 283. 6 декабря.
4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07 октября 1977 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
5. Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик от 31 января 1924 г. // В кн.: Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917-1991 гг. М.: Зерцало, 1997. С. 184-199.
6. Постановление Совмина СССР от 21 марта 1961 г. № 251 «Об утверждении Положения о высших учебных заведениях СССР» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1961. № 6. Ст. 40. (утратил силу)
7. Постановление Совмина СССР от 09 апреля 1964 г. № 285 «О дальнейшем улучшении высшего и среднего специального заочного и вечернего образования» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1964. № 6. Ст. 39. (утратил силу).

Гафуров Денис Витальевич
аспирант кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Москва, Россия)

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна,
заведующий кафедрой конституционного и
международного права юридического института НИУ БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН: ВЕРСИИ СОДЕРЖАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация. В настоящей работе, опираясь на мнения конституционалистов, а также на отечественный конституционный опыт, была рассмотрена трансформация нормы об охране здоровья, закрепленной в 41 статье Конституции Российской Федерации. Нами был предложен историко-аналитический обзор советских конституций в области охраны здоровья граждан. На основе этого был сделан ряд обобщений и выводов.

Ключевые слова: Конституция, право на охрану здоровья, здравоохранение, гарантии права на охрану здоровья

«Как и раньше, государство будет создавать экономические, политические и правовые институты для гражданского общества и вместе с ним. Надо согласиться с выводом, что государство, а не кто-либо другой, ответственно за институциональные трансформации, их социальные последствия, оно должно вырабатывать стратегию институционального развития страны» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 506).

Здоровье является основополагающей ценностью для гражданина и для общества в целом [1]. Адекватная политика государства в области здравоохранения всегда направлена на охрану здоровья, от нее зависит и гармонизация общества, и качество жизни граждан страны.

Каждый гражданин Российской Федерации имеет право на охрану своего здоровья, это право закреплено конституционно и носит фундаментальный характер.

Конституционное право на охрану здоровья предполагает ряд правовых и нормотворческих мероприятий, направленных на реализацию прав и свобод гражданина. Сегодня это право закреплено в п.1, п.2 статьи 41 Конституции Российской Федерации и трактуется как: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений» (п.1 ст. 41 Конституции РФ); «В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию» (п. 1 ст. 41 Конституции РФ) [2].

Актуальность исследования заключается в рассмотрении трансформации нормы об охране здоровья граждан, регламентированной в статье 41 Конституции Российской Федерации, а также в ее исторической предпосылке и отражении в научных исследованиях.

Интерес научного сообщества в рассмотрении контекста ст. 41 Конституции Российской Федерации нагляден и оправдан. Высокая актуальность проблемы связана с гарантированием прав на охрану здоровья, а также с трансформацией отрасли здравоохранения.

Рассмотрим ряд научных публикации, опубликованных в научных изданиях, где раскрываются основополагающие принципы ст. 41 Конституции Российской Федерации.

Ранее в своих работах мы пришли к выводу, что в статье заложены основополагающие принципы, такие как: доступность, безвозмездность, качество («...в России конституционно закреплены принцип доступной медицинской помощи для «каждого» и принцип бесплатной медицинской помощи для «граждан» [3]; «Специальная конституционная норма ст. 41 закрепляет принципы охраны здоровья граждан в Российской Федерации, а именно принципы доступного и безвозмездного оказания медицинской помощи» [4]; «Существенным элементом конституционно-правового статуса личности является право каждого не только на охрану здоровья, но и на получение на всей территории Российской Федерации бесплатной медицинской помощи в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения «за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений» [5].

Автор В.Р. Салун в своей работе справедливо резюмирует: «Конституция Российской Федерации в ст.41 закрепляет право каждого гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь...; России является социальным государством...» [6]. Тем самым, исследователь подчеркивает статус государства как «социальное», которое гарантирует социальное равенство и необходимость для государства реализовывать права граждан на охрану здоровья. Такого же мнения придерживается и А.А. Уваров: «в ст. 41 Конституции РФ право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь корреспондируются соответствующие обязанности государства...» [7].

Также, по словам А.С. Геворгян: «В России право на охрану здоровья и медицинскую помощь является конституционным правом» [8], а В.В. Помазанов усиливает этот тезис за счет статуса Конституции России: «Конституция Российской Федерации – правовой акт, имеющий высшую юридическую, гарантирует: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь...» [9].

Интересное размышление о гарантировании права на охрану здоровья, предложил конституционалист И.В. Тимофеев: «...ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации, закрепляющая право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь. Объединяя в юридической формуле здоровье и медицинскую помощь, Конституция Российской Федерации задает тем самым направление конкретизации и развития упомянутого конституционного права в законодательном регулировании» [10].

Все авторы закономерно акцентируют, что Российская Федерация – это социальное государство, а для социального государства фундаментом являются правовые нормы, обеспечивающие равные права всех граждан к различным социально важным гарантиям, к таким гарантиям и относится охрана здоровья.

Основополагающие принципы становления ст. 41 Конституции Российской Федерации были заложены конституциями Советского Союза. Считаем важным рассмотреть исторические предпосылки формирования основных принципов охраны здоровья, которые получили свое отражение в современном контексте, закрепленных в действующей редакции Конституции Российской Федерации.

Первая Конституция Российского государства, принятая Октябрьской революцией в 1918 году, исходила из интересов революции и не включала прав и обязанностей граждан. Следовательно, о принципе охраны здоровья граждан не могло быть и речи.

Политические предпосылки и организация Союза Советских Социалистических Республик, обусловили принятие нового высшего закона. В Кон-

ституции СССР 1924 г. также не получили отражение права граждан на охрану здоровья. Однако автор И.В. Тимофеев уточняет, что в разделах при этом были введены полномочия верховных органов власти СССР, направленные на установление общих мер в области охраны народного здоровья [11].

В условиях урбанизации и ускоренной индустриализации появилась необходимость в упорядочении законодательства в области здравоохранения с целью введения основных гарантий на охрану здоровья, в особенности рабочим фабрик и заводов. Так, в Конституции СССР 1936 г. был введен принцип бесплатного здравоохранения. Согласно ст. 120 Конституции СССР (1936 г.): «Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также – в случае болезни и потери трудоспособности. Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью трудящимся, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов» [12].

Рассматривая проблемы оказания бесплатной медицинской помощи в нашей стране К.В. Кудряшов и А.А. Санькова, подчеркивают, что «именно Конституция СССР 1936 г. впервые в истории нашего Отечества установила бесплатную медицинскую помощь для трудящихся» [13].

По мнению исследователя О.В. Фадеева, нормы, указанные в ст. 120 Конституции СССР 1936 г., являются ценными и необходимыми для человека. Также, по его утверждению, данная статья Конституции Советского Союза вводила и регламентировала гарантии на охрану здоровья советским гражданам [14].

Действительно, Конституция СССР 1936 г. была самобытной и уникальной для своего времени. Она закрепляла права на труд, жилье, отдых, образование, впервые вводила понятие страховой медицины, что подчеркивает ориентированность ее конституционного строительства. Однако мы убеждены, что ст. 120 Конституция СССР 1936 г. в большей степени не посвящена здравоохранению и охране здоровья, она лишь вводит критерии материального обеспечения и раскрывает финансовый аспект. Поэтому преждевременно утверждать, что данная статья может обладать преимуществом в области охраны здоровья.

Полное установление права на охрану здоровья граждан было осуществлено в ст. 42 Конституции СССР 1977 г. Сам ее заголовок включал понятие «охраны здоровья» и утвердительно закреплял, что: «Граждане СССР имеют право на охрану здоровья»; «Это право обеспечивается бесплатной квалифицированной медицинской помощью, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения; расширением сети учреждений для лечения и укрепления здоровья граждан; развитием и совершенствованием

техники безопасности и производственной санитарии; проведением широких профилактических мероприятий; мерами по оздоровлению окружающей среды; особой заботой о здоровье подрастающего поколения, включая запрещение детского труда, не связанного с обучением и трудовым воспитанием; развертыванием научных исследований, направленных на предупреждение и снижение заболеваемости, на обеспечение долголетней активной жизни граждан» [15]. Помимо этого, закреплялись основные принципы охраны здоровья граждан, а также права: на получения квалифицированной медицинской помощи, на укрепление и профилактику общественного здоровья, на охрану здоровья детей и подростков, а также на проведение научных исследований, направленных на профилактику и качество лечения заболеваний.

Тимофеев И.В. утверждает, что: «...среди всех перечисленных гарантий бесплатная квалифицированная медицинская помощь, оказываемая государственными учреждениями здравоохранения, предоставлялась всем гражданам СССР, т. е. независимо от их отношения к труду, и располагалась на первом месте в обеспечительном статусе конституционного права на охрану здоровья» [11].

По мнению другого автора – И.Г. Банникова, новая редакция советской Конституции и введение статьи об охране здоровья граждан является прообразом современной статьи 41 Конституции Российской Федерации [16], с чем мы полностью солидарны. Также автор упоминает, что Конституция СССР 1977 г.: «...подняла право на охрану здоровья на уровень конституционных прав советских граждан, в известной мере подвела итог всему предшествующему периоду становления и укрепления системы советского здравоохранения» [16].

Конституция РСФСР 1978 г. также включала в себя конституционные гарантии на охрану здоровья граждан и входила в разряд основных прав, свобод и обязанностей граждан РСФСР. Важно отметить, что ст. 40 Конституции РСФСР представляет собой полностью идентичный текст ст. 42 Конституции СССР 1977 г. и не привносила дополнительных гарантий.

Рассмотрев исторические предпосылки формирования современной интерпретации ст. 41 Конституции Российской Федерации, можно с уверенностью резюмировать, что основополагающие принципы, нормы и гарантии на охрану здоровья граждан были регламентированы с момента принятия первой отечественной конституции. Конечно, статья об охране здоровья граждан была введена только в Конституции 1977 г., но предпосылки к ее формированию зарождались в ранних текстах конституции советского государства.

Отметим, что авторы, изучающие вопросы исторического контекста становления конституционных норм, в своих работах резюмировали, что советский опыт, касающихся правовых норм и направленных на здоровье граждан, был уникальный и отвечал вызовам того времени.

Таким образом, изучив научные версии и проанализировав ранние тексты отечественных конституций, касающиеся права на охрану здоровья и его гарантирование, можно прийти к ряду выводов. Так, проблема гарантирования конституционного права на охрану здоровья в различных сопряжениях сохраняет актуальность и научный интерес. Анализ отечественных конституций показал, что конституирование исследуемого права и его гарантирование шло поэтапно и наиболее полно отражено в ст. 42 Конституции СССР 1977 г. и ст. 40 Конституции РСФСР 1978 г.

Сопоставление ст. 41 Конституции Российской Федерации и ст. 42 Конституции СССР 1977 г. позволяет утверждать, что версия 1977 г. имеет более ёмкую и понятную формулировку. Помимо этого, в советской Конституции делался большой упор на профилактическую медицину и развитие научного потенциала сферы здравоохранения. В российской же Конституции присутствует краткая регламентация норм и прав, а также обозначены вопросы финансирования здравоохранения.

Список литературы

1. Мархгейм М.В. Лексические оболочки «жизни»: конституционный релиз России // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 3. С. 134-138.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.
3. Гафуров Д.В. Конституционно-правовые резоны кодификации законодательства об охране здоровья // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2023. – № 11(162). – С. 62-67.
4. Мархгейм М.В., Гафуров Д.В. Конституционно-правовые гарантии права на охрану здоровья детского населения России: испытание популяризацией вейпинга и безалкогольных тонизирующих напитков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2024. – № 2(165). – С. 80-86.
5. Мархгейм М.В., Гафуров Д.В. Конституционно-правовые гарантии прав специального военного контингента на охрану здоровья и медицинскую помощь в условиях СВО // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2023. – № 4(155). – С. 84-90.

6. Салун В. Р. Государственные гарантии в сфере охраны здоровья граждан // E-Scio. – 2020. – №. 11 (50). – С. 1-6.
7. Уваров А. А. Охрана здоровья и медицинская помощь как конституционное право граждан // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2012. – Т. 5. – №. 37-1. – С. 269-271.
8. Геворгян А. С., Аминов И. Р. Конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №. 5-3. – С. 66-68.
9. Помазанов В. В., Марданлы С. Г., Киселева В. А. Об основах охраны здоровья граждан российской федерации // Компетентность. 2021. №. 5. С. 38-46.
10. Тимофеев И. В. Доступность и качество медицинской помощи в Российской Федерации как отраслевой и конституционно-значимый принцип // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2016. – №. 4. – С. 5-11.
11. Тимофеев И. В. Развитие конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь, его судебную и внесудебную защиту: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – №. 4 (59). – С. 77-81.
12. Конституция Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Конституция РФ. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/
13. Кудряшов К. В., Санькова А. Н. А. Проблемы реализации конституционного права граждан РФ на получение ими бесплатной медицинской помощи // Концепт. – 2019. – №. 9. – С. 7-7.
14. Фадеева О. В. Нарушение конституционных прав личности на получение медицинской помощи путем наложения запрета на проведение искусственного прерывания беременности (аборта) в 1936-1955 гг. // Право и практика. – 2019. – №. 1. – С. 22-27.
15. Конституция Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Конституция РФ. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/
16. Банникова И. Г. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь: содержание и историческая ретроспектива // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – №. 2 (6). – С. 51-55.

Гучинова Лалина Асланбековна

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Краснодар, Россия)

Научный руководитель:

Стус Нина Владимировна,

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРИНЦИП ЯЗЫКА СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИЙ

Аннотация: В настоящей статье проведен сравнительный анализ содержания Конституции 1978 года, а также Конституции 1993 года с учетом внесенных в ее содержание изменений на предмет наличия положений о принципе языка судопроизводства путем рассмотрения отдельно изложенных терминологических составляющих, каждая из которых по отдельности, а также в совокупности, представляет собой понятийную и содержательную составляющую принципа языка судопроизводства.

Ключевые слова: конституция, государственный язык, судопроизводство, язык судопроизводства, принцип языка судопроизводства.

«Принципы нельзя выдумывать, произвольно изменять, но их можно игнорировать, подменять, дискредитировать, однако, пожалуй, самое распространенное злоупотребление принципами, связанное с их иерархической, ценностной структурой, – это недооценка одних принципов и переоценка других. В таких случаях система принципов деформируется или выходит из строя. Для каждой специфической сферы деятельности необходим отбор ценностей и построение на их базе иерархии принципов, обеспечивающих успех соответствующего дела» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 662-663).

Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (статья 2), устанавливает, что права и свободы человека и гражданина являются непосред-

ственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием на основе равенства всех перед законом и судом (статья 18; статья 19, часть 1), и гарантирует охрану достоинства личности, а также государственную и судебную защиту его прав и свобод (статья 21, часть 1; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1).

Соблюдение и защита государством прав и свобод человека и гражданина является одним из основополагающих и неотъемлемых элементов правового статуса личности в Российской Федерации как в демократическом и правовом государстве, на котором лежит обязанность обеспечивать защиту, в том числе судебную, установленной законом системы прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Реализация приведенного механизма возможна посредством неукоснительного соблюдения принятой законодателем совокупности нормативно-правовых актов, а также установленной в них системы гарантий и конституционных принципов.

Как указывает Мархгейм М.В., «конституционные принципы сохраняют свою значимость в качестве объекта юридических исследований, выступая основополагающим началом, аксиологическим и легальным мерилем, критерием оценки деятельности (функционирования) публичных органов и в других ипостасях. В конституционно-правовой науке разрабатываются в сущностном, содержательном, видовом, субъектном, статусном, институциональном, ином преломлении. При этом смысловые нагрузки и ценностные грани конституционных принципов представляются нам практически неисчерпаемыми. В числе таких смыслов и граней – интегральность конституционных принципов, щедро распространяющая свой потенциал на современное общество и государство. Отметим, что одни из них получили прямую конституционную формализацию, другие – обрели статус принципа через толкование Конституционным Судом России, третьи – доктринально возведены в такой ранг» [1].

К принципам, которые получили прямую конституционную формализацию путем включения в содержание основного закона государства следует отнести среди прочих принцип языка судопроизводства.

Названный принцип несомненно следует признать одним из основополагающих, поскольку он выступает гарантом обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина при осуществлении правосудия в правовом государстве.

Обращаясь к теоретическому содержанию рассматриваемого принципа, следует привести определение Трескова А.П., который указывает, что

«конституционно-правовой принцип языка судопроизводства – это судебнo-стандартизированное, ограниченное, специфическое, территориально-ориентированное, лингвистически определенное, инстанционно-зависимое правило правового поведения как одного из компонентов системы принципов судебной власти, определяющее межкатегориальную форму и основанное на принадлежности двойственного характера его подвидов» [2].

По мнению Кузнецова О.Ю., «принцип языка судопроизводства, гарантируя и обеспечивая права и законные интересы субъектов процессуальных правоотношений, не владеющих языком, на котором осуществляется рассмотрение дела с их участием, одновременно обеспечивает сбалансированность и гармоничность применения процедур правосудия в зависимости от предмета разбирательства по делу и субъективных характеристик личности его участников» [3].

С учетом содержания приведенных определений деятелей юридической науки усматривается, что основное предназначение принципа языка судопроизводства состоит в обеспечении процесса беспрепятственной коммуникации всех лиц, участвующих в деле, не владеющих языком судопроизводства с судом и между собой, что непосредственно и обуславливает актуальность и значимость конституционного принципа языка судопроизводства.

В современных условиях принцип языка судопроизводства закреплен в положениях Конституции РФ, а также принят в ее исполнение федеральном конституционном законодательстве в виде отдельно изложенных терминологических составляющих, каждая из которых по отдельности, а также в совокупности, представляет собой понятийную и содержательную составляющую рассматриваемого нами термина.

Так, с учетом анализа содержания основного закона российского государства, к таким терминам следует отнести: государственный язык (язык), судопроизводство (правосудие), язык судопроизводства, принцип языка судопроизводства.

В истории Российской Федерации насчитывается пять конституций, а именно – конституции 1918, 1925, 1937, 1978, 1993 годов, принятие которых повлекло за собой возникновение совокупности существенных изменений в жизни как государства, так и общества.

Однако основной целью настоящей статьи является сравнительно-правовое исследование содержания Конституций 1978 и 1993 годов на предмет содержания положений о принципе языка судопроизводства, с учетом Закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

Выбор в качестве объекта исследования именно Конституций 1978 и 1993 годов обусловлен тем, что российская правовая система со второй половины 20 века по настоящее время претерпела значительные изменения, обусловленные масштабной увертюрой исторических событий, настигших государство в переломный момент, в результате чего, Российская Федерация из союзной республики стала самостоятельным демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления.

Также именно в указанный временной период началось зарождение российского законодательства в том виде, в котором в настоящее время у нас есть возможность его созидать.

Обратившись к содержанию Конституции 1978 года усматривается, что термин «государственный язык» в тексте документа вовсе отсутствует, как и его терминологическая содержательная составляющая.

В отличие от Конституции 1978 года, Конституция 1993 года содержит в части 1 статьи 68 положение о том, что государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык. В части 2 названной статьи указано, что республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации.

Изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года в часть 1 названной статьи были внесены положения, согласно которым государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации.

На наш взгляд, рассматриваемая статья была дополнена с целью указания на то, что русский язык является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов, проживающих на территории Российской Федерации.

С учетом изложенного, из рассмотренных положений основного закона государства в разных его редакциях усматривается, что наиболее обширно и всеобъемлюще роль и значение государственного языка как для самого государства, так и для общества в целом, определены в содержании Конституции России с изменениями от 01 июля 2020 года.

Термин «судопроизводство» поглощен феноменом «правосудие», который находят свое отражение в двух статьях Конституции (Основном Законе) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1978 года. Так, из содержания статьи 163 следует, что правосудие в Россий-

ской Федерации осуществляется только судом, а из статьи 168 – что правосудие в Российской Федерации осуществляется на началах состязательности и равенства сторон перед законом и судом.

В части 1 статьи 118 Конституции 1993 года содержится аналогичное положение том, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом.

Также законодатель в частях 2 и 3 названной статьи в дополнение конкретизировал, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Создание чрезвычайных судов не допускается.

Изменения от 01 июля 2020 года затронули и содержание части 3 названной статьи. Так, законодатель конкретизировал, что судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Российской Федерации. Создание чрезвычайных судов не допускается.

Анализ приведенных положений свидетельствует о том, что закрепление в основном законе государства видов судопроизводства нашло свое первое закрепление только в Конституции РФ 1993 года. До указанного времени основной закон государства данное положение не содержал.

В свою очередь, указание закрытого и конкретизированного перечня судов, входящих в состав судебной системы Российской Федерации, было отражено в Конституция Российской Федерации 1993 года только в ходе внесенных Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ изменений.

Таким образом, Законом о поправке к Конституции в содержание статьи 118 Конституции внесены не только виды судопроизводства, посредством которых осуществляется судебная власть, но и закрытый перечень судов, составляющих судебную систему в целом.

В данном аспекте Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что вопросы организации судебной системы Российской Федерации являются предметом конституционного регулирования и требуют конституционного закрепления ее основных параметров, что дает конституционному законодателю определенную свободу усмотрения при том условии, что его представления о целесообразной организации судебной власти не могут противоречить положениям гл. 1, 2 и 9 Конституции России [4].

Термин «язык судопроизводства» раскрыт в статье 171 Конституции 1978 года, согласно которой судопроизводство в Российской Федерации ведется на русском языке или на языке республики в составе Российской Федерации, автономной области, автономного округа или на языке большинства населения данной местности.

Необходимо отметить, что положения о языке судопроизводства отсутствуют как в содержании Конституции России 1978 года, так и в содержании Конституции 1993 года в первоначальной редакции и с учетом с изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года. Однако приведенные положения содержатся в тексте Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Согласно части 1 статьи 10 указанного ФКЗ в первоначальной редакции от 31 декабря 1996 г. судопроизводство и делопроизводство в Конституционном Суде Российской Федерации, Верховном Суде Российской Федерации, Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации, других арбитражных судах, военных судах ведутся на русском языке – государственном языке Российской Федерации. Судопроизводство и делопроизводство в других федеральных судах общей юрисдикции могут вестись также на государственном языке республики, на территории которой находится суд.

В силу части 2 названной статьи судопроизводство и делопроизводство у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации ведутся на русском языке либо на государственном языке республики, на территории которой находится суд.

В действующей в настоящее время редакции рассматриваемого нами ФКЗ от 31 декабря 1996 г. №1-ФКЗ, с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01 января 2023 года, статья 10 претерпела определенные изменения в части 1, а именно, Высший Арбитражный суд Российской Федерации был исключен из перечня судов в связи с изменениями, связанными с упразднением Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и передачей его функций Верховному Суду Российской Федерации. Часть 2 осталась в неизменной редакции.

С учетом системного анализа приведенных положений следует вывод о том, что положения о языке, на котором осуществляется судопроизводство, были закреплены только в Конституции 1978 года. В последующем законодатель перевел названное положение в содержание ФКЗ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Крайний термин, подлежащий рассмотрению, является принцип языка судопроизводства.

В Конституции 1978 года содержание указанного принципа раскрывается в статье 171, согласно которой участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, обеспечивается право полного ознакомления с материалами дела, участие в судебных действиях через переводчика и право выступать в суде на родном языке.

Положения о принципе языка судопроизводства отсутствуют как в Конституции РФ 1978 года, так и в содержании Конституции 1993 года в первоначальной редакции и с учетом с изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г., поскольку также содержатся в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

В силу части 3 статьи 10 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ участвующим в деле лицам, не владеющим языком судопроизводства, обеспечивается право выступать и давать объяснения на родном языке либо на любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика (часть 3).

Данное положение было закреплено в первоначальной редакции указанного ФКЗ и в дальнейшем изменениям не подвергалось, в связи с чем действительно по настоящее время.

Из содержания приведенных положений усматривается, что во всех трех рассматриваемых конституциях была закреплена и также закреплена по настоящее время форма реализации принципа языка судопроизводства путем предоставления переводчика, а также возможности выступать на родном языке, что способствует реализации принципа языка судопроизводства в совокупности с принципами состязательности и равенства сторон. Реализация перечисленного рода гарантий и принципов представляется крайне необходимой, поскольку в Конституции России содержится указание на многонациональный состав государства.

Резюмируя изложенное необходимо отметить, что переход государства от союзной республики к самостоятельному демократическому федеративному правовому государству с республиканской формой правления оказал значительное влияние на содержание основного закона государства, поскольку положения действующей в настоящее время Конституции России, по сравнению с редакциями предыдущих лет, наиболее полно и всеобъемлюще раскрывают потенциал принципа языка судопроизводства в современной правовой системе, процедуру его реализации, а также предусмотренную для него систему гарантий, одновременно возводя его в ранг конституционного принципа.

Список литературы

1. Мархгейм М.В. Конституционные принципы как интегральный фактор современного российского общества и государства // Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Юридического института НИУ «БелГУ», Белгород, 18–19 мая 2018 года. – Белгород: ООО ГиК, 2018. – С. 49-51.
2. Тресков А.П. Дефинирование конституционно-правового принципа языка судопроизводства в России на основании анализа его свойств // Российская юстиция. 2023. № 2. С. 76-80.
3. Кузнецов О.Ю. Понятие «язык судопроизводства» в системе российского процессуального законодательства (начало) // Современное право. 2005. № 4. С. 46-52.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1567-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации"» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 22.07.2014.

Игнатов Дмитрий Анатольевич

соискатель кафедры теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель

Тонков Евгений Евгеньевич,

профессор кафедры теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИИ «БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»

Аннотация. Автором в статье представлен анализ подходов к пониманию современной концепции безопасности человека, предложены ее компоненты. Представлено соотношение категорий «безопасность личности» и «национальная безопасность».

Ключевые слова: безопасность, личная безопасность, экономическая безопасность, медицинская безопасность, национальная безопасность, права человека

«В принципе, все, что нужно интересу от права, – это усиливающие гарантии. Даже очень сильный в социальном плане человек не настолько силен, чтобы пренебречь юридической помощью, поддержкой права. Самый благоприятный с этой точки зрения вариант – тот, при котором интерес получает непосредственное выражение в субъективном праве» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 343).

В основе современной концепции безопасности человека лежит идея, согласно которой референтным объектом безопасности является личность, а не государство или нация. Индивидуум – это наименьшая единица, к которой может быть сведен анализ безопасности [1]. Это означает также, что человеческая безопасность связана с безопасностью отдельных лиц. Человек находится в безопасности, если его физическая неприкосновенность, достоинство и неприкосновенность частной жизни защищены от разного рода угроз. Таким образом, безопасность человека определяется как состояние его защищенности от опасности, а также от причинения вреда его личности, правам и имуществу. Однако это определение кажется нам узким, по причине того, что оно не определяет четко спектр защищаемых прав человека. Кроме того, идея о том, что людей необходимо защищать в повседневной жизни, не нова. Человекоцентричность на самом деле является чертой политической философии либерализма, ставящей индивидов в свой центр и предписывающей создание определенных условий безопасности, такие как свобода и равенство. Однако новым является в рамках такого подхода именно термин человеческая безопасность [2].

Организация Объединенных Наций исторически связывала безопасность человека не только с защитой личности от насилия, но и с ее общим развитием. Безопасность человека, определяемая таким образом, включает семь различных аспектов, а именно: экономическую, продовольственную, медицинскую, экологическую, личную, социальную и политическую безопасность.

Экономическая безопасность подразумевает достаточный доход, занятость, безопасность и здоровье на рабочем месте, социальное страхование, удовлетворенность уровнем дохода. Продовольственная безопасность подразумевает физическую и экономическую доступность продуктов питания, то есть наличие и качество продуктов питания, и покупательную способность населения.

Безопасность здоровья реализуется через защиту людей от болезней и инфекций, доступность и качество медицинской помощи, состояние здоровья людей и наличие системы здравоохранения [3]. Экологическая безопасность достигается за счет защиты от загрязнения, а также беспрепятственного доступа к чистой воде и воздуху. Личная безопасность включает в себя отсутствие страха перед насилием и жестоким обращением, защиту граждан от преступности.

Социальное обеспечение включает в себя стабильность семьи, качество жизни, безопасность культурной самобытности, свободу средств массовой информации и коммуникации, свободу профсоюзной организации. Политическая безопасность включает в себя развитие и защиту прав человека, влияние политики на качество жизни граждан и влияние органов общественного контроля на безопасность людей.

Мы выделяем как минимум три различных концепции безопасности человека. Первая концепция определяет безопасность человека как реализацию широкого круга различных прав человека. Эта концепция основывается на либеральном представлении об основных личных правах: на жизнь, свободу и стремление к счастью, а также на обязательстве международного сообщества защищать и продвигать эти права [4].

Другой подход к безопасности человека, и соответственно, другая концепция – гуманитарная, согласно которой, безопасность является высшей целью международного вмешательства. Этот подход рассматривает войну как главную угрозу безопасности человека и подчеркивает идею о том, что люди должны быть защищены от угроз насилия, и что такая защита должна быть обеспечена международным сообществом. Кроме того, в рамках этого подхода в дополнение к конфликтам и чрезвычайным ситуациям, экономические бедствия, социальная несправедливость и политическое давление воспринимаются как угрозы безопасности человека. Таким образом, цели безопасности человека связываются с постконфликтным миростроительством, снижением возможности вооруженных конфликтов и гражданского насилия.

Эти две точки зрения, которые сосредоточены на основных правах человека, противостоят третьей, более широкой концепции, которая предполагает, что человеческая безопасность должна конструироваться максимально широко для того, чтобы включать в себя различные формы вреда, причиняемого жизни и благополучию отдельных лиц. Третья точка зрения включает в себя понимание безопасности как элемента устойчивого развития человека, т.е. реализацию, защиту и расширение экономических, экологических и социальных прав.

Такие угрозы человеческой жизни, как эпидемии (пандемии), СПИД, незаконный оборот наркотиков [5], терроризм, глобальная бедность и экологические проблемы также считаются проблемами безопасности. Упомянутые угрозы носят не локальный или национальный, а глобальный характер, и в их основе лежит проблема неравенства и отсутствия социальной справедливости в международных отношениях.

Таким образом, права человека являются ядром и нормативной базой безопасности человека, но безопасность человека – это более широкое понятие. В отличие от прав человека, безопасность человека включает в себя угрозы, которые не учитываются концепцией прав человека. Таким образом, можно сделать вывод о том, что дискуссия о безопасности человека распространяется и на права человека, и на проблему их нарушения.

Безопасность человека подразумевает защиту основных свобод, составляющих сущность жизни. Это означает защиту личности от критических угроз. Это также означает совершенствование политических, социальных, экологических, экономических, военных и культурных систем.

Национальная безопасность есть продукт многолетних исторических процессов создания сначала суверенного, а затем и национального государства [6]. Хотя это политически эффективная концепция, тем не менее, нет единого мнения о том, что именно подразумевается под термином «национальная безопасность» и насколько данный феномен связан с понятием нации. Национальная безопасность первоначально отождествлялась с внешней безопасностью государства, которое должно было быть защищено военными и невоенными средствами от вооруженных посягательств извне.

Такая – сравнительно узкая, «национальная», концепция безопасности является контрпродуктивной в том смысле, что общечеловеческие ценности приносились в жертву суверенитету и территориальной неприкосновенности государства, а национальная безопасность достигалась за счет безопасности человека. Вопреки позиции Т. Гоббса, государство не было защитой для своих граждан, а, наоборот, оказывалось часто угрозой их безопасности (например, в тоталитарных государствах). Именно государствоцентричный подход к безопасности объяснялся пренебрежением к человеку и его правам. Это классическое и узкое понятие безопасности начали преодолевать в период после «Холодной войны», сначала расширив его, включив в него невоенные угрозы, составляющие неотъемлемую часть понятия безопасности, а затем и углубив его введением новых объектов анализа (например, человека, а, следовательно, и его прав).

Национальная безопасность направлена на защиту национальных интересов от внешних и внутренних угроз и означает «в идеале» отсутствие

угроз им. Перечень этих интересов может быть разным в отдельных странах и меняться с течением времени, но среди них существуют и постоянные, а именно: выживание, территориальная целостность, политическая независимость и качество жизни. Они защищаются путем реализации национальных интересов, а их защита является общей целью и смыслом существования и функционирования системы национальной безопасности.

Мы выдвигаем тезис о существовании двух основных объектов национальной безопасности, а именно – государства и личности, а также констатируем наличие диалектической связи, в рамках которой они существуют. В целом, современная национальная безопасность выступает как компромисс между традиционными подходами к безопасности, ориентированными на государство, и более широкими, ориентированными на человека.

В этом смысле безопасность людей включает в себя основное содержание международных отношений, а именно сохранение безопасности государства и сохранение безопасности личности. Тем не менее, государство играет решающую роль в защите безопасности человека. Если нет безопасности государства, то и индивид не может испытывать чувства защищенности. Концепт безопасности, по нашему мнению, должен быть выстроен таким образом, чтобы быть в состоянии успешно справляться с угрозами на всех уровнях [7].

Система суверенных государств не имеет реальной и адекватной замены в будущем, даже когда речь идет об обеспечении безопасности, независимо от того, о какой концепции безопасности, или о каком ее секторе мы говорим. Поэтому сегодня национальная безопасность означает не только обеспечение функционирования государства, основанное на силе, но и политическую, экономическую, военную, социальную, экологическую и информационную стабильность, международную репутацию и целостность государства.

Современная национальная безопасность представляет собой синтез безопасности граждан и безопасности государства. Защита жизненно важных интересов достигается и за счет реализации функции безопасности, т.е. деятельности государственного и негосударственного секторов безопасности.

Ключевыми защищаемыми интересами, таким образом, являются следующие: мир, свобода, права человека, безопасность людей и социальных групп, качество жизни, национальное единство, достоинство, и культурная самобытность, энергетическая стабильность, экономическое и социальное процветание, информационные ресурсы, правопорядок, территориальная целостность, экология, политическая независимость, а также в целом выживание государства и общества [8].

Список литературы

1. Макаревич Э.Ф., Карпухин О.И. Глобальные коммуникации и культурно-политическая экспансия // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4. С.29.
2. Леонова О.Г. Социокультурные вызовы глобализации // Актуальные проблемы современной социологии и политологии : сб. статей / под общ. ред. Пайковой Л.Н. – М.: МАКС Пресс, 2008. Вып. 2. С. 121-126.
3. Нифанов А.Н., Иванов С.А. Современные доктринальные и конституционно-правовые подходы дефинирования медицинской помощи в России // Научные ведомости БелГУ. 2019. № 1. С. 121-126.
4. Кокошин А.А. Политика национальной безопасности России в условиях глобализации: Краткий очерк. – М., 2001. С. 5-30.
5. Тонков Е.Е. Государственно-правовая политика Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков // Противодействие наркотизации образовательной среды ВУЗа. Сборник материалов межрегиональной конференции. – Белгород, 2022. – С. 7-14.
6. Ильин М.В. Политическое самоопределение России // Pro et contra. 1999. – Т. 4. № 3. С. 74-82.
7. Дробот Г.А. Международный терроризм как объект изучения // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 1. С. 59-86.
8. Тонков Е.Е., Пожарова Л.А. Достоинство личности как приоритет государства созидающего // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 41-52.

Киреев Кирилл Петрович,

аспирант кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Новикова Алевтина Евгеньевна,

профессор кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СУБЪЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ФУНКЦИИ НАБЛЮДЕНИЯ

Аннотация. В данной статье на основе действующего российского законодательства установлен интегративный функционал наблюдения, реали-

зуемый общественными наблюдательными комиссиями в субъектах Российской Федерации; выявлены проблемные аспекты специального законодательства и успешный опыт его совершенствования.

Ключевые слова: функция, наблюдение, общественная наблюдательная комиссия, общественный контроль.

«... юриспруденция вырабатывает свою систему категорий, отвечающую функциям права в части формализации поведения людей там, где это является необходимым. Общественный престиж права в огромной степени основан на его способности «держать форму» против всякой расслабленности и размягчения структур, аморфности безгранично свободных состояний, сопутствующих кризисам и социальному регрессу» (Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. – М.: Норма, 2007. С. 429).

В юридической науке [2, с. 326-331] традиционно и на основе действующего законодательства¹ наблюдателей сопоставляют с избирательным процессом. Однако современные нормативные правовые акты регламентируют участие наблюдателей и в иных общественных отношениях². При этом наблюдение может быть реализовано как индивидуально, так и коллективно.

Словари называют наблюдателем «того, кто следит глазами за кем-либо или чем-либо, смотрит что-либо; того, кто профессионально следит за текущими событиями, чтобы дать им оценку и предсказать, что может произойти в будущем»³. Полагаем, такая содержательно широкая трактовка наблюдателей позволяет сделать вывод, как минимум, о реализации ими прогнозирующей и контрольной функций.

Распространенность наблюдателей в различных видах правоотношений, на наш взгляд, актуализирует систематизацию знаний о них. В этой связи одним из направлений заявленного упорядочения может стать исследование субъектов реализации публично-правовой функции наблюдения, в част-

¹ Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

² Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710; федеральные законы от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759; от 23.06.2016 г. № 186-ФЗ «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации в иностранном государстве и Постоянном представителе (представителе, постоянном наблюдателе) Российской Федерации при международной организации (в иностранном государстве)» // 2016. № 26 (Часть I) Ст. 3855 и др.

³ Толковый словарь русского языка Д.В. Дмитриева. 2003; <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/2476/%D0%BD%D0%B0%D0%B1%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C?ysclid=lnwxk1qdt6577986804> (дата обращения 11.09.2023 г.).

ности их коллективной разновидности. В рамках данной работы уделим внимание общественным наблюдательным комиссиям. Их статус был легализован Федеральным законом «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (ст. 5)¹.

В настоящее время в субъектах Российской Федерации сформировано и действует 85 общественных наблюдательных комиссий (далее – ОНК)².

Данный коллективный субъект, имеющий в своем наименовании характеристику «наблюдательный», исходя из законодательства, функционально предназначен для обеспечения прав человека в местах принудительного содержания, а также осуществления общественного контроля (данное следует из формализованных цели и задач в ст. 6).

С точки зрения ученых, «основная задача наблюдательных общественных комиссий – прежде всего противодействовать пыткам, массовым нарушениям прав задержанных, арестованных, осужденных на всех стадиях административного и уголовного лишения свободы и во всех учреждениях, начиная от так называемых обезьянников и кончая колониями, и это главная задача общественников. Общественный контроль в этой сфере должен отвечать одному основному условию: контроль без предупреждения, без согласования с подконтрольными организациями» [1, с. 19-21].

Таким образом, на примере данного субъекта наблюдения мы еще раз можем убедиться, что в настоящее время функционал наблюдения является интегративным, включающим в себя иные известные функции, в частности, контроль и правозащита.

Уточним, что закрепленные в Федеральном законе от 10.06.2008 г. № 76-ФЗ формы деятельности общественной наблюдательной комиссии (ст. 15), соответствуют правозащитно-контрольным цели и задачам собирательной функции наблюдения и заключаются, в том числе в:

- посещениях мест принудительного содержания для осуществления общественного контроля;
- рассмотрении предложений, заявлений и жалоб лиц, находящихся в местах принудительного содержания, иных лиц, которым стало известно о нарушении прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания;
- направлении материалов по итогам осуществления общественного контроля различным уровням и специализациям представителей института

¹ Федеральный закон от 10.06.2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (ред. от 05.12.2022 г.) // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2789; 2022. № 50 (Часть III). Ст. 8792.

² https://www.oprf.ru/public_monitoring_commissions (дата обращения 25.03.2024 г.).

Уполномоченного по правам человека, в Общественную палату Российской Федерации и ее субъектов, в администрации мест принудительного содержания, организации, выдвинувшие кандидатов в члены общественной наблюдательной комиссии, средства массовой информации, соответствующие федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также в иные компетентные государственные органы или их должностным лицам;

– направлении отчетных материалов по итогам осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания по установленной форме, ежегодно Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, уполномоченному по правам человека в соответствующем субъекте Российской Федерации, в Общественную палату Российской Федерации и Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека и др.

Функция наблюдения очевидно проявляется в случаях, когда руководители органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации вправе привлекать общественную наблюдательную комиссию к участию в работе общественных советов, создаваемых при соответствующих органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации, по вопросам, относящимся к деятельности общественной наблюдательной комиссии (ч. 2 ст. 15).

В целом, отмечая несомненную важность деятельности общественных наблюдательных комиссий в России, солидаризируемся с высказанным мнением об их перспективах, заключающихся в «предотвращении роста социальной напряженности в местах лишения свободы, снижении количества протестных акций заключенных, ... тем более что они создают угрозу для жизни и здоровья вольных граждан, проживающих в жилых районах, прилегающих к тюрьмам и колониям» [1, с. 19-21].

Несмотря на раскрытый позитивный аспект, обратим внимание и на возможные направления совершенствования статуса комиссии и законодательства. Так, согласно ч. 11 ст. 10 Федерального закона от 10.06.2008 г. № 76-ФЗ, срок полномочий общественной наблюдательной комиссии составляет три года. Однако в научной литературе неоднократно высказывалась позиция о том, что «срок в три года для деятельности комиссии краток. Целесообразно увеличение срока деятельности комиссий до 5 лет. К тому же за краткий срок члены комиссии не успевают в достаточной мере понять специфику деятельности исправительных учреждений (за исключением, разумеется, тех правозащитников, которые работают с колониями многие годы)» [3, с. 4-7]. Пожалуй, данный аспект остается одним из немногочислен-

ных для корректировки законодательства по итогам конструктивного обсуждения. Вместе с тем, многие ранее рассматриваемые проблемы, были разрешены законодателем. Здесь стоит упомянуть нормы Федерального закона от 05.12.2022 г. № 498-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, которыми:

– изменены требования к некоммерческим организациям, имеющим право выдвигать кандидатуры в состав ОНК, путем сокращения с 5 до 3 лет срока осуществления правозащитной деятельности этой некоммерческой организацией;

– введены положения о независимости ОНК от органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также недопустимости вмешательства политических партий, международных и иностранных организаций в сферу деятельности ОНК;

– скорректирована процедура формирования ОНК (увеличен на 15 дней срок принятия советом Общественной палаты Российской Федерации решения о назначении члена ОНК либо об отклонении предложенной кандидатуры и увеличивается на 15 дней срок выдачи мандатов членам ОНК; увеличен с 90 до 120 дней срок выдвижения кандидатов);

– установлены сроки направления в Общественную палату Российской Федерации, Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, уполномоченному по правам человека в соответствующем субъекте Российской Федерации отчетных материалов о результатах работы ОНК, которые необходимы для: анализа и оказания информационной, методической и иной поддержки ОНК; установления, исходя из объема нагрузки, отражаемой в отчетных материалах о результатах работы ОНК, оптимального количества членов ОНК;

– изменен перечень некоммерческих организаций, участвующих в общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, в соответствии с которым правом на осуществление данного контроля наделяются общественные объединения, ассоциации (союзы), фонды, автономные некоммерческие организации и др.

Как видим, за более чем 15-летний срок функционирования ОНК, их статус совершенствуется, испытывая постоянный интерес со стороны ученых, практиков и законодателя. На наш взгляд, молодой общественный институт наблюдения занял собственную оригинальную нишу и в правозащит-

¹ Федеральный закон от 05.12.2022 г. № 498-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 50 (Часть III). Ст. 8792.

ном пространстве, и в числе традиционных институтов гражданского общества.

Список литературы

1. Арефьева Л.В. Проблемы становления общественных наблюдательных комиссий // Российский следователь. 2009. № 23. С. 19-21.
2. Киреев К.П. Формализация наблюдателей в законодательстве советского периода // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. № 4. С. 326-331.
3. Краснова К.А., Шиловская А.Л. Вопросы оптимизации деятельности общественных наблюдательных комиссий в местах исполнения наказания в виде лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 2. С. 4-7.

Мокроусова Ксения Анатольевна,

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель

Нифанов Алексей Николаевич,

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ОТДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СЕВЕРНОГО ЗАВОЗА

Аннотация. В данной работе автором осуществлен анализ актуального законодательства об особенностях организации местного самоуправления в муниципальных образованиях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов (продукции). В сравнении с действующим законодательством, представлены результаты обновлённого законодательства о северном завозе, вступающего в законную силу с 1 апреля 2024 года.

Ключевые слова: конституция, местное самоуправление, территории северного завоза

«Социальный институт в соответствии с изначальным смыслом этого слова ... означает некую сознательно сконструированную людьми устойчивую структуру, культурный артефакт и позитивное установление, развернутые в сторону регулирования и упорядочения массивов человеческого поведения» (Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. М.: Норма, 2007. С. 389).

Территории с особым статусом представляют научный и практический интерес в силу их специфики, связанной с установлением и организацией на них публичной власти. В доктрине юридической науки до настоящего времени не выработан универсальный подход к содержательной интерпретации заявленных территорий [1, 2, 3, 4, 5]. В части регламентации территорий с особенностями организации местного самоуправления современное российское законодательство находится в переходной стадии обновления согласно конституционному принципу единства системы публичной власти [6].

В рамках данной работы рассмотрим особенности организации местного самоуправления на в муниципальных образованиях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов (продукции). Наш интерес опосредован тем, что ст. 82.1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» с 1 апреля 2024 г. будет излагаться в новой редакции в связи с принятием Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 411-ФЗ «О северном завозе» (далее – Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 411-ФЗ) [7].

В действующей редакции ч. 3 ст. 82.1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ закупка иных товаров, услуг для обеспечения муниципальных нужд, необходимых для обеспечения жизнедеятельности населения муниципальных образований, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов (продукции), но не включенных в перечень, осуществляется органами местного самоуправления. Тогда как ключевыми акторами, определяющими поставщиков (подрядчиков, исполнителей) для заказчиков, находящихся на территориях муниципальных образований соответствующих субъектов Российской Федерации, являются органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации (ч. 1 ст. 82.1).

Если обратиться к перспективной редакции ст. 82.1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, то в ее ч. 1 отмечается реализация полномочий органами местного самоуправления поселений, муниципальных районов, муниципальных округов, городских округов, городских округов с

внутригородским делением и внутригородских районов, территории которых включены в перечень территорий северного завоза на основании Федерального закона «О северном завозе».

Соответственно из указанной ст. 82.1 исключено положение о перечне районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей с ограниченными сроками завоза грузов (продукции), который утверждается Правительством Российской Федерации. В остальном легализованный механизм участия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в закупке товаров и услуг для обеспечения муниципальных нужд, необходимых для обеспечения жизнедеятельности населения, проживающего на территориях северного завоза, остался прежним. Хотя глобально, закрепленное в специальном федеральном законе управление северным завозом, дополнено федеральным уровнем. Таким образом, полномочия распределены между федеральным, региональным и местным уровнями власти. При этом ключевыми элементами предложенной системы управления, по мнению субъекта права законодательной инициативы, являются федеральный координатор северного завоза, единый морской оператор северного завоза, Федеральная государственная информационная система мониторинга северного завоза, исполнительные органы власти субъектов Российской Федерации, наделенные полномочиями по организации, координации и планированию северного завоза [8]. Полагаем, такой подход опосредован важностью вопроса и необходимостью его согласованного решения.

В многоуровневой системе управления северным завозом законодательно предусмотрено перераспределение полномочий (ст. 7 Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 411-ФЗ), но только между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в порядке, предусмотренном ч.ч. 3, 4 ст. 6 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и ч. 1.2. ст. 17 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ.

Если обращаться к нормам специального федерального закона «О северном завозе», то для нас в нем представляются интересными отдельные дефинитивные аспекты и конкретные полномочия органов местного самоуправления.

По первому моменту отметим легализованные в ст. 2 дефиниции понятий «территории с ограниченными сроками завоза грузов» и «территории северного завоза». В первом случае – это «территории, расположенные в границах муниципальных образований, в которых в связи с географическими,

природно-климатическими, инфраструктурными особенностями отсутствует техническая возможность осуществления круглогодичного бесперебойного транспортного сообщения по автомобильным дорогам хотя бы с одним муниципальным образованием, не относящимся к данным территориям» [7]. Во втором – «территории с ограниченными сроками завоза грузов, расположенные в границах муниципальных образований, относящихся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям» [7]. Таким образом, федеральным законом легализованы два определения, которые соотносятся между собой как общее (территории с ограниченными сроками завоза грузов) и частное (территории северного завоза). Соответственно федеральный закон «О северном завозе» регулирует отношения, связанные с осуществлением завоза грузов на территории с ограниченными сроками завоза грузов, расположенные в границах муниципальных образований, относящихся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям (территории северного завоза).

В ст. 8 Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 411-ФЗ содержатся специальные нормы, посвященные именно территориям северного завоза. Как и в случае с перечнем районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей с ограниченными сроками завоза грузов, перечень территорий северного завоза и порядок внесения изменений в их перечень утверждаются Правительством Российской Федерации, но на основании предложений высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (ч. 1) [9]. Важно, что в подготовке таких предложений участвуют и органы местного самоуправления (ч. 3). Кроме этого, к полномочиям органов местного самоуправления в сфере осуществления северного завоза относятся:

«1) участие в планировании северного завоза;

2) обеспечение своевременного размещения информации о мероприятиях в сфере осуществления северного завоза, проводимых органами местного самоуправления, в федеральной государственной информационной системе мониторинга северного завоза, полноты и достоверности такой информации;

3) участие в создании стратегического запаса грузов в случае принятия высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации решения о создании стратегического запаса грузов» [7].

В ст. 17 Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 411-ФЗ легализованы финансовые обязательства муниципальных образований по содержанию за счет средств местных бюджетов опорной сети объектов транспортно-логистической инфраструктуры северного завоза, находящихся в муниципальной собственности.

Важны, на наш взгляд, установления в части поддержки северного завоза финансовыми (муниципальные программы, утверждаемые местной администрацией муниципального образования) и имущественными (передачи местными администрациями во владение и (или) в пользование муниципального имущества юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, являющимся участниками северного завоза) мерами.

Таким образом, теоретические и практические аспекты организации местного самоуправления на отдельных территориях северного завоза заключаются в следующем:

- обновление понятийно категориального ряда;
- исчерпывающий перечень разновидностей муниципальных образований, в рамках которых могут быть реализованы полномочия органов местного самоуправления;
- централизация управления северным завозом с включением всех уровней власти;
- легализованный перечень полномочий органов местного самоуправления в части северного завоза;
- финансовые и имущественные меры поддержки северного завоза, реализуемые органами местного самоуправления.

Список литературы

1. Байдаров Д.Ю. Особенности правового режима закрытых административно-территориальных образований в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 22 с.
2. Быстрова Д.А. Территория в конституционном праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 34 с.
3. Веровская Т.А. Правовое регулирование комплексного развития территорий в России: земельно-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 29 с.
4. Ермолаева Ю.В. Административно-территориальное устройство субъектов Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 26 с.
5. Шарнина Л.А. Территориальная организация местного самоуправления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 29 с.
6. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023 г.) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6181.
7. Федеральный закон от 04.08.2023 г. № 411-ФЗ «О северном завозе» // СЗ РФ. 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6143.

8. Законопроект № 301981-8 «О северном завозе» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/301981-8?ysclid=lqm2octjn0112919422> (дата обращения 12.11.2023 г.).
9. Постановление Правительства РФ от 16.11.2023 г. № 1930 «Об утверждении перечня территорий северного завоза и Правил внесения изменений в перечень территорий северного завоза» // СЗ РФ. 2023. № 47. Ст. 8440.

Полякова Мария Николаевна

аспирант кафедры конституционного и административного права,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
(Пермь, Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ ФЕДЕРАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОПОНИМАНИЯ: АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ XIX-XX ВЕКОВ

Аннотация: Статья посвящена федерализму как философско-правовой категории, которая имеет онтологическое, аксиологическое и гносеологическое содержание через призму разных подходов в правопонимании, сложившихся в правовой мысли России в XIX-XX веках, с целью выявления ценностных составляющих федерализма и определения его правового смысла.

Ключевые слова: теория федерализма, философия права, синтетическая теория, юридический позитивизм, онтология, гносеология, аксиология.

«...человеческие проекты, целевые программы создаются, как известно, ради определенных социальных потребностей и интересов. Образ правопорядка, спроектированный для будущего, формируется на базе знаний, отражающих динамику разнообразных потребностей и интересов, находящихся в области объективно-субъективного бытия, а также на основе чисто субъективных замыслов, желаний, намерений и иных волевых устремлений, которые во многом определяют нормотворческий процесс...»
(Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 28)

Идея федерализма, принципы которого пытаются реализовать целый ряд государств и 80% населения планеты берет свои истоки в глубокой древности [4, с. 44].

Так в Древней Греции и Древнем Риме Платон и Цицерон, рассматривали идеальное государство, как союз независимых государств, подчеркивая

преимущества создания такого союза [5, с. 277]. На этапе античности идеи федерализма носили философско-утопический характер. В начале XVII века интерес к идее федерализма возродился в связи с укреплением абсолютизма европейских монархий. В 1603 году немецкий философ Иоганн Альтузий изложил свою концепцию федерализма в сочинении «Политика». Данная концепция является первой в истории политико-правовых учений оригинальной теорией федеративного государства [13, с. 177]. Свои идеи И. Альтузий основывал на естественно-правовых принципах обоснования права, что выражалось в необходимости признания высшего права, стоящего над его участниками, которое олицетворяло естественное право.

Сам термин «федерализм» впервые используется библейскими богословами в Новой Англии в 17 веке, но в отличие от терминов «политика», «монархия», «демократия», заимствованных из греческого языка, своими корнями уходит в латынь: «foedus» в латинском языке означает «союз, связка, договор» [5, с. 177]. В теории, философии права общепринятая формулировка понятия «федерализм» отсутствует. Федерализм сложное и многоаспектное явление, которое можно рассматривать как форму, как принцип, как учение, как образ мышления, как концепцию, как метод, как режим, как отражение и т.д. Канадский политолог У. Стюарт насчитал 267 определений термина «федерализм», отражающих ту или иную сторону федеративных идей [14, с. 14]. И.Б. Гоптарева объясняет причины такого многообразия дефиниций федерализма в эволюции понятия: от феодальной теологии и универсального принципа организации государства до политико-правового способа распределения властных полномочий [2, с. 15]. Такое многообразие обусловлено и принципиально разными методологическими подходами исследователей, и их отличными мировоззренческими установками.

Рассмотрим федерализм как философско-правовую категорию, которая имеет онтологическое, аксиологическое и гносеологическое содержание через призму разных подходов в правопонимании, сложившихся в правовой мысли России в XIX-XX веках.

Вторая половина XIX века в России характеризуется неподдельным интересом к федеративным идеям. Во многом, это связано с событиями в отечественной истории этого периода (Отечественная война 1812 года, движение декабристов, общественно-политическая активность и т.д.). Развитию идей федерализма в этот период способствовали не юристы, а революционные мыслители, философы и историки (среди них М.А. Бакунин, Н.И. Костомаров, М.П. Драгомаров, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, М.А. и др.). Именно они способствовали популяризации идей федерализма, обращаясь к этой проблематике в своих трудах [6, с. 147]. Необходимо еще раз отметить,

что указанные мыслители не являлись профессиональными юристами, федерализм представлялся ими как аморфное общественно-политическое явление. Соответственно, говорить о федерализме как философско-правовой категории, теории, научно-обоснованной системы взглядов в данном случае не приходится [7, с.65].

Следующий этап развития русской философско-правовой мысли относится к концу XIX начало XX века и является вершиной ее развития. В это время формируются либеральная концепция правозаконности, русский либерализм в трудах П.И. Новгородцева, В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерина, Е.Н. Трубецкого, Б.А. Кистяковского, В.М. Гессена, А.С. Яценко [10, с. 33].

Итогом развития философско-правовой мысли этого периода является оформление основных типов правопонимания: позитивистское и непозитивистское правопонимание [9, с.12].

Данное деление очень условно, но «вырваться за рамки этих типов правопонимания или обосновать несостоятельность их противопоставления пока никому не удавалось» [1, с. 68].

Позитивистская теория права была господствующей в российской юридической науке дореволюционного периода [3, с. 102]. В рамках позитивистского понимания права идеи федерализма рассматривали такие видные ученые как С.А. Корф, Н.М. Коркунов, С.А. Котляровский, А.А. Жилин. Так С.А. Корф достаточно активно разрабатывал тему автономий. Он, изучив, вопросы организации государственной власти, сделал заключение о фиктивности единства империи.

А.А. Жилиным была глубоко исследована проблема суверенитета в федеративном государстве. При изучении этой проблемы федерализма он пришел к выводу, что существуют и несuverенные государства, которые становятся таковыми в случае образования союзного государства, где государства-члены союзного государства-несuverенные. Сущность трактовки федерализма с позиции позитивизма сводится к формальному, некритическому анализу текстов конституционно-правовых актов. Подход позитивистов можно интерпретировать как интеграционный. Методологические принципы юридического позитивизма не содержат аксиологического наполнения правовых понятиях и в большей степени обращены к анализу публично-властной регуляции, что в итоге отразилось на его бессилии перед инфляцией федеративной теории и выразилось в использовании федеративных (квазифедеративных) форм государствами, социально-политическое и экономическое устройство которых, резко отличается друг от друга. Федеративные идеи позитивисты пытались «приспособить» и сделать пригодными для решения совершенно разных политико-правовых задач, при этом ссылаясь на

динамичность их развития. Такой подход к федерализму получил развитие и в советском правопонимании. Идея федерализма в философии права советского периода получила развитие в искаженном виде. История показала, что непонимание сущности, истоков и назначения федерализма стало причиной невероятной путаницы, которую внесли большевики в понимание федерализма. Так СССР, никогда официально не именовался федеративным образованием, хотя имел признаки федеративного устройства, а РСФСР именовался федеративной республикой будучи классическим унитарным государством [4, с. 45].

Среди позитивистских подходов правопонимания необходимо рассмотреть теорию федерализма, разработанную выдающимся ученым, философом, правоведом А.С. Яценко. Труды Яценко А.С. представляют собой очень глубокий, детальный анализ природы общества, природы права, основ нравственности, суверенитета с позиции разных философских подходов к названным явлениям. Фундаментальным является его труд, «Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства», опубликованный им в 1912 году. В 6 главах автор не только исследует природу названных выше явлений, но и рассматривает национальные модели федерализма, анализирует особенности их становления и развития. Прежде чем, погрузится в рассмотрение идей федерализма, А.С. Яценко исследует природу права в 3-аспектах: в отношении к объективной действительности и к теоретическому мышлению; в отношении материального содержания; в отношении формальных признаков юридических норм. Исследуя разные подходы к пониманию права, ученый, приходит к выводу, что авторы при определении природы права делают одну и ту же логическую ошибку «опровергая то, что данный автор и не думал признавать» [15, с. 84], соответственно необходимо синтезировать, сближать теории о природе права при определении природы права надо не обострять их различия. По этой причине, А.С. Яценко подвергает жесткой критике дуализм в праве, который проявляется как идейное противостояние двух направлений- нравственного идеализма (естественно-правового направления) и юридического позитивизма. Последний отождествлял закон с правом и отсекал правовое явление от его сущностной природы, при этом другой крайностью является нравственный идеализм, согласно которому право является лишь дополнением морали. Яценко А.С. комплексно оценив теорию естественного и положительного права и пришел к выводу, что основная идея права – установить должное равновесие между личной свободой и общим благом (справедливостью) [15, с. 111]. Полное синтетическое определение права по А.С. Яценко – это «совокупность действующих в обществе, в следствие коллективно-психического переживания

членами общества и принудительного осуществления органами власти, норм поведения, устанавливающих равновесие между интересами личной свободы и общественным благом» [15, с. 183].

Далее А.С. Яценко, продвигаясь, к описанию типов государственного устройства, анализирует природу таких правовых явлений как власть и государство. Власть, по мнению, А.С. Яценко, действующая в праве, получает организацию. В любом политическом союзе она остается единой и дает бытие политическому союзу, проявляясь через многие органы и многие лица. Для обеспечения наибольшей свободы необходимо, чтоб не одна «индивидуальная воля властвовала», а комбинация волей, создающих общую, единую волю государства [15, с. 185]. Считая власть единой и неделимой, совместной и уравновешенной. А.С. Яценко и вопрос о суверенитете, как ключевой вопрос теории федерализма, рассматривал в этом же ключе. В федеральном государстве «...имеется лишь одна суверенная власть, общегосударственная...» [15, с. 320]. Исходя из указанного принципа, ни о каком суверенитете субъектов федерации говорить не стоит. Народ в федеративном государстве является единственным носителем суверенитета, и воля всех граждан субъектов федерации концентрируется именно в федеральных органах власти. А.С. Яценко определял федерализм, как форму, где «каждая политическая единица объединяется с другими в такой союз, в котором она теряет свой суверенитет, но и образуемая соединением центральная власть не получает суверенитета, а суверенитет принадлежит только согласной воле центральной и местной власти» [15, с.264].

Нет такого аспекта федерализма, которого бы он не коснулся. Теория федерализма А.С.Яценко основана на его «синтетическом» правопонимании и не сводится к лишь к союзническому (интеграционному) представлению, не рассматривает он и децентрализацию как основу федерализма, разъединив эти понятия. Децентрализация, по мнению Яценко А.С., направлена на передачу общинам, провинциям и вообще отдельным организациям, находящимся в государстве известной области самостоятельной деятельности, тем самым укрепляя границы государственной власти [15, с. 377]. А.С. Яценко доказывает, что федерализм древен, как и государство, что будущее - за федерализмом. «История нам показывает, что ни одно из рассмотренных нами направлений, ни всемирный империализм, ни международный аномизм и анархизм, не отвечают тому ходу, который приняла современная жизнь народов. Чем далее, тем более утверждается идея международного федерализма. Возникнув еще в отдаленные времена, эта последняя теория неустанно развивалась, пока не приняла формы законченной и разработанной в своих деталях системы. Мы имели уже случай указывать, что политический

универсализм может быть создан по типу империалистическому или федералистическому. Из двух способов, посредством которых может быть образована организация человечества, т.е. завоевания и союзного соглашения, федерация более действительна, но она предполагает для своего успеха более высокую цивилизацию, чем завоевания. Понятно поэтому, что развитие федеративного движения свойственно, главным образом, Новому времени, хотя сама федеративная идея несколько не нова и вполне была известна и древнему миру... Существующие многочисленные исторические работы занимают исключительно федерациями, а не федерализмом, т.е. учреждениями, а не теориями» [16, с. 324].

Таким образом, наш соотечественник профессор права Пермского университета А.С. Яценко, более ста лет назад разработал теорию федерализма, не ограничившись институциональным анализом, а представил федерализм как методологию с одной стороны и как принцип взаимоотношений с другой [8, с. 5].

Суждения современных российских авторов о федерализме, придерживающихся позитивистского типа правопонимания продолжили свое развитие в работах (В.С. Нерсисянц, В.В. Лапаева, В.А. Четвернин, Н.В. Варламова, А.В. Прохорова). Критерием, выделяющим нормы права из массива иных социальных регуляторов, являются их сущностные характеристики. При этом в качестве разделяющей линии предлагается рассматривать их соответствие принципу формального равенства. Соответственно, основным принципом, определяющим норму как правовую является поведение людей, характеризующееся их формальным равенством в свободе. Такой подход в современной науке относится к либертарно-юридической концепции права [11, с. 319]. Идеи федерализма в данной концепции были глубоко проанализированы А.В. Прохоровым и В.А. Четверниным. Согласно их позиции, федерализм [12, с. 12] предполагает принципиально децентрализованное государство, территориальное рассредоточение государственной власти. При такой трактовке федерализм никак не связан с понятием «союзное государство», а федерализация (формирование федеративного государства) может быть никак не связана с интеграционными процессами.

Необходимо отметить, что для выявления принципиальной разницы между позитивистским и непозитивистским правопониманием идей федерализма автору пришлось прибегнуть к известному упрощению.

Таким образом, интерпретация идей федерализма через призму типов правопонимания, позволяет выявить ценностную составляющую федерализма, выявить его правовой смысл.

Позитивистские подходы к федерализму на передний план ставят организационные, экономические, политические вопросы. Вместе с тем, не менее важна его ценностная сторона, которая раскрывается в непозитивистском правопонимании в философии права России. Наиболее полно теория федерализма раскрывается в работах А.С. Яценко. При этом, как в современных либерально-правовых подходах, так и в работах ученых дореволюционного периода успех реализации федеративных идей во много связан с развитием правовой культуры, правового сознания общества. В том числе по этой причине (наряду с политическими, экономическими причинами) российские философы права середины XIX начала XX века считали федеративное устройство нежелательным для России.

Список литературы

1. Варламова Н.В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 68–84.
2. Гоптарева И.Б. Политический анализ концепции федерализма: монография. Оренбург: Южный Урал, 2002.
3. Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М.: Изд-во МГУ, 1978.
4. Калина В.Ф. Федерализм как философско-правовая проблема // Вестник РГГУ. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2012. № 3 (83). [Электронные ресурсы]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/federalizm-kak-filosofsko-pravovaya-problema-1/viewer>. (Дата обращения: 01.04.2024).
5. Ковалева М.Ш. Эволюция теоретических основ и принципов федерализма // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 3. [Электронные ресурсы]. URL: <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/wp-content/uploads/2019/10/276-281-1.pdf>. (Дата обращения: 01.04.2024).
6. Лебедев А.О. Идеи федерализма в Российской науке конституционного права во 2 половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дисс. ... кан. юрид. наук. М., 2013. С. 147. [Электронные ресурсы]. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/05/22/1297242291/dis.lebedev.pdf>. (Дата обращения: 01.04.2024).
7. Левитанус Б.А. Идеи федерализма в русской политической и правовой мысли 2 половины XIX – начала XX века: Автореф. дисс. ... кан. юрид. наук. М., 2004. С. 65.
8. Макаров Р.Н. Идея этико-правового синтеза в философии права А.С. Яценко: Автореф. дисс. ... кан. юрид. наук. Тула, 2003.
9. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.

10. Мелешко Е.Д., Верховский Д.А. Особенности русской философии права. Понятие права в теории федерализма А.С. Яценко // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Философия. Социология. Право. 2016 № 3 (224). Вып. 35.
12. Нерсисянц В.С. Философия права. М., 2005.
13. Прохоров А.В. Федерализм как форма организации власти в правовом государстве. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
14. Федюшкина А.И. Истоки Федерализма в политико-правовом учении Иоганна Альтузия // Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского. Сер.: Право. 2020. – № 3. С. 177. [Электронные ресурсы]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-federalizma-v-politiko-pravovom-uchenii-ioganna-altuziya/viewer>. (Дата обращения: 01.04.2024).
15. Шарипов Р.Г., Зайруллин И.Р. Предмет теории федерализма в современной науке // Вестник академии наук РБ. 2011. Том. 16. № 4. [Электронные ресурсы]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-teorii-federalizma-v-sovremennoy-nauke-1/viewer>. (Дата обращения: 01.04.2024).
16. Яценко А.С. Международный федерализм: идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века / А. Яценко. - М.: тип. Имп. Моск. Ун-та, 1908.
17. Яценко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев. 1912. С. 130.

Темникова Нелли Валентиновна

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель

Сафронова Елена Викторовна

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Исследование посвящено анализу взаимодействия транснациональных корпораций и государства в современном мире. В условиях растущей глобализации проблема влияния корпораций на государственные

институты обостряется. В связи с этим изучение процессов способствующим данному явлению, а также поиск способов их контроля приобретают огромную практическую важность. Цель: сформулировать основные проблемы, возникающие при влиянии транснациональных корпораций на государственные институты и обозначить возможные пути их решения. Методы: исторический, историко-правовой, конкретно-исторический, хронологический, историко-сравнительный, гипотетико-дедуктивный, теоретические методы формальной и диалектической логики. Результаты: анализ механизмов воздействия и взаимодействия государства и транснациональных корпораций показал, что при отсутствии необходимых ресурсов и инструментов защиты, государство может уступить часть своих функций корпорациям, что приводит к нарушениям интересов самого государства и ущемлению прав населяющим его граждан. Выводы: государствам, для защиты своего суверенитета и осуществления деятельности в интересах своих граждан необходимо четко очерчивать границы своего взаимодействия с транснациональными корпорациями. Данная работа должна вестись во всех направлениях - экологическое законодательство, антимонопольное, гражданское. Особое внимание должно уделяться мерам ответственности в случае уклонения ТНК от выполнения своих обязательств.

Ключевые слова: глобализация, транснациональные корпорации, государство

«Либертарианцам, для которых экономика есть только рынок и ничего больше, нельзя верить, когда они утверждают, будто место отечественного бизнеса в мировой экономике может быть достигнуто исключительно рыночными методами. Что это не так, можно убедиться, посмотрев, как действуют на международной арене нынешние лидеры глобализации, ведущие западные государства, которые без колебаний разворачивают дипломатические и военные действия на территориях, где надо защитить коммерческие интересы нефтяных и иных корпораций» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма – ИНФРА-М, 2011. С. 506»).

Введение. Постановка проблемы. Процессы глобализации приводят к тому, что в современном мире уже кажется невозможным представить существование государства с полностью изолированной экономической системой. Каждый крупный бизнес так или иначе стремится выйти за пределы одной страны. Некоторые компании путем слияния или присоединения образуют собой сети, включающие десятки и даже сотни филиалов и дочерних компаний по всему миру, называемые транснациональные корпорации (да-

лее – ТНК). Данные организации, аккумулируя ресурсы и управляя финансовыми потоками, обретают не только экономическое, но и политическое влияние. Это ставит под угрозу суверенитет экономически слабых государств, а также нарушает баланс сил на международной государственной арене, фактически делая ТНК субъектами международных отношений, ставя их в один ряд с государствами и международными организациями. При написании данной статьи были использованы следующие методы: исторический, историко-правовой, конкретно-исторический, хронологический, историко-сравнительный, гипотетико-дедуктивный, теоретические методы формальной и диалектической логики. В совокупности при применении данные методы позволили проанализировать сложившийся порядок взаимодействия государств и ТНК, прийти к необходимым выводам и рассмотреть варианты решения выявленных проблем.

Обсуждение. Для того чтобы раскрыть сущность взаимодействия транснациональных корпораций и государства, прежде всего необходимо разобраться что из себя представляют транснациональные корпорации. В современной научной доктрине не содержится четкого и однозначного понятия ТНК, а критерии, которые бы их явно выделяли среди других юридических лиц, не сформулированы. Но стоит отметить, что под категорией «транснациональная корпорация» как правило понимается коммерческая организация, осуществляющая международные операции. В литературе можно обнаружить ряд крайне схожих по содержанию понятий ТНК. Например, Г.М. Вельяминов, определил ТНК как совокупность объединенных единой экономической целью различных самостоятельных организаций, находящихся в разных странах и управляемых из единого центра [1, с. 74]. По мнению М.М. Богуславского, особенность ТНК в экономическом единстве, оформленном в юридической множественности, в интересах их собственников [2, с. 118]. Имеется в виду что, в отличие от обычных компаний, ракурс деятельности ТНК формируется и координируется головной компанией, которая контролирует работу зарубежных отделений. По мнению В.Г. Ермолаева, специфика ТНК заключается в сочетании централизованного руководства с некоторой степенью самостоятельности входящих в нее и расположенных в разных странах юридических лиц и структурных подразделений, представленных в виде филиалов, представительств или дочерних организаций [3, с. 52]. Схожее определение представлено Э.А. Грязновым: ТНК определяется как фирма, владеющая или контролирующая производственные активы в двух или более странах [4, с. 38]. Аккумулируя капитал, который зачастую превышает ВВП некоторых государств, ТНК становятся

значимыми фигурами не только в экономической, но также в социальной и политической сферах.

Безусловно в ТНК заключен огромный потенциал для положительного развития общества – они создают рабочие места, проводят научные исследования, создают товары необходимые для жизни людей. Но, к сожалению, известны случаи, когда возможности ТНК используются в ущерб общественным интересам, особенно часто это касается развивающихся стран. Примером такого негативного воздействия являются: детский труд, нарушение права частной собственности (в частности, интеллектуальной), вред окружающей среде, поддержка диктатуры и военных политических режимов. Оставшись один на один с ТНК, экономически слабое государство зачастую оказывается в крайне опасном и невыгодном положении, так как соотношение сил складывается не в его пользу. Последствия подобных ситуаций бывают самыми плачевными для экономики и общей социальной обстановки. Используя финансовые ресурсы ТНК способны разрушать и использовать в своих интересах самые разные сферы жизни страны. Известны случаи спекуляций валютой, подкупа должностных лиц, ухода от налогов, нарушения прав трудящихся, а в случае забастовки, ТНК просто перебрасывают свой капитал в другую страну.

Помимо вышесказанного, ТНК играют важную роль в инвестиционном обороте. Особенно это касается длительных иностранных инвестиций, когда компания-резидент одной экономической системы заинтересован в получении постоянного стабильного дохода от вложений в компанию-резидента другой экономической системы. Как правило, такие отношения подразумевают значительное влияние инвестора на иностранную компанию – ее менеджмент и даже стратегию развития. В рамках данной статьи мы останавливаем свое внимание на инвестициях, так как именно они зачастую являются рычагом воздействия ТНК на более слабые организации и государства, а цели подобного рода инвестиций не всегда так однозначны, как, казалось бы, на первый взгляд. Зачастую помимо сверх прибылей и так получаемых ТНК, целью ставятся частичный или полный захват и использование определенного рынка – монополизация, порой используемая и для политического влияния. Объектом может стать как рынок сбыта, так и сырья или дешевой рабочей силы. Но не смотря на вышесказанное именно ТНК являются тем локомотивом, который двигает вперед мировые инвестиции, а соответственно и экономику в целом, ведь именно благодаря крупным инвестиционным потокам зачастую удается сгладить некоторые негативные проявления мирового кризиса. В частности, если говорить о России, то такими компаниями выступают в основном компании промышленного и ресурсодобывающего сектора.

Поднимая вопрос ответственности, стоит обратить внимание на ситуации, когда дочернее предприятие по отношению к ТНК формально является самостоятельной организацией. Поэтому в случае нанесения ущерба или совершения правонарушения материнская компания изначально остается в стороне и вся ответственность ложится на одну из сотен дочерних компаний – что никак не отражается на функционировании ТНК. Разумеется, в подобного рода ситуациях должно действовать правило «lifting of the corporate veil» - «снятие корпоративной занавесы», так как недопустимо использовать в своих интересах правовые лакуны, возникшие во времена, когда такого рода организации как ТНК еще не существовали. В современном мире, подобного рода очевидные злоупотребления ради уклонения от своих правовых обязанностей недопустимы. Соответственно, головная организация должна нести ответственность за свои дочерние предприятия, так как они, по своей сути, являются ее представителями.

Анализируя взаимодействие ТНК и принимающих государств, то есть тех, в которых расположены дочерние предприятия, стоит отметить, что зона ответственности должна очерчиваться не только для материнской компании. Зачастую сами государства, а, как правило, это развивающиеся страны, так как производство в них менее затратное, допускают нарушения или даже создают нормативную базу для их безнаказанного осуществления. Несмотря на то, что данные государства присоединились ко всем основным международно-правовым соглашениям в сфере защиты прав человека и трудящихся, к сожалению, на практике при имплементации и практической реализации норм возникают трудности. Зачастую им просто приходится закрывать глаза, на нарушения во имя своих интересов – так как транснациональные корпорации с дочерними предприятиями приносят в принимающее государство ноу-хау, инвестиции и рабочие места. Помимо этого, как правило, в развивающихся странах низкий уровень правовой культуры, что приводит к коррумпированности и ангажированности руководящих лиц. Чтобы не терять интерес инвесторов они соглашаются на определенный срок, зачастую длительный, не повышать социальные, трудовые и экологические стандарты.

Как отметил М.Н. Марченко в своей статье «Об основных тенденциях развития права в условиях глобализации» – вопрос о взаимодействии ТНК и государства в эпоху глобализации является частью более широкой проблемы – соотношения сфер экономической и политической. Если ранее было принято рассматривать данный вопрос в рамках государства, сейчас он выходит за его пределы и принимает планетарный масштаб, чем обусловлена актуальность данной проблематики. Теоретически значимый вопрос соотношения

экономики и государства обретает практическое выражение в вопросе соотношения политической силы государства и экономической силы ТНК [5, с. 6].

Результаты исследования. Таким образом, в современных реалиях мы видим, что ТНК, способны в своих интересах оказывать давление на государства, а их деятельность все чаще выходит за рамки экономической сферы. Мы можем наблюдать, как они перенимают на себя часть социальной ответственности – фактически выполняя роль государства. Конечно, ТНК не могут выступать вместо Государства на международной арене, но могут оказывать существенное влияние на процессы принятия политических решений. Существует даже мнение, что, учитывая уже имеющееся влияние ТНК на экономические, социальные и культурные права посредством контроля над правительственной экономической и социальной политикой, стоит заняться разработкой специального законодательства, регулирующего их ответственность и обязанности в данной сфере [6, с. 143]. Натапов С.Л. в своей статье «Транснациональные корпорации и реализация экономических, социальных и культурных прав» выражает обеспокоенность неспособностью национальных правительств осуществлять политику, направленную на выполнение обязательств по защите и реализации прав граждан. Он отмечает, что полномочия государства в этой сфере подверглись сокращению из-за расширения глобальной торговли и стремления к конкурентоспособности. Экономические реформы, повлекшие отмену госконтроля, приватизация, а также рост экспортного производства, навязываются Международным Валютным Фондом и Всемирным Банком, в попытке увеличить конкуренцию в рамках глобальной торговой системы. Подобного рода регулирование заставляет государства ограничивать роль правительства в разработке политики и сокращать сферу действия национальных стандартов, так как они могут воспрепятствовать иностранным инвестициям. Но пренебрежение такого рода стандартами неизбежно влечет эрозию государственного суверенитета в проведении собственной политики, который напрямую воздействует на способность определять приоритеты развития и выполнять обязательства по реализации и защите прав граждан.

Помимо экономической сферы, ТНК активно вмешиваются в социальную и культурную сферы. Финансируя различные культурные, развлекательные и социальные проекты, ТНК фактически создают для себя благоприятную среду, формируя в общественном сознании соответствующие своим интересам установки. Проблема так называемого «общества потребления» не является новой и поднимается как в научных работах, так и художественных произведениях еще с начала XX века. Но именно сейчас данные

тенденции благодаря экономическому и научному развитию достигли своей пиковой точки.

Заключение. На данный момент на Россию происходит именно такого рода экономическое и идеологическое давление. По средствам ограничений деятельности ТНК и введений эмбарго, государства пытаются отстаивать свои политические интересы. Поэтому важной задачей является поиск баланса взаимодействия России с другими странами в вопросах экономики и торговли, чтобы, поддерживая связь, не впасть в созависимость. На наш взгляд, для России очень важным направлением в законотворчестве должна стать комплексная работа по разработке законодательства, защищающего страну от негативного воздействия транснациональных корпораций. Данная работа должна осуществляться в разных направлениях – экологическое законодательство, антимонопольное, гражданское. Особое внимание должно уделяться мерам ответственности в случае уклонения ТНК от выполнения своих обязательств.

Список литературы

1. Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс. М.: WoltersKluwer, 2004. 496 с.
2. Богуславский М. М. Международное частное право: Учебник, 4-е изд. М.: Юристъ, 2002. 462 с.
3. Ермолаев В.Г., Сиваков О. В. Международное частное право: Курс лекций. М.: Былина, 1998. 176 с.
4. Грязнов Э.А. ТНК в России. Позиции крупнейших в мире транснациональных корпораций в российской экономике. М.: ООО «Фирма Инограф», 2000. 168 с.
5. Марченко М.Н. Об основных тенденциях развития права в условиях глобализации // Московский государственный ун-т имени М. В. Ломоносова, Юридический факультет. М.: Проспект, 2017. С. 5-11.
6. Натапов С.Л. Транснациональные корпорации и реализация экономических, социальных и культурных прав // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 141-146.

Титов Андрей Александрович,
аналитик группы компаний «Решение»
(Санкт-Петербург, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ СВОБОДЫ САМОВЫРАЖЕНИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация. Продолжающаяся специальная военная операция (СВО) в Российской Федерации привела к возникновению различных проблем в действующем законодательстве, в частности, связанных с ограничениями свободы выражения мнений. В этой статье рассматривается существующий правовой ландшафт и возможные решения в рамках публичного права. Одним из ключевых вопросов, на который обращает внимание автор, является необходимость борьбы с недружественной пропагандой правовыми средствами. Кроме того, в статье подчеркивается важность разработки надежной системы анализа общественной информации для эффективного противодействия дезинформации. В целом, в статье рассматривается сложная взаимосвязь между свободой выражения мнений, национальной безопасностью и правовыми рамками в контексте текущей военной операции.

Ключевые слова: публичное право, правовое поле, система анализа публичной информации, ограничение свободы самовыражения.

«На каком бы этапе своего исторического развития ни находилось право, его точка зрения всегда была, есть и будет точкой зрения необходимости, выражением социальной нужды, потребностей в установлении порядка» (Г.В. Мальцев) [1, с. 41].

Российская Федерация проводит СВО (специальную военную операцию), защищая себя и отвечая на гибридную мультидоменную войну, осуществляемую против нас со стороны «коллективного Запада». Многократно усилившееся давление на Россию проводится всеми доступными на настоящий момент способами и возможностями.

Текущая ситуация отчётливо подсветила многие проблемы правового и нравственного порядков, в числе которых вопрос о пределах свободы самовыражения, свободы мысли и слова.

Любая государственная система обязана защищать себя от внешних и внутренних угроз, включая пропаганду, которая может нанести им вред.

Особенно, если переживает военный конфликт и другие чрезвычайные ситуации. В свете этого, часто возникают необходимость в изменениях и ограничениях в правовом поле и жизнедеятельности общества.

Поиск баланса между необходимостью защиты государства и соблюдением прав граждан на свободу слова и информации является важной национальной задачей. В наше время, с таким быстрым распространением информации через интернет и социальные сети, задача выявления и предотвращения распространения дезинформации становится все более актуальной.

В описываемых в данной статье подходах мы не касаемся тех, кто намеренно и публично высказывает позицию против Российского государства и его политики, в пользу недружественных государств (иноагенты и т.п.).

При этом, важно учитывать и принимать во внимание различные точки зрения и стремиться к диалогу, вместо принятия крайних мер. В конечном итоге, стремление к правде и поиске полезной для себя информации должно быть целью как для государства, так и для общества в целом.

Это замечание отражает сложную ситуацию, которая сложилась в странах «Западного блока», где в последнее время можно наблюдать усиление контроля и ограничений в области свободы слова и мысли. Сейчас эти государства стремятся к установлению тотального, жесткого контроля в сфере выражения мнений, что приводит к подавлению разнообразия голосов и ограничению свободы выражения.

Вместе с тем, вопрос о балансе между свободой слова и негативными последствиями, такими как провокация ненависти, распространение дезинформации и нарушение законов, для всех остается актуальным и сложным.

Это вызывает серьезные дискуссии и размышления о необходимости защиты свободы слова и мысли, при этом учитывая ответственность каждого гражданина за свои слова и действия.

Для решения подобных проблем требуется комплексный подход, учитывающий различные интересы и потребности общества. Открытость, терпимость и уважение к множественности мнений могут способствовать созданию гармоничной среды для свободного обмена идеями и построению демократического общества.

Можно привести актуальный на октябрь 2023 пример об отмене постановления федерального суда в штате Луизиана (США), в котором прежде указывалось чиновникам администрации президента Байдана и агентствам «не вступать в контакт с соцсетями с целью заставить замолчать блогеров и не публиковать мнения, с которыми официальные лица не согласны». Позже администрация США подала апелляцию на это решение и заявила, что контакты с социальными сетями по вопросам модерации ведутся на постоянной основе.

Сейчас Верховный суд приостановил действие запрета для всех федеральных агентств, обещая рассмотреть дело по существу позже, но, когда теперь это произойдёт, не указано [2].

Можно также привести актуальный пример регуляторного государственного влияния из КНР (Китайской Народной Республики), это изданное «Положение КНР «О защите несовершеннолетних в сети Интернет» / Принято на 15-м исполнительном заседании Госсовета Китайской Народной Республики 20.09.2023, обнародовано и введено в действие с 01.01.2024 Приказом Государственного совета КНР от 24.10.2023» [3]

Первоочерёдный интерес к иному ракурсу – пределы самовыражения в условиях СВО и в связи с СВО в России.

Можно уверенно говорить о предельно важном значении альтернативного взгляда и свободного самовыражения в сложных условиях, таких как чрезвычайные ситуации, включая военные конфликты. В таких условиях доступ к разнообразной информации, включая источники, которые могут быть восприняты как неподходящие или противоречащие, может быть критически важным для принятия правильных и своевременных решений.

Разнообразие точек зрения и информационных источников, включая профессионалов, аналитиков и наблюдателей, работающих на местах, может привести к улучшению понимания ситуации, предоставлению ценных данных и повышению вероятности принятия управленческих решений.

Способность государства и общества гибко реагировать на информацию и адаптировать свои действия в соответствии с изменяющейся обстановкой может в конечном итоге спасти жизни и ресурсы. Принятие разнообразных точек зрения зачастую позволяет избежать ошибок, которые могли бы быть совершены при ограниченном или единственном источнике информации.

Этот подход позволяет действовать более эффективно и адаптивно, особенно в условиях неопределенности, когда действия и решения должны быть приняты быстро и в условиях значительного давления. Важно стремиться к разностороннему информационному обеспечению и открытому диалогу для эффективного принятия решений в сложных ситуациях.

В немалом числе случаев, публичная критика недостатков российских вооружений, системы военного управления связана с угрозой повлечь уголовную ответственность – противоречивые, «неудобные» высказывания и предположения влекут за собой риск получить критику в отношении себя уголовное дело.

Законодательство направлено на защиту от распространения заведомо ложной информации, что является важным аспектом обеспечения обще-

ственной безопасности и защиты интересов страны.

Однако, как показывает практика, существует опасность того, что законодательство может использоваться для подавления любой критики или недовольства по отношению к военной сфере или власти. Такие меры могут стать препятствием для здорового дискурса и самокритики, что в свою очередь может замедлить процессы совершенствования и развития военной отрасли. Идеальное недостижимо, всегда есть какие-то проблемы, а значит – есть предмет для обсуждения.

Разделение на публичное и непубличное поле для такого самовыражения может помочь соблюдать законы и правила, но также необходимо учитывать, что критический взгляд и свобода слова играют ключевую роль в развитии общества и самих Вооружённых сил. Через обратную связь, обмен мнениями и конструктивную критику можно достичь истинного понимания проблем и развивать эффективные механизмы их решения.

Кроме того, важно продолжать работу над улучшением системы борьбы с коррупцией и над совершенствованием качества оборонных систем и технологий. Обсуждение недостатков и возможностей совершенствования военной техники и организации также должно быть поощрено, поскольку это способствует повышению эффективности и безопасности Вооружённых сил.

Таким образом, важно находить баланс между защитой национальных интересов и свободой самовыражения, а также стимулировать конструктивный диалог и обмен мнениями для поиска оптимальных путей развития военной сферы.

Для публичных заявлений, «разоблачений», предупреждений и всего того, что может вызвать общественный резонанс, публичный эмоциональный отклик, должна существовать система правовой оценки, основанная, в первую очередь, на законе и практике.

При этом, решение управленческой задачи по стимулированию аналитических предложений и получения оперативной и правдивой информации является ключевым аспектом эффективного функционирования любой системы.

Создание специальных каналов для передачи конфиденциальной информации поможет решить проблему обеспечения конфиденциальности и верности передаваемых данных.

Система распределения ответственности и поощрения за рациональные и важные предложения сможет способствовать стимулированию заинтересованных лиц к активному участию в процессе управления и предложения альтернативных решений проблем.

Однако, как мы отметили, существует проблема несовершенства системы правовой аналитики, что может затруднять сбор и объективную оценку критики и предложений. Поэтому, следует постоянно совершенствовать эти системы, учитывая опыт прошлых ошибок и успехов, чтобы обеспечить более эффективное принятие решений и управление.

Исторические примеры, такие, как титанические усилия высшего руководства СССР в период Великой Отечественной войны, подчеркивают важность организации и координации действий в сложных условиях военного времени. Взаимодействие штабов, промышленности и армии играет ключевую роль в обеспечении успеха действий в условиях войны и кризисных ситуаций.

Таким образом, постоянное совершенствование систем управления, аналитики и взаимодействия между различными структурами становится необходимым элементом обеспечения эффективного управления и принятия решений в сложных ситуациях.

Проблема ограничения свободы самовыражения является действительно серьезной и требует внимательного изучения. Важно находить баланс между свободой высказывания и необходимостью соблюдения определенных ограничений в интересах общества.

Развитие практики сбора и анализа информации из различных источников для поиска рациональных предложений действительно имеет большое значение. Официальные и доступные пути для заявлений и предложений могут способствовать более эффективной коммуникации и соблюдению профессиональных стандартов аналитического анализа.

Также, необходимо рассматривать вопрос ограничения свободы самовыражения через призму поддержки обществом уровня армии и формирования правильных моральных установок. Государство должно стремиться к поддержанию моральных ценностей и укреплению общественной поддержки важных институтов, таких, как армия, что способствует укреплению стабильности и безопасности в обществе.

Поэтому, развитие сбалансированной политики ограничений самовыражения и поддержки важных общественных институтов является ключевым аспектом для обеспечения гармонии и устойчивого развития общества.

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма – ИНФРА-М, 2019. – 400 с.
2. Supreme Court of the United States № 23A243 (23–411) Vivek H. Murthy, surgeon general, et al. v. Missouri, et al. on application for stay [October 20, 2023]

3. В Китае приняли положение «О защите несовершеннолетних в сети Интернет» // <<https://vvesti.com/security/v-kitae-prinali-polozenie-o-zasite-nesoversennoletnih-v-seti-internet>>

Трапезников Александр Иванович,
аспирант кафедры конституционного и административного права
Пермского государственного
национального исследовательского университета
(Пермь, Россия)

ПРИЗНАКИ «ДРОБЛЕНИЯ» БИЗНЕСА

Аннотация. В статье поставлена проблема отсутствия законодательного подхода к определению признаков «дробления» бизнеса, отсутствия их классификации. Автор указывает на отсутствие в судебной практике, юридической литературе системного подхода к признакам «дробления» бизнеса, предлагает их классификацию.

Ключевые слова: налоговая выгода, «дробление» бизнеса, признаки «дробления» бизнеса, взаимозависимые лица, выгодоприобретатель

«Реалистическое отношение к актуальным правовым фактам сводится, в сущности, к образу мысли, при котором для человека лишено ценности то, что не лежит в плоскости его интересов. Собственные либо воспринятые в личностном плане коллективные интересы формируют жизненную позицию, через которые люди оценивают данные факты. Такова истина, подтверждаемая нашей повседневностью...» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 334).

Налоговое законодательство не содержит понятия и признаков «дробления» бизнеса, под которым чаще всего, определяется как механизм, способ, схема уклонения от уплаты налогов.

Между тем, является явной проблемой определение признаков «дробления» бизнеса, их классификации с целью определения универсального состава, который бы характеризовал деяние налогоплательщиков в качестве противоправной схемы, направленной на получение налоговой выгоды.

Федеральная налоговая служба Российской Федерации в своих попытках обозначить вектор налогового контроля по вопросам «дробления» бизнеса, обращала внимание территориальных налоговых органов о необходимости проверки налогоплательщиков, которые создают видимость деятельно-

сти нескольких самостоятельных налогоплательщиков, прикрывающих деятельность одного налогоплательщика, с целью получения или сохранения права на применение специального налогового режима, предусматривающего пониженную, по сравнению с общим режимом налогообложения, налоговую (фискальную) нагрузку. При этом, Федеральная налоговая служба Российской Федерации отметила, что необходимо исключить предъявление необоснованных претензий к разделению бизнеса, не направленному на злоупотребления, поскольку выбор и изменение бизнес-структуры является исключительным правом хозяйствующего субъекта [1].

Таким образом, из указанной выше позиции Федеральной налоговой службы Российской Федерации явно следует, что разделение, структурирование бизнеса само по себе еще не свидетельствует о реализации противоправной схемы «дробления» бизнеса, вследствие чего, нельзя игнорировать ключевые квалифицирующие признаки данного налогового правонарушения.

«Дробление» бизнеса выступает в качестве способа получения налоговой выгоды. Следовательно, подход к определению граней противоправности следует искать через правовую природу «дробления» бизнеса как способа получения налоговой выгоды, отраженную в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 53 (далее – Постановление № 53) [2].

Из содержания Постановления № 53 следует, что оценка обоснованности налоговой выгоды должна исходить из характеристики действий налогоплательщиков, имеющих отношение к получению налоговой выгоды:

1) экономическое содержание совершаемого налогоплательщиком действия должно соответствовать его внешне выраженной правовой форме;

2) в осуществляемых налогоплательщиком действиях должны быть экономические и иные цели делового характера, не связанные с намерениями получения налоговой экономии.

3) налогоплательщик осуществляет действия в рамках реальной предпринимательской деятельности.

Названные в Постановлении № 53 критерии оценки обоснованности налоговой выгоды представляют собой выработанные судебные доктрины «преобладания существа над формой», «деловой цели», «реальности сделки», посредством использования которых налоговые органы и суды оценивают осуществляемую налогоплательщиком хозяйственную деятельность на наличие признаков противоправности в получении налоговой выгоды [3, 4, 5].

С учетом совокупности изложенных выводов, а также упомянутой судебной практики, квалифицирующими (обязательными) элементами искусственного «дробления бизнеса» являются:

- наличие бизнес-структуры, состоящей из взаимозависимых лиц, имитирующих самостоятельную деятельность, но в действительности не осуществляющих самостоятельную хозяйственную деятельность и подчиненных одному, либо нескольким выгодоприобретателям, осуществляют один вид деятельности, либо участвуют в едином экономическом процессе (нарушение требований судебных доктрин «преобладания существа над формой», «реальности сделок»);

- отсутствует экономическая обоснованность в структурировании бизнеса (нарушение требований судебной доктрины «деловой цели», единственная цель – налоговая выгода).

- вследствие применения специальных налоговых режимов была получена налоговая выгода, охватываемая противоправным умыслом налогоплательщика; если бы данные лица функционировали, как один хозяйствующий субъект, то не имели бы права на применение специальных налоговых режимов.

Нельзя не заметить, что обозначенные аспекты являются оценочными, абстрактными, однако, в рамках налогового контроля приобретают конкретное наполнение фактическими условиями хозяйственной деятельности, анализируемыми налоговыми органами для целей установления признаков «дробления» бизнеса.

Если определение деловой цели и факт получения налоговой выгоды в достаточной степени понятны для целей правоприменения и основаны на существенно экономических показателях, то вопрос самостоятельности каждого звена является достаточно сложным и многоаспектным.

Оценка степени самостоятельности проводится налоговыми органами по 4 основным критериям:

1) управленческая самостоятельность: анализ признаков взаимозависимости участников схемы, определение критериев, по которым лица являются взаимозависимыми с точки зрения корпоративной структуры, а также влияет ли эта взаимозависимость на условия ведения бизнеса; анализ фактических условий ведения деятельности и принятия решений в целях определения лиц, осуществляющих фактическое руководство, обладает ли каждый участник бизнес-структуры реальной самостоятельностью в принятии управленческих решений по вопросам текущей деятельности;

2) организационная самостоятельность: анализируется наличие у каждого звена бизнес-структуры собственных сайтов, адресов электронных почт, серверов, договоров на связь, ведение бухгалтерского, кадрового учета, оказание юридических услуг и т.п., то есть обладает ли каждый участник бизнес-структуры своими организационными ресурсами для ведения бизнеса;

3) имущественная самостоятельность: анализируется наличие у каждого звена бизнес-структуры собственного имущества для ведения деятельности: движимое, недвижимое имущество, результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

4) кадровая самостоятельность: анализируется самостоятельность в кадровой политике (процедуры поиска соискателей, найма, увольнения работников), а также то, работает ли персонал одного участника бизнес-структуры в интересах других участников такой структуры.

По совокупности изложенного налоговые органы делают выводы о степени самостоятельности каждого звена, что в совокупности с экономическими параметрами наличия либо отсутствия деловой цели, получения налоговой выгоды, дает основания для последующих суждений о наличии, отсутствии признаков реализации структурирования бизнеса, не соответствующего требованиям налогового законодательства.

Список литературы

1. О злоупотреблениях налоговыми преимуществами, установленными для малого бизнеса: Письмо ФНС России от 29.12.2018 № ЕД-4-2/25984 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
2. Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 53 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.
3. Определение СКЭС ВС РФ от 30 декабря 2022 года № 305-ЭС21-25771 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»;
4. Определение СКЭС Верховного Суда Российской Федерации от 23.03.2022 № 307-ЭС21-17087// Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»;
5. Определение СКЭС Верховного Суда Российской Федерации от 21.07.2022 № 301-ЭС22-4481// Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Шамаева Карина Вахитовна,
соискатель кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Москва, Россия)

Научный руководитель
Нифанов Алексей Николаевич,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПУБЛИЧНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СТРУКТУРИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-СТАТУСНОЙ МОДЕЛИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. Автором в статье представлен анализ некоторых положений Конституции Чеченской Республики и сопряженных с ней республиканских нормативных правовых актов, закрепляющих территориальную организацию публичной власти в Республике. Рассмотрены отдельные вопросы административно-территориального устройства Чеченской Республики.

Ключевые слова: Конституция Чеченской Республики, территориальная организация публичной власти, территория субъекта Российской Федерации, административно-территориальное устройство, территориальное развитие

«В условиях неустойчивой, т.е. кризисной общественной системы особенно важно, чтобы отдельные люди или социальные группы, чувствуя приближение точки бифуркации, готовили свой вариант событий, обещающий новый порядок. Благодаря их трудам и усилиям можно повысить вероятность осуществления этого варианта («ветви») развития, но его никогда нельзя рассматривать как обреченный на успех, predeterminedный результат использования познанных закономерностей, надежных рецептов» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 87).

Проблематика территориальной организации публичной власти имеет важное значение для уяснения содержательного наполнения конституционно-статусной модели Чеченской Республики. Чеченская Республика (как и другие субъекты России), будучи государственным образованием, имеет собственную

территорию, очерченную административной границей (частично государственной границей России), которая определяет пространственный предел функционирования республиканских органов государственной власти и республиканских правовых норм.

Территориальная организация публичной власти не может ограничиваться только формой государственного, административно-территориального устройства, так как в построении властного механизма имеет место и внетерриториальное (когда властные институты определенного функционального назначения учреждаются в пространствах, не совпадающих или, по крайней мере, не совпадающих непосредственно с административно-территориальным делением государства). В качестве примера можно привести федеральные округа, военные округа, ЗАТО, судебные округа, территории опережающего социально-экономического развития, инновационные технологические центры, федеральные территории и т.д. [1, 2]

Конституционно государственное устройство Чеченской Республики легализовано в Главе 3 Конституции Республики с очень важным установлением о том, что отношения между Российской Федерацией и Чеченской Республикой определяются Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, Конституцией Чеченской Республики, а также заключенными в соответствии с федеральным законом договорами между органами государственной власти Российской Федерации и Чеченской Республики о разграничении предметов ведения и полномочий, соглашениями между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти Чеченской Республики (ст. 58).

При этом базовое значение отведено положениям ст. 59 в части

- определения статуса Чеченской Республики Конституцией Российской Федерации и Конституцией Чеченской Республики (ч. 1);
- невозможности изменения статуса Чеченской Республики ее согласия (ч. 1);
- изменения границ между Чеченской Республикой и иными субъектами Российской Федерации только по взаимному согласию Сторон (ч. 2);
- отождествления границы Чеченской Республики с иностранными государствами с Государственной границей Российской Федерации, статус которой устанавливается федеральным законом (ч. 3);
- определения законами Чеченской Республики административно-территориального устройства Чеченской Республики и порядка его изменения, а также статуса столицы Чеченской Республики (ч. 4).

Коль скоро конституционно-правовым статусом обладают, как указывалось, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования, то не только федеральные округа, но и административно-территориальные единицы

едва ли соотносятся с этим понятием. Следует указать, что республиканский закон «Об административно-территориальном устройстве Чеченской Республики» в ст. 1 устанавливает, что административно-территориальная единица (далее – АТЕ) – это часть территории Чеченской Республики с одним или несколькими населенными пунктами, имеющая установленные границы, статус и наименование [3].

Тем не менее, наличие территории и ограниченной правосубъектности не сообщают АТЕ качеств субъекта конституционно-правовых отношений. На начальном этапе своего формирования, до признания за АТЕ высшего звена статуса субъектов Российской Федерации и установления системы муниципальных образований, их полная конституционная правосубъектность не вызвала сомнений, но на данном этапе федеративного (публично-территориального) развития, полагаем, она не может быть признана.

Вопрос соотношения институтов административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации и территориальной организации местного самоуправления лежит на поверхности. С фактической стороны, как отмечает С.А. Авакьян: «Каждый кусочек территории субъекта России должен попасть в территорию какого-либо муниципального образования – городского или сельского поселения» [4]. Однако территориальное устройство местного самоуправления связано с административно-территориальным делением «не жестко» [5]. Полномочиями относительно организации территории, согласно Конституции Российской Федерации (ст.ст. 72, 131) и федеральному законодательству (п. «1» ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ) наделены как органы государственной власти субъекта Российской Федерации, так и органы местного самоуправления, но они не должны быть взаимозаменяемы [6].

В этой связи представляется важным решение Конституционного Суда России, согласно которому «муниципально-территориальное устройство не имеет жесткой привязки к административно-территориальному делению субъекта Российской Федерации. Перечень муниципальных образований может меняться, а значит и существующая привязка территориальной организации местного самоуправления к административно-территориальному делению не является абсолютной и границы муниципальных образований могут не совпадать с границами административно-территориальных единиц» [7].

Как справедливо отмечал А.Н. Нифанов «...если ранее в науке дискуссионным было мнение относительно независимости административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации и муниципально-территориального устройства, то с принятием Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, а также с учетом соответствующих решений

Конституционного Суда Российской Федерации по данному вопросу появилась унифицированная позиция, подтверждающая такую независимость» [8].

В аналогичном ключе мы разделяем доктринальную позицию, что границы административно-территориальных единиц и границы муниципально-территориальных образований это два независимых друг от друга правовых инструмента [9], первый из которых служит для разграничения объектов управления органов государственной власти, второй – для разграничения юрисдикции муниципалитетов. Поэтому никакой привязки одного к другому быть не может. Однако следует признать, что установление границ административно-территориальных единиц в соответствии с границами муниципалитетов способствует лучшему пониманию населением правовой обстановки, а следовательно, является полезным [10].

Ожидаемо, в основе административно-территориального и муниципального устройства субъектов Российской Федерации лежат различные принципы. Относительно перечня принципов административно-территориального устройства субъектов России необходимо указать, что таковой на уровне федерального законодательства не определен. Но в региональных нормативно-правовых актах, равно как и в трудах по конституционному праву этот перечень сформулирован.

Приведем принципы формирования административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации, которые представлены, например, в монографии Ю.В. Ермолаевой: «законности; взаимодействия административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации и территориальной организации местного самоуправления; экономической целесообразности; эффективности формирования и функционирования административно-территориальных единиц; стабильности; последовательности при осуществлении реформирования в области административно-территориального устройства субъектов Федерации (принцип синхронности); факультативности критериев построения административно-территориальных единиц субъектов Российской Федерации» [11].

Что касается правового поля изучаемого нами субъекта Российской Федерации, то в ст. 3 Закона Чеченской Республики от 11 декабря 2018 г. № 62-РЗ «Об административно-территориальном устройстве Чеченской Республики» установлены следующие принципы административно-территориального устройства Республики:

«– учет исторически сложившейся системы расселения в Чеченской Республике и тенденций ее развития;

– самостоятельное определение в пределах собственного ведения административно-территориального устройства Чеченской Республики;

- оптимизация системы государственного управления и местного самоуправления, сбалансированного развития территорий;
- учет мнения и интересов населения, проживающего на соответствующей территории;
- развитие национальных культур, культурно-бытовых традиций и исконных видов хозяйственной деятельности населения, проживающего на данной территории».

В сфере административно-территориального устройства Чеченской Республики принципы развития национальных культур и исторически сложившейся системы расселения населения коррелируют национальному принципу территориального устройства, который, как известно, не нашел отражения в федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», где представлен только территориальный принцип.

Полагаем, что комплексный учет этого принципа возможен как раз в законодательстве субъекта Российской Федерации, регулирующем вопросы образования, изменения и иных процессов преобразования АТЕ, а также установление принципов такого формирования.

Регулирование вопросов административно-территориального устройства республиканским законом установлено Конституцией Чеченской Республики (ч. 4 ст. 59). В ч. 5 указанной статьи приведен перечень АТЕ Чеченской Республики, изменения в эту статью в аспекте, определяющем состав Чеченской Республики, вносятся на основании соответствующего конституционного закона Чеченской Республики об изменении наименования АТЕ, статуса АТЕ или образовании новой административно-территориальной единицы (ч. 5 ст. 112 Конституцией Чеченской Республики). Республиканский закон, определяя понятие административно-территориального устройства, содержит весьма стандартную формулировку, а именно: «административно-территориальное устройство Чеченской Республики – территориальная организация Чеченской Республики, представляющая собой систему административно-территориальных и территориальных единиц, установленная для осуществления функций государственного управления с учетом исторических и культурных традиций, хозяйственных связей, сложившейся инфраструктуры».

Согласно ст. 5 Закона Чеченской Республики от 11 декабря 2018 г. № 62-РЗ «Об административно-территориальном устройстве Чеченской Республики» «систему административно-территориального устройства Чеченской Республики составляют: административно-территориальные единицы –

районы, города республиканского значения; территориальные единицы – населенные пункты, районы в городах».

Существенное значение, обусловленное событиями и «известным» правовым регулированием прошлого века, для Чеченской Республики имеют вопросы административно-территориальных границ.

Так одним из разрешенных территориальных споров стало подписанное 26 сентября 2018 г. главами республик Чечня и Ингушетия соглашения о закреплении между республиками административной границы [12]. Документ не затрагивает населенные пункты регионов, но предусматривает обмен участками необитаемых горно-лесистых территорий площадью 1 тыс. 890 га. Ингушетии передается часть Надтеречного района Чечни. В свою очередь Ингушетия передает Чечне равносильную территорию на границе с Сунженским районом. 4 октября парламенты двух республик утвердили соглашение о закреплении границы.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2018 г. № 44-П в связи с запросом Главы Республики Ингушетия Закон Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» и Соглашение об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в их нормативном единстве признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации [13].

Уточним, что в Республике применительно к вопросам публично-территориальной организации реализуется институционально-властный подход. Министерством экономического, территориального развития и торговли Чеченской является органом исполнительной власти Чеченской Республики. Оно, в частности, осуществляет функции по участию в реализации единой государственной политики в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития Чеченской Республики и муниципальных образований, развития государственно-частного партнерства на территории Чеченской Республики [14].

В интересующем нас ракурсе основными целями и задачами Министерства являются:

– реализация и мониторинг единой государственной политики и исполнение государственных полномочий в сфере социально-экономического развития Чеченской Республики и муниципальных образований;

– анализ и прогнозирование социально-экономического развития Чеченской Республики и муниципальных образований Чеченской Республики.

В заключении представим систематизированные публично-правовые параметры конституционно-статусной модели Чеченской Республики, среди которых:

– конституирование принципов единства и неделимости территории Чеченской Республики как неотъемлемой части территории Российской Федерации;

– легализация принципов территориального взаимодействия различных уровней;

– республиканское конституционно-законодательное регулирование административно-территориального устройства, а также местного самоуправления;

– учет принципов развития национальных культур, культурно-бытовых традиций и исконных видов хозяйственной деятельности населения, проживающего на данной территории в административно-территориальном устройстве в отличие от формальных оснований организации муниципальных территорий;

– наличие специального республиканского органа по вопросам территориального развития – Министерства экономического, территориального развития и торговли Чеченской Республики.

Список литературы

1. Нифанов, А. Н. Комплексный подход к интерпретации государственной территории // Право и политика. – 2012. – № 4. – С. 794-800.
2. Нифанов, А. Н. Опыт конституирования территории в федеративных государствах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2013. – № 2 (39). – С. 230-236.
3. Закон Чеченской Республики от 11 декабря 2018 г. № 62-РЗ «Об административно-территориальном устройстве Чеченской Республики» (ред от 30 декабря 2023 г.) // Вести Республики. 2018, 12 декабря.
4. Авакьян, С. А. Конституционное право России: учебное пособие: в 2 т. Т. 2. М., 2010. – С. 156.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 3 апреля 2007 г. № 171-О-П «По жалобе гражданина О.Б. Гуртуева и коллективной жалобе граждан – жителей Кабардино-Балкарской Республики на нарушение их конституционных прав положениями Законов Кабардино-Балкарской Республики "Об административно-территориальном устройстве Кабардино-Балкарской Республики", "О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике" и Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» // Российская газета. 2007, 19 мая.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2007 г. № 406-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Ключкина Анатолия Петровича, Михеева Эдуарда Аркадьевича, Новиковой Татьяны Федоровны и Шкутника Виктора Афанасьевича на нарушение их конституционных прав положениями пункта 2 статьи 6 и статьи 8 Закона Московской области "Об административно-территориальном устройстве Московской области», а также разделов I и V приложения к данному Закону» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2007. – № 6.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 3 ноября 1997 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 26 ноября 1996 года "Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления" в связи с запросом Тульского областного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – № 6.
8. Нифанов, А. Н. Территория Российской Федерации: конституционно-правовая теория : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02. – Белгород, 2020. – С. 249.
9. Чертков, А. Н. Правовое регулирование территориального устройства России: концепция и прогноз : Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2012. 50 с.
10. Хлуднев, Е. И. К вопросу о разграничении понятий «Граница муниципального образования», «Граница населённого пункта» и «Граница административно-территориальной единицы» // Мир науки. 2014. Вып. 2; <https://mir-nauki.com/PDF/06EMN214.pdf?ysclid=lw6орх2оус124800706> (дата обращения 12.04.2024 г.).
11. Ермолаева, Ю. В. Административно-территориальное устройство субъектов Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы. Саратов, 2015. – 197 с.
12. Закон Республики Ингушетия от 4 октября 2018 года № 42-РЗ «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 12.04.2024 г.).
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2018 г. № 44-П «По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия "Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой" и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2019. – № 1.

14. Постановление Правительства Чеченской Республики от 13 октября 2015 г. № 185 «Об утверждении Положения о Министерстве экономического, территориального развития и торговли Чеченской Республики» (ред. от 21 декабря 2021 г.) // Вести Республики. 2015, 17 октября; 2021. 25 декабря.

Шатерникова Ксения Алексеевна

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель

Сафронова Елена Викторовна

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ИМПЕРАТИВЫ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация. В статье приведен обзор конституционно-правовых императивов в области международного общения, определяющих отношение Российской Федерации и ее норм к такому виду коммуникации.

Ключевые слова: конституция, правовые императивы, международный договор, международное общение

«Наше время не требует отказа от суверенитета национальных государств, но оно меняет акценты в понимании и применении соответствующего принципа. Поскольку судьба национальных интересов все чаще решается на интернациональном уровне, в международных организациях и на мировых форумах, государство должно быть во всеоружии суверенных средств и возможностей» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 503-504).

Конституционные поправки, внесенные в 2020 г., коснулись, помимо прочего, вопросов, связанных с международным правом, в целом и теорией международного общения, в частности. По причине недостаточной изученности темы считаем необходимым проанализировать нормы, регулирующие международное общение в тексте Основного Закона Российской Федерации. Для обеспечения принципа объективности исследования будут рассмотрены все конституционно-правовые императивы, касающиеся международного общения.

К изучению данного вопроса в части регулирования международной деятельности регионов Российской Федерации проявлял доктор историче-

ских наук, профессор, академик Адыгской (Черкесской) международной академии наук, декан юридического факультета Адыгейского государственного университета Б.И. Шекультиров в 2005 году [1]. Ранее, в 2002 году, Е.Г. Волкова осветила в своей работе вопросы конституционно-правового регулирования международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации [2]. Однако нет работы, которая смогла бы вместить в себя более расширенный обзор норм международного общения, которые регламентированы новым текстом Конституции Российской Федерации.

Цель работы – обобщение информации, содержащейся в тексте Основного Закона Российской Федерации, касательно норм, относящихся к международному общению.

Международное общение представляет собой достаточно широкий спектр форм и вариантов коммуникации, которые направлены на определения возможностей, а также точек соприкосновения с целью установления дипломатических отношений.

Первой в тексте по теме исследования встречается ст. 15 из основ конституционного строя, в ч. 4 которой урегулировано место международных норм в правовой системе России: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» [3]. Отметим, что во втором предложении данной части раскрывается роль международных договоров как приоритетной формы международного общения, превыше всех других видов законодательства, а именно – приоритет только данной формы перед внутренним законодательством: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [3].

Казалось бы, что данная статья достаточно полно описала положение международных договоров, но позднее, в ч. 6 ст. 125, уточняется, что существует исключение из этого правила: «Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению...» [3]. Таким образом, норма конкретизирует, что в случае сравнения норм Конституции Российской Федерации с нормами международных договоров, последние не имеют приоритета, как это регламентировалось ранее.

Далее обратимся к ч. 3 ст. 46, которая дает возможность каждому обратиться за защитой в межгосударственные органы: «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» [3]. Отметим, что международные органы по защите прав и свобод человека – это не обязательно органы судебной власти. К примеру, это могут быть и другие органы, – Комитет по правам человека ООН, Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, Комитет по экономическим,

социальным и культурным правам, соответственно, без международного общения нельзя обойтись.

Заслуживает внимания тот факт, что международные нормы в тексте Конституции Российской Федерации могут быть представлены в нескольких вариантах: как альтернатива, как поддержка или дополнительный критерий. Приведем примеры из текста Основного Закона: ч. 1 ст. 62: «Гражданин Российской Федерации может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором Российской Федерации» [3]; ст. 69: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации» [3]; ч. 2 ст. 67: «Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права» [3].

Международно-правовой институт правопреемства и правопродолжения был впервые упомянут в новой редакции Конституции (ч. 1 ст. 67.1): «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации». По словам М.В. Мархгейм, институт правопреемства выступает «конституционным институтом из «поправочного» ряда... Традиционно его признают международно-правовым институтом. Им упорядочиваются принципиальные подходы к разрешению проблем в различных случаях правопреемства (например, распад государства, переход части одного государства под юрисдикцию другого, объединение государств и др.) по отношению к разным объектам правопреемства (например, территория, гражданство, членство в международных организациях, государственный долг и др.) [4, с. 31].

Нельзя не отметить более изученную и уже упомянутую ранее тему предметов ведения Российской Федерации и её субъектов.

В случае с предметом исключительного ведения Российской Федерации в части международного общения можно отметить п. «к» ст. 71: «внешняя политика и международные отношения Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации; вопросы войны и мира» [3].

В п. «о» ст. 72 можно найти такие понятия международного общения и его формы как международные связи и международные договоры, которые находятся в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов является: «координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, выполнение международных договоров Российской Федерации» [3]. Отметим, что исключительные полномочия субъекта Российской Федерации, касающиеся международного общения, отсутствуют.

Обращаем внимание на то, что неотъемлемой частью международного общения, как на уровне отношений, так и на уровне связей являются указанные выше понятия: международные отношения, международные договоры и международные связи.

Еще одно понятие и право международного общения – межгосударственные объединения – указано в тексте ст. 79: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации» [3].

К тому же Конституция регламентирует полномочия, касающиеся международных отношений и международных связей. Прежде всего, обратим внимание на полномочия Президента России: «Президент Российской Федерации как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях» (ч. 4 ст. 80); «назначает и отзывает после консультаций с соответствующими комитетами или комиссиями палат Федерального Собрания дипломатических представителей Российской Федерации в иностранных государствах и международных организациях» (п. «м» ст. 83); «ведет переговоры и подписывает международные договоры Российской Федерации» (п. «б» ст. 86).

Связанные со сферой международного общения есть полномочия и у палат Федерального Собрания: «ратификации и денонсации международных договоров Российской Федерации» (п. «г» ст. 106), а также у органов судебной власти: «в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации» (п. «б» ч. 5.1 ст. 125).

Анализ норм Конституции Российской Федерации, посвященных международному общению, позволяет продемонстрировать логичное и последовательное внедрение положений норм международного права в ее содержание, а также определить отношение Российской Федерации и ее норм к такому виду коммуникации.

Список литературы

1. Шекультиров Б.И. Конституционно-правовое регулирование международной деятельности регионов Российской Федерации // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. №4. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-regulirovanie-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-regionov-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 13.05.2024).

2. Волкова, Е. Г. Конституционно-правовое регулирование международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – Москва, 2002. – 23 с.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 13.05.2024).

4. Мархгейм М.В. Обновление Конституции России: институциональный эскиз // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 7 (122). С. 29-32.

Шерстнев Валерий Николаевич,
аспирант кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Москва, Россия)

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна,
заведующий кафедрой конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЕЕ ЮРИДИЧЕСКИЙ АКЦЕНТ

Аннотация. В статье представлено многообразие теоретических подходов к определению модернизации гуманитарными науками, что подтверждает междисциплинарность заявленного термина. Автором также аргументирована целесообразность характеристики судеустроительных изменений на основе термина «трансформация».

Ключевые слова: модернизация, судеустройство, трансформация, эволюция, переход

«Юридическая институционализация дает возможность систематизировать и группировать общественные отношения по разным критериям,

предварительно упорядочить их в отношении норм, ценностей, интересов, целей и задач общества и государства. Выбор адекватных критериев, умение сочетать их в оптимальном варианте становится здесь делом исключительной важности и ответственности. Обычно удачными признаются те институты, которые удовлетворительно служат некоторым идеалам, ценностям и вместе с тем практическим потребностям и интересам» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 398).

Раскрывая понятийно-содержательный аспект судеустроительных трансформаций, считаем целесообразным обратиться к интерпретации связанных терминов. В числе таких – «модернизация».

Модернизацию аргументировано позиционируют в качестве междисциплинарного явления, которое «дифференцируясь с течением времени, максимально точно описывает изменения, происходящие в мире» [1, с. 103-107].

Исходя из словарно-энциклопедического варианта модернизацию (от греч. *moderne* – новейший) отождествляют с «усовершенствованием, улучшением, обновлением объекта, приведением его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества»¹.

В широком смысле «модернизация может быть определена как процесс, посредством которого исторически эволюционировавшие институты адаптируются к быстро меняющимся функциям, что отражает беспрецедентное расширение человеческих знаний, позволяющее осуществлять контроль над своим окружением, которое сопровождало научную революцию» [2].

Таким образом, термин «модернизация» подразумевает множество одновременных изменений на различных уровнях [1, с. 103-107]. Вместе с тем, заявленная нами междисциплинарность связана, как с разработкой модернизации отдельными отраслями гуманитарной науки, так их комплексным подходом.

В частности, с точки зрения экономики модернизация – это «усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества. Модернизируются в основном машины, оборудование, технологические процессы» [3].

Разработан также термин «экономическая модернизация», обозначающий «процесс перехода экономики на более высокую стадию развития

¹ <https://irsepi.ru/projects/modernization/modernization-history/> (дата обращения 11.03.2024 г.).

или на более высокую ступеньку внутри стадии. Институциональная теория подчеркивает, что для этого в первую очередь нужна эволюция экономических институтов и прежде всего рост частной собственности и свободы экономических агентов. Эта идея лежит в основе теории экономического развития, нацеленной на рассмотрение проблем отсталости и модернизации» [4].

Представим также научные позиции, комбинирующие подходы в определении модернизации, сочетая социальные, экономические, политические, индустриальные и иные аспекты.

Так, Р. Бендикс понимал под модернизацией «тип социальных перемен, имеющих корни в английской индустриальной и политической революциях. Заключается в экономическом и политическом прогрессе отдельных обществ-первопроходцев и последующих перемен у отстающих» [5, с. 15].

По мнению Ф. Тэчау и П. Бергера, модернизация «невообразима без технологического развития и экономического роста» [6, с. 9], «включает рост и диффузию институтов, связанных с трансформацией экономики посредством технологий» [7, с. 9] соответственно.

Юриспруденция не явилась исключением в разработке собственного подхода. Как результат правовая модернизация определена «значительной трансформацией нормативно-правовых актов, модернизацией всей системы государственно-правовой деятельности, юридических процедур» [8]. В качестве замечаний укажем повтор термина «модернизация» в самом определении; включение оценочного понятия «значительный»; неопределенность причинно-следственных связей – влечет ли изменения в государственно-правовой деятельности и юридических процедурах трансформация нормативных правовых актов? Или же последняя может быть следствием трансформации государственной деятельности?

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают подходы к определению модернизации в социологии и философии. Именно на их основе базируются разработанные теории модернизации государства и общества.

Уточним, что в социологии модернизация представлена как «общественный процесс в целом, включая индустриализацию, в ходе которого прежде аграрные, исторические и современные общества становятся развитыми» [9]. Содержательно сопоставим подход в философии, определяющий модернизацию «процессом перехода от традиционного общества, которое отождествляется с социальными отношениями патриархально-феодалного типа, к современному обществу индустриального капиталистического типа. Модернизация – целостное обновление общества»¹.

¹ Философская энциклопедия: портал Словарионлайн.ру // <https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/> (дата обращения 11.03.2024 г.).

С учетом представленных подходов в гуманитарной науке сложилось понимание модернизации как «макропроцесса перехода от традиционного к современному обществу – обществу модерности» [10, с. 573-592]. Хотя, есть мнение, что «модерность (современность) не может быть завершена в принципе» [11, с. 50-56].

В заявленном понимании модерности более детально трактовка модернизации в качестве современного историко-культурного процесса развития, связанного с трансформациями, «охватывающими общество целиком, изменения носят инновационный характер и служат для выравнивания менее развитых стран по образцу более успешных государств» [12, с. 44-47].

Как видим, «мерилом» процесса модернизации являются «более успешные государства». Это связано с тем, что «генеалогически модерность восходит к западной цивилизации Нового времени... Модернизация как процесс, и модерность как ее следствие, возникнув в западном мире, в XX в. стали распространяться в глобальном масштабе» [10, с. 573-592]. По мнению же С.Н. Гаврова, «модернизация понимается как процесс инновационных трансформаций наиболее развитых стран Европы и Северной Америке, которые первыми начинали процесс модернизации и давно укоренились в модерности» [10, с. 573-592].

Данный подход является продолжением ранее сформированных содержательно сопоставимых позиций. В частности, В. Мур указывал, что «модернизация является тотальной трансформацией традиционного домодернистского общества в такую социальную организацию, которая характерна для "продвинутых", экономически процветающих и в политическом плане относительно стабильных наций Запада» [13].

Позднее Ш Эйзенштадт отмечал, что «исторически модернизация есть процесс изменений, ведущих к двум типам социальных, экономических и политических систем, которые сложились в Западной Европе и Северной Америке в период между XVII и XIX веками и распространились на другие страны и континенты» [14].

В современных исследованиях модернизация также предстает «прогрессивным процессом, предполагающим смену социальных институтов и систем, стиля человеческой жизни в рамках определенного социокультурного пространства. Модернизация в большей степени осмысливается как модель догоняющего развития, предложенная для отсталых стран по западному образцу» [15, с. 267-269].

Перечень приведенных подходов к определению модернизации не является исчерпывающим. В этой связи в юридической науке обоснованно предпринимаются попытки упорядочения сложившегося многообразия. В

качестве положительного примера представим следующие обособленные В.И. Афанасьевой подходы: «универсальные (чувствительные к изменениям в различных сферах общества); специализированные (акцентирующие внимание на отдельных измерениях процесса); исторические (описание процессов, посредством которых осуществляются модернизации, трансформации, революции и т.д.); дихотомические (модернизация как переход от одного состояния общества традиционного, к другому – индустриальному или современному); цивилизационные (модернизация как распространение особой цивилизации *modernity*)» [16, с. 13-16] и др.

Характеризуя Россию, учеными указывается догоняющий тип модернизации в силу множества различных факторов. В качестве цели отечественного варианта модернизации – «догнать в своем развитии индустриальные страны, не допустить критического разрыва в военно-экономической области, включиться в мировую экономическую систему, тем самым отстаивать свои национальные интересы» [16, с. 13-16]. Справедливо заметим, что такая цель отмечалась в 2014 г. Целесообразно привести более абстрактный вариант корреляции процесса современной модернизации с «эволюцией отечественного государства и общества; усилением позиции на международной арене, что позволит более эффективно отстаивать свои интересы и развивать экономику внутри страны» [17, с. 165-175].

Или, к примеру, в 2012 г. отмечалась связь процессов модернизации с глобализацией, хронологически связанная со второй половиной XX века. С.Н. Гавров писал, что «глобализация является современным нам этапом развертывания единого и универсального «проекта модерна». Глобализация, проявляющаяся в движении к интегрированному экономическому, правовому, информационному, образовательному и, в конечном счете, культурному пространству, является современным этапом модернизации. Речь идет о цельном, векторном потоке модернизационных / глобализационных перемен, представляющем собой движение к взаимосвязанному, взаимодополняющему миру, основанному на институтах и ценностях западной цивилизации модерна» [10, с. 573-592].

Очевидно, что современные вызовы и угрозы оказывают влияние на целеполагание модернизации. В настоящее время мы не можем разделить позицию о преобладании процессов глобализации. Скорее есть запрос и возрастающее число примеров усиления суверенизации государств.

Кроме того, отдельные научные характеристики модернизации противоречат актуальной государственной и общественной повестке в России. Так, в научной статье «Интерпретация понятия «модернизация» применительно к устойчивому развитию хозяйственного субъекта» коллективом ав-

торов было отмечено, что «решающим фактором модернизации выступает преодоление, а также замена традиционных ценностей, препятствующих социальному изменению и экономическому росту, на ценности, мотивирующие хозяйствующих субъектов на инновационную деятельность – разработку, создание и распространение новых технологий и генерирование новых организационно-экономических отношений. Данная трансформация приводит к появлению и развитию передовых индустриальных технологий, а также соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих указанные технологии поддерживать, использовать и управлять ими [1, с. 103-107]. Конечно, для хозяйствующих субъектов цель – «создание и распространение новых технологий и генерирование новых организационно-экономических отношений» – расцениваем в качестве адекватной. Однако неприемлемым считаем достижение цели через «замену традиционных ценностей», тем более «препятствующих социальному изменению». Нам видится, что традиционные ценности в настоящее время должны выступать базисом, ориентиром модернизации, о чем свидетельствуют конституционные изменения 2020 г.

В этой связи, полагаем, необходимо обновление научной теории модернизации государства, в частности, юридической наукой, поскольку это обусловлено факторами внутригосударственного характера и внешними условиями.

Исходя из приведенных содержательных особенностей, мы считаем нецелесообразным для характеристики изменения судоустройства в государстве применять термин «модернизация», который рассчитан на масштабные государственные и общественные явления. Не умаляя судостроительный аспект в реализации судебной власти, представляется обоснованным его сопоставление с трансформацией, а также последующим отграничением от смежных понятий реформы и реформы судебной власти.

Список литературы

1. Бородин Ю.Г., Хабарова Е.И. Интерпретация понятия «модернизация» применительно к устойчивому развитию хозяйственного субъекта // Вестник МИТХТ. 2013. Т. 8. № 2. С. 103-107.
2. Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. NY: Harper Colophon Books, 1975. 207 p.
3. Намятова Л.Е. Термины рыночной экономики: Современный словарь-справочник делового человека. Екатеринбург: УрФУ, 2012. 198 с.
4. Булатов А. Глобальная проблема модернизации на современном этапе // Мировое и национальное хозяйство. 2014. № 4 (29);

- <https://mirec.mgimo.ru/2014/2014-02/globalnaya-problema-ekonomicheskoy-modernizatsii?ysclid=lupw2jzw6g273390968> (дата обращения 11.03.2024 г.).
5. Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. 1998. № 8. С. 14-26.
 6. Tachan F. The Developing Nations: What Path to Modernization? New York: Dodd, Mead, 1972. 243 p.
 7. Berger P.L. et al. The Homeless Mind: Modernization and Consciousness. New York: Random House, 1973. 258 p.
 8. Чувелова Н.Н. Формирование правовой культуры в условиях модернизации России // Образовательный портал «Справочник»; https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/formirovanie_pravovoy_kultury_v_usloviyah_modernizatsii_rossii/ (дата обращения 11.03.2024 г.).
 9. Хазриева А.Р. Краткий терминологический словарь по дисциплине «Социология». Махачкала: Типография МФ МАДИ, 2015. 81 с.
 10. Гавров С.Н. Модернизация: основные определения и характеристики // Humanity space International almanac VOL. 2012. Т. 1. № 3. Pp. 573-592.
 11. Рахманов А.Б. Амин С. Экономический глобализм и политический универсализм: Конфликтующие результаты? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2003. № 1. С. 50-56.
 12. Корытина М.А. Модернизация как культурная интеграция Кавказского региона // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 4 (77). С. 44-47.
 13. Moore W.E. World modernization. The limits of convergence. 1979. 167 p.
 14. Эйзенштадт Ш.Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона; Науч. ред. пер. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999. 415 с.
 15. Гассиева М.А. Модернизация и глобализация: соотношение понятий // Материалы 10-й международной научно-практической конференции «Перспективы развития АПК в современных условиях» Часть II. Владикавказ, 2021. С. 267-269.
 16. Афанасьева В.И. Модернизация: понятие и формы // Право и государство: теория и практика. 2014. № 2 (110). С. 13-16.
 17. Федотов А.Р., Гончарова В.А., Пачина Н.Н., Набоков Л.В. К вопросу о понятии «модернизация» в политологии // Электронное периодическое издание «Человек. Общество. Наука». 2023. Т. 4. № 1. С. 165-175.

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ПЕРО

Алексеева Жанна Дмитриевна,
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна
заведующий кафедрой конституционного и международного права,
юридический институт НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

**ДОГОВОРНАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ
АКТОВ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛОРУССИИ**

Аннотация. Основываясь на научных источниках и тексте статей 58-60 Договора о Союзном государстве, проанализированы договорные подходы к формализации нормативно-правовых актов, в части, касающейся их видового ряда, статуса и предназначения. Обозначены также договорные правила разрешения коллизий.

Ключевые слова: Союзный договор, нормативно-правовые акты, закон, Основы законодательства, декрет, постановление, директива, резолюция

«Должный порядок вещей, на который нацелено право, представляет собой сознательно сконструированное положение дел, рукотворную ситуацию... Правовые требования к определенному порядку опираются на предположение, что он может быть создан, изменен или отменен действиями субъектов права, которые основаны отчасти на прямых либо косвенных указаниях закона, отчасти на свободном усмотрении субъектов, чьими действиями устраивается порядок» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 556).

Значимым проявлением единения России и Белоруссии является заключенный этими государствами Договор о создании Союзного государства, который вступил в силу 26 января 2000 г. [1] Преамбульная часть этого договора обозначает основу легитимности (воля народа), мотивы создания (стремление к единению), историческую опору (общность исторических судеб), гуманитарные основы (забота о жизненных интересах своих граждан) и перспективы развития Союзного государства. Его образование, по убежде-

нию сторон, «позволит объединить усилия в интересах социального и экономического прогресса обоих государств», для чего необходимы соответствующие юридические инструменты. В числе таковых определенно следует учитывать нормативные правовые акты. В конституциях России и Белоруссии они поименованы именно так, а вот в тексте Договора – как нормативно-правовые акты, через дефис. Вероятно, в этом разделении есть замысел формирования самостоятельного понятийного ряда.

Как известно, атрибутом любого государства является система нормативных правовых актов, предназначенных для упорядочения общественных отношений. По словам Г.В. Мальцева, «У государства имеются исключительные права, своего рода монопольные прерогативы в отношении правовой системы. Ему принадлежит правовое верховенство в смысле издания законов, развития законодательства как юридической основы функционирования гражданского общества» [2, с. 109].

В России виды таких актов закреплены в Конституции. Самое крупное их деление – это законы и подзаконные акты, которые в своей совокупности нередко называют законодательством. Хотя представляется, что точнее законодательством именовать совокупность законов.

Разновидности законов, принимаемых в России, можно представить на двух уровнях ввиду федеративного устройства. Так, на федеральном уровне наряду с Конституцией России принимаются и действуют федеральные конституционные законы, федеральные законы; продолжают действовать законы, принятые до 12 декабря 1993 г. в части, не противоречащей Конституции России. На уровне субъектов принимаются и действуют конституции (уставы) субъектов, а также их законы. Подзаконные акты федерального уровня, например, указ Президента, постановления палат Федерального Собрания, постановление Правительства, акты федеральных органов исполнительной власти. Поскольку упорядочивающего систему нормативных правовых актов федерального закона в России до сих пор не принято, постольку легальной опорой для составления совокупности нормативных правовых актов является Конституция России. В этой связи представляется уместным привести мнение А.А. Безуглой и Л.И. Никоновой о необходимости «предусматривающего развитие правовой системы через создание отдельного нормативного правового акта – «закона о законе» – формализующего иерархию нормативных правовых актов России в контексте целостной правовой системы» [3, с. 42].

В Республике Беларусь Конституция сама определена в качестве Основного Закона. Такой подход был в наименовании советских конституций, что можно расценить в качестве варианта преемственности [4]. Наряду с этим упоминается и закон Республики Беларусь, и законодательство. Подза-

конными актами установлены указы Президента, постановления Совета Министров, нормативные правовые акты других государственных органов.

В Союзном договоре актам Союзного государства посвящен Раздел VI, включающий три довольно крупные по тексту и ёмкие по смыслу статьи 58, 59, 60. Установлено, что нормативно-правовые акты: принимают в рамках своей компетенции органы Союзного государства; предназначение этих актов определено – «для осуществления целей и принципов Союзного государства». Далее на договорном уровне согласован закрытый перечень нормативно-правовых актов, как то: «законы, Основы законодательства, декреты, постановления, директивы и резолюции. Органы Союзного государства также могут принимать рекомендации и заключения» (ст. 58).

Ввиду «двугосударственного» состава Союзного государства закономерно возникает вопрос предметов ведения, как это имеет место в России (федеральные конституционные законы принимаются только по предметам ведения Российской Федерации и только по установленным вопросам). Исходя из ст. 59 Союзного договора, «1. По предметам исключительного ведения Союзного государства принимаются законы, декреты, постановления и резолюции. Декреты и постановления принимаются органами Союзного государства на основании настоящего Договора и законов Союзного государства».

Для регулирования отношений в рамках «предметов совместного ведения Союзного государства и государств-участников принимаются Основы законодательства, директивы и резолюции» (ч. 2 ст. 59). Установлено, что данные акты «реализуются путем принятия национальных нормативно-правовых актов государств-участников по соответствующим вопросам» (ч. 3 ст. 59). Применительно к России, это, скорее всего, – федеральный, а не федеральный конституционный закон, в Белоруссии – закон Республики, а также соответствующие акты иных органов государственной власти этих стран.

В договоре уделено внимание определенности нормативно-правовых актов в части, касающейся их видовых юридических характеристик. Так, законы и декреты: а) предназначены для общего применения, б) являются обязательными во всех частях, в) приобретают юридическую силу после их официального опубликования, г) подлежат прямому применению на территории каждого государства-участника».

Постановления обязательны во всех своих частях для того государства, физического или юридического лица, которому они адресованы, а директивы – обязательными для каждого государства, которому они адресованы; при этом за органами соответствующего государства сохраняется свобода выбора форм и методов действий. Относительно резолюции определено, что

она есть акт, «посредством которого обеспечивается текущая деятельность органов Союзного государства».

Важным упорядочивающим фактором являются правила разрешения коллизий. Конституциях и России, и Белоруссии такие правила предусмотрены. Например, общее правило: главы государств принимают указы, которые не должны противоречить закону.

В Союзном договоре также предусмотрены такие правила. Они сосредоточены в ст. 60. Так, «2. В случае коллизии нормы закона или декрета Союзного государства и нормы внутреннего закона государства-участника преимущественную силу имеет норма закона или декрета Союзного государства. Однако данное положение не применяется к коллизии норм закона или декрета Союзного государства и норм, содержащихся в конституциях и конституционных актах государств-участников». Таким образом, подчеркнута, что конституции государств-участников сохраняют приоритет при любых обстоятельствах, что подчеркивает их суверенный статус. Полагаем уместным привести здесь ёмкое обобщение Г.В. Мальцева, согласно которому «С идеей государственного суверенитета каждый народ воспринимает себя как некий геополитический центр, где формулируются национальные идеи и претензии, происходит постоянная оценка и переоценка статуса того или иного государства в неизменно иерархическом мировом сообществе» [2, с. 107].

Таким образом, есть основания утверждать, что Союзный договор России и Белоруссии содержит нормы, определяющие статус, видовой ряд и особенности регулятивного поля актов, посредством которых достигаются цели и принципы Союзного государства.

Список литературы

1. Договор о создании Союзного Государства // Бюллетень международных договоров. 2000. № 3. С. 54.
2. Мальцев Г.В. Права человека в свете современных представлений о государственном суверенитете // Сборник трудов конференции: Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М., 2009.
3. Безуглая А.А., Никонова Л.И. Правовая система – матрица для государственной самоидентификации // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. №7. С. 041-045.
4. Мархгейм М.В. Преемственность как логика конституционного строительства России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4 (167). С. 67-72.

Богданов Игорь Андреевич,
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОРГАНА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Данная научная статья посвящена раскрытию правового статуса законодательного органа субъекта Российской Федерации через уточнение его полномочий, функций, порядка формирования и ответственности.

Ключевые слова: законодательный орган субъекта Федерации, устав, правовой статус, правовое положение, должностное лицо субъекта Федерации.

«Полное согласие с несовершенством существующего порядка вещей остановило бы прогрессивное движение общества, означало бы его застой, а потом и регресс. Кто говорит о том, что законодатель должен быть стратегом и прогнозистом, мудрым и прозорливым творцом новых форм жизни, обычно сталкивается со скептическими настроениями: мол, посмотрите на современных законодателей, многие ли из них могут стать таковыми? Но то, что присутствует в жизни, актуально, зримо представлено в ней, не есть конец развития; в принципе, все можно изменить и исправить, была бы добрая воля людей, необходимые силы и средства» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 750).

Законодательная власть имеет очень важную роль в системе органов государственной власти Российской Федерации. Представительные органы власти, регулирующие различные сферы общественной жизни, воплощают в реальность интересы граждан.

Согласно Конституции Российской Федерации, система власти в нашей стране основывается на принципе разделения государственной власти

на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10). На федеральном уровне законодательная власть реализуется Федеральным Собранием Российской Федерации (ст. 94).

Конституционно-правовой статус законодательного органа субъекта Российской Федерации основан на множестве нормативных документов, однако базис закреплён непосредственно в Конституции Российской Федерации. А именно ч. 1 ст. 77 Конституции России гласит: «система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом».

Согласно ст. 7 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», наименование законодательного органа субъекта Российской Федерации, его структура устанавливаются конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации с учетом исторических, национальных и иных традиций субъекта Российской Федерации. При этом такое наименование не может содержать словосочетаний, составляющих основу наименований федеральных органов государственной власти. Заявленные органы власти в субъектах Федерации представлены Государственными Советами, Парламентами, Хуралами, Законодательными Собраниями, Областными Думами и пр.

Конституционно-правовой статус законодательного органа субъекта Российской Федерации определяется через совокупность его полномочий, процедур формирования, принципов ответственности и гарантий, закреплённых в Конституции, федеральных и региональных законах [3, с. 45]. Однако в юридической науке понятие статуса и, в целом, правового положения законодательного органа субъекта Российской Федерации является весьма дискуссионным вопросом. Так, С.А. Авакьян, под вышеупомянутым статусом понимает совокупность правовых норм, регулирующих положение законодательного органа субъекта Российской Федерации в системе общественных отношений, его права, обязанности и юридические аспекты деятельности, включая процесс принятия законодательных актов [4, с. 327]. Понятие статуса органов законодательной власти субъекта Российской Федерации А.Б. Барихин определяет, как правовое положение субъекта права, характеризующееся наличием закрепления на уровне законодательства, формы организационного устройства данного органа, а также его полномочий, обя-

занностей, прав и ответственности [1, с. 452].

Многие правоведы синонимично воспринимают понятия правового статуса и правового положения. Так, Л.А. Нуденко указывает на наличие схожих аспектов среди понятий правового статуса и правового положения [8, с. 45]. Заявленные термины А.Н. Лебедев отнес к тождественным, ввиду идентичности понятий своему значению, поскольку оба описывают положение и состояние, а не конкретное правоотношение [6, с. 26]. Следовательно, правовой статус законодательных органов субъектов Российской Федерации исходит из правового положения данного элемента государственной власти, что позволяет раскрыть сущность вопроса через уточнение функций, полномочий, обязанностей, ответственности и порядка формирования.

Законодательный орган имеет определенный перечень полномочий, соответствующих его роли в государстве. В ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» закреплены основные полномочия законодательного органа субъекта Российской Федерации: принятие Конституции и Устава субъекта Федерации, поправок к ним; на законодательном уровне урегулирование предметов ведения субъекта Федерации, предметы совместного ведения России и субъекта Федерации в пределах полномочий субъекта; заслушивание отчетов высшего должностного лица субъекта Федерации о достигнутых результатах в работе Правительства субъекта Федерации; заслушивание информации о деятельности территориальных органов исполнительной власти (например, Департаментов); выполнение иных полномочий.

Главной функцией следует считать законодательную, ввиду обладания законодательным органом субъекта Российской Федерации правом на принятие и издание правовых актов. Руководствуясь мнением Д.М. Мириджаняна, необходимо отметить, что «По своему значению эта функция является наиболее важной и объемной, что предопределило название региональных законодательных органов. Законодательная функция означает, что только законодательный орган субъекта обладает исключительным правом принимать законы, т.е. правовые акты, обладающие высшей юридической силой на территории субъекта» [7, с. 15].

Помимо вышеупомянутой функции, законодательный орган государственной власти субъектов Российской Федерации реализует финансовую функцию в части легализации бюджета субъекта Федерации.

Козак М.А. акцентирует внимание на выполнении законодательным органом субъекта Федерации функции контроля за спектром деятельности исполнительных органов [5, с.19].

В ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» данная функция закреплена и заключается, к примеру, в оформлении решения о недоверии высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации.

Элементом, раскрывающим правовой статус законодательного органа, является порядок его формирования. Современным законодательством определена выборность законодательных органов субъектов России. Под ней данной следует понимать избрание депутатов законодательного органа субъекта страны. Согласно ст. 15 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» законом субъекта Российской Федерации может предусматриваться количество депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации, которые избираются по единому избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты, выдвинутые избирательными объединениями в соответствии с законодательством Российской Федерации о выборах.

Неотъемлемой составляющей правового статуса представительного органа субъектов власти, как отмечает Н.А. Богданова, является ответственность данного органа [2, с. 4], понимаемая через применение к нему санкций за ненадлежащее выполнение, возложенных на него обязанностей. К санкциям, которые применяются к законодательным органам субъектов России следует относить принятие решения о досрочном прекращении полномочий вышеуказанного органа субъекта Президентом Российской Федерации, или высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации. Еще одной мерой наказания может стать роспуск законодательного органа субъекта Российской Федерации. В ст. 14 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» указываются нормы, регламентирующие роспуск и принятие решения о досрочном прекращении полномочий законодательного органа субъекта Российской Федерации. Подробнее стоит изъясниться о причине принятия решения о досрочном прекращении полномочий законодательного органа высшим должностным лицом субъекта страны. Подобная ситуация может возникнуть в случае, если избранный в правомочном составе законодательный орган субъекта Российской Федерации в течение трех месяцев подряд не проводил заседание, либо вновь избранный в правомочном составе законодательный орган субъекта Российской Федерации в течение трех месяцев со дня его избрания не проводил заседание. Президент же, в пределах своих полномочий, вправе распустить законодательный орган

государственной власти субъекта Российской Федерации по причине игнорирования предупреждения о нарушении в сфере принятия нормативных правовых актов законодательным органом субъекта. К таким нарушениям следует отнести принятие законодательных актов вышеупомянутым органом, которые противоречат Конституции Российской Федерации. Перед процессом роспуска законодательного органа субъекта страны Президентом выносится предупреждение данному органу об устранении антиконституционных мер. Если же в течении трех месяцев со дня вынесения Президентом Российской Федерации предупреждения законодательному органу субъекта Российской Федерации указанный орган не принял в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда, Президент Российской Федерации вправе распустить законодательный орган субъекта Российской Федерации.

По большей части перечисленные меры ответственности наступают за принятие органами государственной власти субъектов Российской Федерации нормативных правовых актов, противоречащих Конституции Российской Федерации и повлекших за собой массовые и грубые нарушения прав и свобод человека и гражданина, угрозу единству и территориальной целостности Российской Федерации, национальной безопасности Российской Федерации и её обороноспособности, единству правового и экономического пространства. Важным элементом определения правового статуса законодательного органа субъектов Российской Федерации являются положения, закрепленные в уставах и конституциях этих субъектов.

Резюмируя вышеизложенное следует сказать, что вопрос о правовом статусе законодательного органа субъекта Российской Федерации вызывает много обсуждений и споров. Правовое положение представительного органа государственной власти субъектов исходит из ключевых элементов его статуса. К данным элементам относят порядок формирования, полномочия, функции, принципы деятельности и ответственность. Кроме того, деятельность законодательного органа субъектов выражает интересы общества, что и характеризует его ценность в системе органов государственной власти.

Список литературы

1. Барихин А.Б. большой юридический энциклопедический словарь. М., 2016. 657 с.
2. Богданова Н.А. Категория статуса в конституционном праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1998. № 3. С. 4-8.
3. Демин А.П. Проблемы приведения конституция и уставов субъектов РФ в соответствии конституцией РФ // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 44-47.
4. Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. редактор и ру-

ководитель авторского коллектива С.А. Авакьян. М., 2015. 656 с.

5. Козак М.А. Систематизация норм, закрепляющих правовой статус органов представительной власти // Право. Экономика. Психология. 2017. № 3 (8). С. 17-21.

6. Лебедев А.Н. Статус субъекта Российской Федерации (Основы концепции, конституционная модель, практика). М., 1999. 197 с.

7. Мириджанян Д.М. Конституционно-правовой статус законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь. 2004. 34 с.

8. Нудненко Л.А. Конституционно-правовой статус депутата законодательного органа государственной власти в Российской Федерации. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 473 с.

Гераськин Максим Германович

магистрант факультета государственного и муниципального управления
Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Москва, Россия)

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРИНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИТУАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

Аннотация. Статья посвящена тематике научно-аналитического сопровождения и обеспечения принятия управленческих решений в рамках работы ситуационно-аналитических центров в системе государственного управления. Представлена (в кратком изложении) авторская научная концепция ситуационно-аналитических центров в системе государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление, ситуационно-аналитический центр, прикладная аналитика, ситуационно-прогностическое моделирование, социология

«...временные и пространственные корреляции явлений, функциональные зависимости, вероятностные и некоторые другие соотношения, регулируемые статистическими законами... В таких ситуациях регулятором может стать внешнее условие (стимул, толчок), который в отличие от

причины не вызывает строго определённое следствие, но провоцирует множество разнообразных внутрисистемных движений и результатов, возникающих случайно, однако в пределах просчитываемого, в конечном счёте, вероятностного распределения возможностей» [1, с. 11]
Г.В. Мальцев

Актуальность темы ситуационных центров в контексте общей теории государственного управления [2, 3, 4] и прикладного его аналитического обеспечения [5, 6, 7, 8, 9] определяется целым рядом обстоятельств и условий, в числе которых обозначим следующие:

1. В законодательстве Российской Федерации с 1990-х годов было немало издано и всё более и более нарастает число актов (указов и распоряжений Президента РФ, распоряжений Правительства РФ, приказов федеральных органов государственной власти) относительно формирования, функционирования и развития ситуационных центров (центров ситуационной аналитики, центров ситуационно-сценарного прогностического моделирования). Однако современная наука (общая теория прикладной аналитики, общая теория публичного управления, наука административного права) не даёт не только исчерпывающих, но даже сколь-нибудь достаточных объяснений понятию, природе и функционально-целевому назначению, роли и значению, будущему ситуационных центров, что провоцирует не только чисто знаниевую неопределённость в этой сфере, но и сильно бьёт по реальным возможностям создавать и обеспечивать функционирование ситуационных центров, по реальным возможностям надлежаще готовить личный состав (персонал ситуационных центров). В условиях, когда в последние годы специалисты в сфере управления всё больше внимания уделяют вопросам построения и эффективного использования ситуационных центров, это становится критической проблемой.

2. В принципе интенсивно развивается понимание востребованности ситуационных центров на всех направлениях и уровнях системы органов государственного управления, но опять же под это не заведён теоретический фундамент.

3. Происходящая ломка сложившегося после Второй мировой войны публичного миропорядка, текущие события, в которые вовлечена Россия, многочисленные экономические и прочие войны, ведущиеся противниками против нашей страны, – всё это создаёт мощнейшую завесу «тумана неопределённости будущего», рассеять который, создав необходимый образ будущего способны лишь центры ситуационной аналитики. Необходимо формирование внутренней и внешней политики с минимизацией рисков и неопре-

делённостей в принятии управленческих решений. Это возможно осуществить только с помощью научно обоснованных решений, и ситуационный центр должен (и способен) выступать аттрактивным центром такой работы.

4. Военный блок нашего противника – «объединённого Запада» – активно задействует ситуационные центры в стратегировании своей политики в отношении нашей страны. В нашей же стране не уделяется достаточного научного внимания ни анализу деятельности «фабрик мысли» реальных и / или потенциальных противников, хотя без этого невозможно понять стратегически-планировочные ходы противника.

Всё это нуждается в научном осмыслении. Чему и посвящена наша работа.

Вопросам ситуационной аналитики и ситуационных центров было посвящено не так много отечественных работ, да и зарубежные, думается, по большей части выходят под грифами секретности.

Из отечественных учёных, занимавшихся этой тематикой, можно выделить следующих:

В.М. Глушков [10], В.И. Абрамов и Д.С. Евдокимов [11, 12]; А.А. Зацаринный и А.П. Шабанов [13]; Н.И. Ильин [14, 15, 16]; А.И. Китов [17]; А.Ю. Кудрин и О.Б. Ковтун [18]; В.Е. Лепский, А.Н. Райков и др. [19]; В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин и Е.Д. Сушко [20]; И.А. Мизин [21]; И.В. Понкин [7, 22, 23, 24, 25, 26, 27]; В.С. Семенихин; А.А. Харкевич [28]; В.Г. Старовойтов [29].

Из зарубежных авторов, разрабатывавших исследуемую нами тематику, выделим следующих: Пол Салмон (Paul Salmon), Невилл Стэнтон (Neville Stanton), Гай Уокер (Guy Walker) и Дэниел Дженкинс (Daniel Jenkins) [30, p. 7]; Мика Эндсли (Mica Endsley) [31]; Синь Синь (Xin Xin) и др. [32]; Эрик Борглунд (Erik Borglund) и Йонас Ханссон (Jonas Hansson) [33]; Хантер Мартиндейл (Hunter Martaindale) [34]; Стивен Р. Буше (Stephen R. Boucher) [35].

Но необходимо и достаточно целостной исчерпывающей картины эти работы так и не сложили.

Научно-методологическую основу нашего исследования составили:

– комплекс общенаучных исследовательских методов познания и исследования, описания и объяснения исследуемого тематического горизонта – индукции и дедукции, анализа и синтеза, классификации, моделирования, формализации, систематизации и обобщения;

– комплекс частно-научных исследовательских методов – методов науки государственного управления, социологических методов, правоведческих методов [24, 36, 37].

Проведено тестирование авторских научных разработок о ситуационных центрах посредством проведения специализированных социологических опросов отечественных специалистов в сфере ситуационной аналитики по авторскому опросному листу.

Нами разработана и представляется авторская теоретическая концепция ситуационных центров в системе государственного управления.

Кратко-описательно представляются следующие научные результаты, полученные в ходе нашего исследования указанной тематики:

1. Разработана авторская научная концепция ситуационно-аналитических центров в системе государственного управления, основанная (и соответственно включающая) на:

1.1) авторском базовом тезаурусе (комплексе авторских определений);

1.2) авторском комплексе выводов о роли и значении ситуационно-аналитических центров в системе государственного управления как носителей и активаторов следующих целевых функционалов:

– сопровождения и обеспечения принятия управленческих решений в рамках подготовки и осуществления стратегического планирования и программирования государственного управления;

– сопровождения и обеспечения принятия управленческих решений в рамках обеспечения стратегического управления;

– оценивания качества, эффективности и результативности государственного управления;

1.3) авторском комплексе обобщений принципов организации и особенностей функционирования ситуационно-аналитических центров в разных сферах и направлениях их задействования в рамках планирования и осуществления государственного управления и государственной политики;

1.4) авторской многокритериальной классификации ситуационно-аналитических центров.

2. Практически все основные прогнозируемые в науке будущие модели государственного управления роднит одно – неотъемлемое аттрактивное задействование в них (в расширенных модальностях) ситуационно-аналитических центров с разными линейками функционалов и масштабируемых мощностей, что позволит оперативно и эффективно перегруппировывать и перемасштабировать свои ресурсы и парадигмально-проектировочные подходы под быстро меняющиеся задачи, с эффективным учётом множественных неопределённостей и рисков в государственном управлении, оперативно и эффективно корректировать (по интенсивному «частотоколу» точек обратной связи) цели, задачи, ожидаемые результаты и проектировочно за-

кладываемые ресурсные обеспечения под реализации тех или иных направлений государственного управления.

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма – ИНФРА-М, 2011. 800 с.
2. Понкин И.В. Теория государственного управления: Учебник / Предисл. А.Б. Зеленцова. – М.: ИНФРА-М, 2019. 529 с.
3. Понкин И.В. Девиантология государственного управления: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2019. 301 с.
4. Ponkin I.V. Public Administration Deviantology: Textbook for Master and Specialist of Public Administration programmes. – Moscow: INFRA-M, 2024. 304 p.
5. Понкин И.В. Машинная правовая аналитика: понятие, онтология и значение для правовой деятельности // Государственная служба. 2022. Т. 24. № 6. С. 40–46.
6. Понкин И.В. Правовая аналитика как сердце прикладной юридической деятельности: понятие, видовое многообразие, онтология, особенности подготовки и взгляд в будущее // Юридическая техника (Ежегодник). 2024. № 18. С. 32–36.
7. Понкин И.В. Ситуационная аналитика и ситуационно-аналитические центры в государственном управлении // Государственная служба. 2023. Т. 25. № 6. С. 16–22.
8. Понкин И.В. Онтологии как инструментарий прикладной аналитики // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Vol. 11. № 2. С. 77–84.
9. Понкин И.В. Правовая аналитика и современные цифровые технологии // Пермский юридический альманах (ежегодный научный журнал). 2023. Вып. 6. С. 64–74.
10. Деркач В. Академик В.М. Глушков – пионер кибернетики. – Киев: Юниор, 2003. – 382 с.
11. Абрамов В.И., Евдокимов Д.С. Ситуационный центр как механизм государственного управления: российский и зарубежный опыт // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. Т. 108. № 10. С. 21–35.
12. Евдокимов Д.С. Стратегическое развитие систем управления современных ситуационных центров // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1 № 1. С. 89–98.

13. Зацаринный А.А., Шабанов А.П. Эффективность ситуационных центров и человеческий фактор // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Сер. 1 «Экономика и управление». 2013. Т. 5. № 3. С. 43–53.
14. Николай Ильин: Ситуационные центры в современном мире обеспечивают поддержку принятия управленческих решений // <<https://digital.msu.ru/николай-ильин-фсо-рф-ситуационные-це/>>. – 10.12.2018.
15. Ильин Н.И., Демидов Н.Н., Новикова Е.В. Ситуационные центры Опыт, состояние, тенденции развития. – М.: Медиа-Пресс, 2011. – 335 с.
16. Ильин Н.И. Интеллектуализация ситуационных центров развития // Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире: Сборник научных трудов. – М., 2019. – С. 124–127.
17. Долгов В.А. Китов Анатолий Иванович – пионер кибернетики, информатики и автоматизированных систем управления / Под общ. ред. К.И. Курбакова. Второе издание. – М.: КОС-ИНФ, 2010. – 337 с.
18. Кудрин А.Ю., Ковтун О.Б. Обоснование структуры системы ситуационных центров МЧС России // Технологии гражданской безопасности. 2007. Т. 4. № 3. С. 12–16.
19. Стратегическое целеполагание в ситуационных центрах развития / Под ред. В.Е. Лепского, А.Н. Райкова. – М.: Когито-Центр, 2018. – 320 с.
20. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д. Ситуационное моделирование – эффективный инструмент для стратегического планирования и управления // Управленческое консультирование. – 2016. – № 6. – С. 26–39.
21. Захаров В.Н., Зацаринный А.А., Сеницын И.Н. и др. Игорь Александрович Мизин – учёный, конструктор, человек. – М.: Институт проблем информатики РАН, 2010. – 311 с.
22. Понкин И.В. Понятие предиктивной прикладной аналитики и значение профессиональной подготовки в ней // Ветеранские вести. – 23.01.2023. <<https://vvesti.com/obshchestvo/ponatie-prediktivnoj-prikladnoj-analitiki-i-znachenie-professionalnoj-podgotovki-v-nej>>.
23. Понкин И.В. Школа прикладной аналитики: аналитическая проницательность // Ветеранские вести. – 17.04.2023. <<https://vvesti.com/obshchestvo/skola-prikladnoj-analitiki-analiticeskaa-pronicatefnost>>.
24. Понкин И.В. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 4-е, дополн. и перераб. В 2 т. Т. 1: Прикладная аналитика. – М.: Буки Веди, 2023. – 500 с.
25. Понкин И.В. Аналитика в государственном управлении // Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте со-

циального управления: Коллективная монография / Факультет «Социальные и гуманитарные науки» МГТУ имени Н.Э. Баумана, Академия военных наук / Под общ. ред. В.Н. Ремарчука, И.В. Бочарникова. – М.: Экон-Информ, 2024. – 285 с. – С. 44–50.

26. Понкин И.В. Превосходство в осведомлённости в предметно-объектной области: значение в прикладной аналитике // Ветеранские вести. – 07.01.2023. <<https://vvesti.com/security/prevoshodstvo-v-osvedomlennosti-v-predmetno-obektnoj-oblasti-znachenie-v-prikladnoj-analitike-igor-ponkin>>.

27. Понкин И.В. Иллюстрированное введение в прикладную аналитику. Приложение к учебнику «Методология научных исследований и прикладной аналитики» / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2024. – 88 с.

28. Александр Александрович Харкевич // <<http://iitp.ru/ru/about/kharkevich>>.

29. Старовойтов В.Г. Ситуационный центр как эффективный механизм в системе управления // Национальная безопасность. 2021. № 5. С. 22-29.

30. Salmon P.M., Stanton N.A., Walker G.H., Jenkins D.P. Distributed Situation Awareness: Theory, Measurement and Application to Teamwork. – Farnham (UK): Ashgate, 2009. – xx; 246 p.

31. Endsley M.R. Toward a Theory of Situation Awareness in Dynamic Systems // Human Factors. 1995. Vol. 37. № 1. P. 32–64.

32. Xin Xin, Hang Dong, Guo Xiang, et al., 2022. Research on improving driver's situational awareness in automatic driving by vibration information. In The Tenth International Symposium of Chinese CHI (Chinese CHI 2022, October 22–23, 2022, Guangzhou, China and Online. – New York, 2022.

33. Erik Borglund, Jonas Hansson Conference: 19th International Conference on Information Systems for Crisis Response and Management // Tactical police interventions: design challenges for situational awareness // <https://www.researchgate.net/publication/363743536_Tactical_police_interventions_design_challenges_for_situational_awareness>.

34. Martaindale H. Police Quarterly August 2020 // Improving the Accuracy of Firearm Identification in a Dynamic Use of Force Scenario // <https://www.researchgate.net/publication/343447587_Improving_the_Accuracy_of_Firearm_Identification_in_a_Dynamic_Use_of_Force_Scenario>.

35. Boucher, Stephen, et al., Europe and its think tanks; a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union, Studies and Research No 35, October. – Paris: Notre Europe, 2004. – P. 2–3.

36. Понкин И.В. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 4-е, дополн. и перераб. В 2 т. Т. 1: Прикладная аналити-

ка. – М.: Буки Веди, 2023. – 500 с. <<https://moscou-ecole.ru/methodology4-1-2023/>>.

37. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 4-е, дополн. и перераб. В 2 т. Т. 2: Научные исследования. – М.: Буки Веди, 2023. – 640 с. <https://moscou-ecole.ru/2023/06/29/methodology_4-2_2023/>.

Дернова София Андреевна,
студент юридического института Белгородского государственного
национального исследовательского университета

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

КОНТРОЛЬ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В ОРГАНАХ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация: В статье представлен анализ института контроля за соблюдением порядка рассмотрения обращений граждан в органах государственной власти и местного самоуправления. Целью настоящей статьи является выявление проблем, связанных с обеспечением контроля за соблюдением порядка рассмотрения обращений граждан. В качестве решения выявленных проблем предложено на законодательном уровне конкретизировать контрольный функционал органов власти, осуществляющих контроль за порядком рассмотрения обращений.

Ключевые слова: обращения граждан, право на обращения, контроль, ведомственный контроль, рассмотрение обращений.

«Над потребностями, интересами, целями возвышается универсальный регулятор – норма, которая может их контролировать, смягчать, «приглаживать», признавать или не признавать. Высокий социальный контроль воплощается в социальном нормативном регулировании...» (Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. – М.: Норма, 2007. С. 17).

Право граждан обращаться в органы публичной власти конституционно гарантировано (ст. 33 Конституции Российской Федерации), а его реализация предполагает наличие законодательно определенного механизма (Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»).

Порядок рассмотрения обращения граждан представляет собой основанный на законе организованный процесс, обеспечивающий своевременное разрешение по существу направленных гражданами Российской Федерации в органы публичной власти предложений, заявлений или жалоб в установленной форме [1, с. 363].

Необходимость конкретизации порядка рассмотрения обращения граждан связана с тем, что только строго определенный процесс обеспечивает беспрепятственное осуществление конституционного права. Таким образом, порядок рассмотрения обращений граждан основывается на верховенстве закона, а не субъективном усмотрении должностных лиц и представителей органов публичной власти.

Актуальность исследования контроля за соблюдением порядка рассмотрения обращений граждан в органы публичной власти Российской Федерации опосредована тем, что обращение граждан представляют собой важный инструмент, обеспечивающий взаимодействие граждан с органами государственной власти и органами местного самоуправления. Между тем, деятельность органов власти по рассмотрению обращений является эффективной только тогда, когда подвергается контролю.

Понятие контроля за соблюдением порядка рассмотрения обращений граждан и юридических лиц в органы государственной власти и местного самоуправления толкуют в узком и широком значениях. В узком значении контроль за обращениями граждан представляет собой деятельность государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц по осуществлению в пределах своей компетенции наблюдения (надзора) за соблюдением порядка рассмотрения обращений, принятию мер по своевременному выявлению и устранению причин нарушения прав, свобод и законных интересов граждан. В широком значении контроль за соблюдением порядка рассмотрения обращений является правовым институтом, регламентирующим общественные отношения в процессе осуществления компетентными органами наблюдения (надзора) за соблюдением порядка рассмотрения обращений в органы публичной власти (аналогичное замечание) [3, с. 148].

В легализованном формате рассматриваемые контрольные мероприятия предусмотрены ст. 14 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ: «государственные органы, органы местного самоуправления и должностные

лица осуществляют в пределах своей компетенции контроль за соблюдением порядка рассмотрения обращений, анализируют содержание поступающих обращений, принимают меры по своевременному выявлению и устранению причин нарушения прав, свобод и законных интересов граждан».

Основной целью контрольной деятельности компетентных органов является обеспечение законности при рассмотрении обращений граждан, предупреждение и устранение нарушений порядка рассмотрения обращений органами публичной власти. В рамках контрольной деятельности проверяется соблюдение требований федерального законодательного акта, предъявляемых к форме, регистрации, направлению и принятию обращений, их рассмотрению, в том числе требований, относящихся к процессуальным срокам.

На наш взгляд, критически следует оценивать конструкцию заявленной ст. 14 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ, поскольку анализ содержания поступившего обращения является частью процесса по рассмотрению обращения, но не частью контроля за соблюдением порядка обращения. Комментируемая норма также не детализирует систему субъектов, полномочных осуществлять контроль за соблюдением порядка рассмотрения обращения граждан, и лишь связывает выполнение контроля с наличием соответствующей компетенции. Иначе говоря, содержание правового регулирования института контроля за соблюдением порядка обращений граждан недостаточно детализировано, что негативно может отражаться на реализации контрольной функции. Можно предположить, что в Российской Федерации имеет место ведомственный контроль, осуществляемый должностными лицами органов публичной власти, в которые поступают обращения граждан [2, с. 155].

При этом эффективность такого контроля резко ставится под сомнение ввиду того, что контрольные функции отведены лицам, которые могут иметь заинтересованность в укрывательстве нарушений, допущенных при рассмотрении обращений граждан. Ввиду изложенного, полагаем, актуализируется направление усиления вневедомственного контроля за соблюдением порядка рассмотрения обращений граждан, а также прозрачности порядка рассмотрения обращений. Установление ведомственного контроля предполагает четкое определение в Федеральном законе от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ ответственных органов и их должностных лиц, которые будут осуществлять ведомственный контроль за соблюдением порядка рассмотрения обращений граждан. Представляется, что значение ведомственного контроля за соблюдением порядка рассмотрения обращений граждан обеспечивает возможность предупреждать и пресекать нарушения порядка рассмотрения на ме-

стах, что является условием для законного и беспрепятственного осуществления конституционного права гражданина.

Несмотря на то, что в Российской Федерации эффективно функционируют и иные контрольные (надзорные) органы за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, законностью и исполнением нормативных правовых актов, осуществление ведомственного контроля имеет преимущества с точки зрения сроков осуществления, обеспечивая таким образом, своевременное предупреждение, выявление и устранение нарушений порядка рассмотрения обращений граждан.

Кроме того, в условиях цифровизации российского общества, процедура осуществления контроля за рассмотрением порядка обращением граждан должна быть транспарентной. Также одновременно с совершенствованием действующего законодательства, безусловно, необходимо создание соответствующей инфраструктуры, способной на должном уровне обеспечить технологическое сопровождение процесса контроля за порядком рассмотрения обращений граждан, что позволит сделать его более прозрачным. В этом смысле «контроль необходим для поддержания в Российской Федерации имиджа правового государства, где каждый человек имеет право на защиту своих интересов и прав в соответствии с действующим законодательством» [2, с. 160].

Таким образом, с целью повышения эффективности ведомственного контроля за соблюдением порядка рассмотрения обращений граждан, необходима детализация правового регулирования полномочий органов публичной власти и их должностных лиц при осуществлении контроля. Прежде всего, на законодательном уровне требуется конкретизация института контроля за порядком рассмотрения обращений граждан, а регламенты, разработанные с целью реализации указанного функционала должны содержать системные полномочия органов, осуществляющих контроль за порядком рассмотрения обращения граждан, в том числе в условиях транспарентности самого процесса.

Список литературы

1. Лебедева Д.В., Соколов М.А. Порядок рассмотрения отдельных обращений граждан // Наукосфера. 2023. № 6-1. С. 362-365.
2. Селянинова Т.В. Контроль за соблюдением порядка рассмотрения и принятия решения по обращениям граждан // В сборнике: Серия Актуальные вопросы нормативно-правового регулирования государственной и муниципальной деятельности. По материалам симпозиума. Ростов-на-Дону, 2021. С. 154-160.
3. Хомова О.В., Шукшилина Е.А. Институт обращений граждан как инструмент реализации взаимодействия гражданского общества и власти // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 6(39). С. 147-155.

Колоскова Дарья Алексеевна,
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ОБРАЩЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье представлены результаты анализа теоретико-правовых аспектов дефиниции открытого (публичного) обращения, позволивших автору представить доводы в пользу необходимости легализации процедур рассмотрения обращений в форме открытых писем.

Ключевые слова: обращения, обращение гражданина, открытые обращения, открытые письма, публичное обращение.

«...требования юридических норм должны идти дальше должных действий, иметь в виду в конечном счете должный порядок. Высших своих целей право достигает не тогда, когда люди подчинены нормам, не отклоняются от их требований, но когда в обществе устанавливается должный порядок вещей, предначертанный и предписанный юридическими нормами»

(Мальцев Г.В. *Социальные основания права. Монография.* – М.: Норма, 2007. С. 555).

В период новых вызовов и проблем, перед которыми стоит государство на современном этапе развития, важным как с практической точки зрения, так и с теоретической стороны представляется исследование открытых обращений. В Российской Федерации легальное закрепление данного вида обращений отсутствует. В этой связи в работе представлены аргументы в пользу авторской идеи легализации формы обратной связи для публичных обращений, в том числе процесса обращения с открытыми письмами.

В ст. 4 Федерального закона № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» установлена дефиниция термина «обращение гражданина»: это направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа, в том числе с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления¹.

В настоящее время распространены обращения, с которыми выступает гражданин (либо же группа граждан), которые зачастую являются представителями общественной деятельности (например, культуры, науки, искусства) или малого бизнеса (индивидуальные предприниматели, потребительские кооперативы, акционерные общества, фермерские хозяйства). Целью таких открытых обращений является придание огласке имеющихся проблем в соответствующей сфере для того, чтобы осветить общественно значимые вопросы.

Как уже отмечалось, дефиниции содержательно сопоставимых между собой терминов «открытое обращение», «открытое письмо», «публичное обращение» законодательно не легализованы. Однако, в юридической доктрине высказаны предложения формального определения и закрепления публичного обращения. Так, И.А. Зарьянов предлагает вывести на федеральный законодательный уровень понятие «открытое обращение», среди признаков которого он выделяет, в первую очередь форму: письменное или электронное обращение, в том числе устное выступление в СМИ или Интернете [3, с. 87]. Делаем вывод, что автор включает возможность подачи таких обращения через специальные порталы или почтовые сервисы, в том числе

¹ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ // Российская газета. 2006. № 95.

выступления граждан (или их объединений), а также политических партий в средствах массовой информации или на интернет-платформах. Помимо приведенных признаков, И.А. Зарьянов также отмечает:

– адресатов (органы государственной и муниципальной власти, их должностные лица);

– круг проблем (личные вопросы либо наиболее важные вопросы государственной и общественной жизни). То есть, отметим, что открытое (публичное) обращение может быть, как индивидуального характера и касаться интересов конкретного гражданина, так и коллективного – затрагивать ключевые аспекты общественной и государственной деятельности;

– обязательность ответа со стороны уполномоченных органов (должностных лиц).

На подзаконном уровне Указом Президента России от 04.03.2013 г. № 183 утверждены Правила рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»¹ (далее – Правила). Подпунктами «а», «б» и «в» п.а 14 данных Правил установлены критерии поддержания общественной инициативы (см. таблицу).

Таблица

Количество голосов для поддержания общественной инициативы

Уровень поддержки инициативны		Регламентированное число голосов граждан
Федеральный		от 100 тысяч голосов граждан
Региональный	для субъектов Российской Федерации с численностью населения менее 2 млн. человек	от 5 % голосов граждан, постоянно проживающих на территории субъекта Российской Федерации
	для субъектов Российской Федерации с численностью населения более 2 млн. человек	от 100 тысяч голосов граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего субъекта Российской Федерации
Муниципальный		не менее 5 % голосов граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего муниципального образования

¹ О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»: указ Президента РФ от 04.03.2013 г. № 183 // СЗ РФ. 2013. № 10. Ст. 1019.

В том числе, одним из регламентированных критериев поддержания инициативы является срок – инициатива должна быть в течение одного года размещена на интернет-ресурсе. Таким образом, гражданская инициатива будет считаться поддержанной только в случае получения определенного количества голосов граждан в зависимости от уровня ее выдвижения (федеральный, уровень субъекта Российской Федерации, местный).

По нашему мнению, такой процесс достаточно сложен, начиная от сроков поддержания инициативы, заканчивая сложностями со сбором голосов. Именно поэтому, следует выделить такой вид обращений как публичные, которые не осложнены элементом сбора подписей, голосов. Такой вид обращений следует вывести на уровень федерального законодательства, закрепив в качестве одного из видов обращений в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Помимо этого, мы считаем, что должны вводиться критерии публичных обращений для их отграничения от иных видов обращений. Предположим, что критерии следует выделять из признаков предложенной дефиниции. Это могут быть:

- форма (письменное или электронное обращение, в том числе устное выступление в СМИ или Интернете);
- адресаты (в органы государственной и муниципальной власти и к должностным лицам, но посредством СМИ или информационно-телекоммуникационной сети интернет);
- круг проблем (по индивидуальным либо наиболее важным вопросам государственной и общественной жизни);
- обязательность ответа со стороны уполномоченных органов (должностных лиц).

Как отмечает Л.В. Балахонская: «жанр открытого письма наиболее востребован в периоды экономической, политической, социальной нестабильности, являясь одним из эффективных инструментов кризисной коммуникации» [1, с. 121].

Несмотря на отсутствие легализованной формы, практике российской действительности известны опубликования открытых обращений посредством СМИ в сети Интернет. Например, открытое письмо Президенту Российской Федерации от С.С. Гончаренко (кандидат экономических наук, президент Евро-Азиатского транспортного инновационного центра), опубликовано в Экономическом профессиональном журнале (2021 г.) и посвящено оценке проблем и предложениям о транспортно-промышленном развитии Российской Федерации [2, с. 6-10].

Публикуются также открытые обращения, носящие критический характер. В частности, отметим резонансное открытое письмо музыканта группы «Машина времени» Андрея Макаревича (признан иногентом) Президенту Российской Федерации, содержание которого призывает решать проблемы повсеместной коррупции¹. Отметим, что данное публичное письмо не осталось без внимания. Глава государства дал на него ответ и обратную реакцию, а именно указал, что в России необходимо усилить борьбу с коррупцией².

Исходя из представленных рассуждений, считаем целесообразным закрепить порядок регистрации и рассмотрения публичных обращений в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» с учетом того, что открытое обращение:

– должно регистрироваться в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (на основании ч. 2 ст. 8);

– поступившее в органы публичной власти, их должностным лицам согласно компетенции, должно подлежать обязательному рассмотрению (на основании ч. 1 ст. 9).

Список литературы

1. Балахонская Л.В. Открытое письмо в системе кризисных коммуникаций // Век информации. 2016. № 2. С. 118-121.
2. Гончаренко С.С. Открытое письмо Президенту Российской Федерации // Экономический профессиональный журнал. 2021. Т. 1. № 2. С. 39-68.
3. Зырянов И.А. Открытые обращения как гарантия реализации политического многообразия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6 (107). С. 85-88.

¹ Открытое письмо Андрея Макаревича Президенту России Владимиру Владимировичу Путину // Официальный Интернет-сайт газеты «Московский комсомолец». 2012, 6 августа.

² Владимир Путин ответил на письмо Андрея Макаревича про «откаты» // <https://www.rbc.ru/politics/07/08/2012/5703fb029a7947ac81aba7c1> (дата обращения 10.04.2024).

Крапивина Юлия Сергеевна,
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ

Аннотация. Институт обращений граждан в органы власти является динамично развивающимся и требует постоянного совершенствования. Внедрение электронной формы стало одним из решений повышения эффективности данного процесса, но и наряду с этим породило определённые проблемы.

Ключевые слова: обращения граждан, электронные обращения, порядок рассмотрения обращений.

«Подобно субъективному праву, а зачастую вместе с ним, законный интерес обеспечивается правовыми гарантиями... Объем и количество гарантий определяются в ходе правовой институционализации на стадии правотворчества, от них напрямую зависит эффективность прав и законных интересов в качестве юридических институтов» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 371).

В соответствии со ст. 33 Конституции Российской Федерации граждане могут обращаться лично, а также направлять коллективные и индивидуальные обращения в государственные органы, а также органы местного самоуправления¹. Данное же право конкретизировано ст. 2 Федерального закона от 02.05.2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

Федерации»¹. При этом указанный закон позволяет подавать обращения в электронной форме (п. 1 ст. 4). В этой связи нами в работе раскрыты особенности рассмотрения отдельных видов обращений граждан в электронной форме. Актуальность заявленной темы связываем с тем, что:

– возрастает роль технологий, переход многих процедур, осуществляемых публичными властными органами в электронную форму. Соответственно, в таких условиях важным становится понимание процесса рассмотрения обращений;

– в ходе цифровизации повышается политическая активность граждан, поскольку процесс подачи обращений становится более доступным и простым, хотя и не исключает риски [3, с. 52-57; 4, с. 78-82].

Следует отметить, что само определение «обращение в форме электронного документа» законодательно появилось впервые в п. 1 ст. 4 Федерального закона от 02.05.2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». В связи появлением такого вида обращений их количество неизменно растёт. Так, например, в марте 2023 года в адрес Губернатора и Правительства Белгородской области поступило 1 588 обращений, а за март 2024 года их число составило 1 900².

Следует уточнить, что правовое регулирование рассмотрения таких обращений развивается и с 1 января 2024 г. вступило в силу Постановление Правительства Российской Федерации от «Об утверждении Правил использования федеральной государственной информационной системы "Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)"» для направления обращений и сообщений гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами, лицами без гражданства, объединениями граждан и юридическими лицами.

Принятыми правилами определен порядок использования Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) для направления обращений и сообщений в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные внебюджетные фонды Российской Федерации и подведомственные им государственные и муниципальные учреждения, иные организации, в том числе осуществляющие публично значимые функции, и их должностным лицам.

Обращение в электронной форме представляет собой обращение гражданина, направленное на электронную почту или по размещённой ссылке на

¹ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

² Официальный сайт Белгородской Областной Думы // <https://belduma.ru/contact/statistika/> (дата обращения 19.04.2024 г.).

официальном сайте органа власти или местного самоуправления. Что касается оформления, то в соответствии со ст. 7 вышеуказанного закона, обращение, которое подано в электронной форме, должно содержать ФИО гражданина, адрес его электронной почты, если ответ должен быть направлен в форме электронного документа или же почтовый индекс, если ответ будет направлен в письменной форме.

Исходя из ст. 6 Федерального закона от 02.05.2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» заявителю гарантируется неразглашение без его согласия сведений, содержащихся в Интернет-обращении, а также сведений, касающихся частной жизни гражданина.

Электронная почта, на которой практически у каждого гражданина есть свой аккаунт, является средством коммуникации, в том числе, для направления гражданами своих обращений на официальные адреса электронной почты органов власти. Электронные приемные являются площадками, на которые граждане могут подавать свои обращения в режиме онлайн. Их дизайн, структура работы постоянно совершенствуются в целях упрощения процесса подачи обращений гражданами.

В основном на официальных сайтах государственных органов и органов местного самоуправления есть разделы «Интернет-приемные или «Личные кабинеты», где гражданин может заполнить свое обращение.

Благодаря возможности подачи электронного обращения преодолеваются физические преграды для подачи обращения или географические барьеры в случае проживания гражданина в отдалённой местности. К тому же, значительно сокращаются временные рамки рассмотрения обращения, и, как следствие, происходит увеличение скорости работы, соответственно гражданин быстрее получает ответ.

Несмотря на все преимущества электронной формы обращения, развивающийся порядок их рассмотрения, тем не менее есть мнение о том, что Федеральный закон от 02.05.2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» не регламентирует в отдельных статьях процедуру подачи электронных обращений [2, с. 12-17].

На региональном уровне также развивается правовое регулирование подачи и рассмотрения электронных обращений в органах публичной власти. К сожалению, не во всех субъектах России имеются подобные акты, но в процессе цифровизации в последующие пару лет, по нашему мнению, подобные документы должны быть приняты во всех регионах. В качестве одной из разновидностей электронных форм обращения считаем перспективными сообщения на официальные страницы органов власти или должностных лиц. В качестве примера приведем Постановление Губернатора Хабаровского края

от 07.08.2022 г. «Об утверждении Порядка рассмотрения сообщений пользователей, поступивших через официальные страницы (аккаунты) Губернатора Хабаровского края в социальных сетях информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"»¹. В соответствии с ним, сообщением является конкретный вопрос, который размещён на каком-либо официальном аккаунте Губернатора и касается полномочий органа исполнительной власти края.

При поступлении сообщения пользователя на официальную страницу (аккаунт) Губернатора края оператор в срок, не превышающий четырех рабочих часов с момента размещения сообщения пользователя, проводит обработку сообщения пользователя и направляет его для рассмотрения по компетенции ответственному исполнителю посредством системы электронного документооборота Правительства Хабаровского края.

Сообщение пользователя рассматривается ответственным исполнителем в течение трех рабочих дней со дня его поступления.

Приведенные направления нормативного закрепления электронного порядка подачи обращений и сообщений на федеральном уровне и на уровне отдельных субъектов, свидетельствуют о стремительном распространении данного механизма взаимодействия с гражданами.

Однако стоит обратить внимание и на некоторые проблемы, связанные с подачей электронных обращений в органы публичной власти. Так, подача обращений по электронной почте, а также отправление сообщений на аккаунты органов государственной власти и местного управления не гарантирует конфиденциальности данных.

Различие предельного объема символов в обращении может привести к определенным сложностям. К примеру, не более 2 000 знаков на сайте Правительства Российской Федерации². Данного же порядка проблемы ограничения в плане размера и формы предоставляемых файлов. Например, файлы общим размером не более 15 Мб на сайте Генеральной прокуратуры³. В своей работе С.Г. Бывальцева указывает на то, что ограничение объема обращения может создать препятствия в изложении гражданином сути своего обраще-

¹ Об утверждении Порядка рассмотрения сообщений пользователей, поступивших через официальные страницы (аккаунты) Губернатора Хабаровского края в социальных сетях информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: Постановление Губернатора Хабаровского края от 08.07.2022 № 64 // Официальное опубликование правовых актов – <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2700202207120004> (дата обращения 19.04.2024 г.).

² Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://services.government.ru/letters> (дата обращения: 17.04.2024).

³ Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/internetreception/personal-receptionrequest> (дата обращения: 01.04.2022).

ния [1, с. 25-30]. Но данная ситуация, на наш взгляд, довольно дискуссионная, так как очень тяжело выделить суть обращения из огромного количества информации, поэтому введение ограничения объема является обоснованным.

Исходя из осуществленного исследования, можно сделать вывод о том, что внедрение электронных обращений, несмотря на имеющиеся недостатки, всё же позволяет более оперативно разрешать возникающие у граждан проблемы и вопросы. К тому же, это значительно удобней для самих граждан и позволяет вовлечь в данный процесс ту часть населения, которой это право было ранее затруднительно реализовать (в силу разных причин). Нельзя не отметить, что значительно облегчается работа самих органов государственной власти и местного самоуправления. Таким образом, формат электронных обращений обоюдовыгоден для граждан и органов власти.

Список литературы

1. Бывальцева С.Г. Защита органами прокуратуры права граждан на обращение в форме электронного документа // Законность. 2019. № 12. С. 25-30.
2. Зубарев С. М., Сабаева С. В. Электронные обращения граждан в системе общественного контроля // Административное право и процесс. 2019. № 5. С. 12-17.
3. Новикова А.Е. Виды правозащитных рисков // В сборнике: Реализация принципов социального государства: конституционный аспект. материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Краснодар, 2022. С. 52-57.
4. Новикова А.Е. Систематизация «внутренних» правозащитных рисков: общегарантный критерий // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2 (129). С. 78-82.

Куц Анастасия Александровна,
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. Актуальность заявленной темы заключается в том, что обращения граждан представляют своеобразную форму получения обратной связи от общества государству. Поскольку, вместе с тем существует проблема доверия граждан к властным структурам, политика государства должна быть направлена на совершенствование данной процедуры и минимизацию возникающих проблем.

В статье проанализирована законодательная база, регулирующая работу с обращениями граждан, на основе чего были выявлены основные проблемы регламентации, влекущие сложности правоприменения.

Ключевые слова: конституционные права граждан, обращения граждан, личный приём граждан, доверие граждан, правовое государство.

«Право – враг «случайностей» и импровизаций; оно не любит исключений из правил, хотя и вынуждено иногда с ними считаться» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 49).

Право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления является неотъемлемым конституционным политическим правом каждого гражданина. Поскольку принципы и положения Конституции Российской Федерации играют направляющую роль и являются базисными для всей системы текущего законодательства, безусловно, можно говорить о том, что данное право входит в каталог основных прав и свобод человека и гражданина. Так, согласно ст. 33 Конституции Российской Федерации: «Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а

также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления»¹.

В продолжение конституционного установления Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» закрепляет общепринятые правила, касающиеся процедуры подачи обращения гражданами². Особое значение данного федерального закона обусловлено тем, что, обеспечивая право граждан на обращения, гарантируется открытая система их участия в управлении государством.

Говоря о праве на обращение, мы понимаем не только способ защиты нарушенных прав и законных интересов граждан, но и вместе с тем особую форму получения обратной связи о деятельности органов власти [1, с. 107-114]. Такой элемент политики государства позволяет восполнять пробелы, пресекать злоупотребления должностными полномочиями, а также исправлять какие-либо недостатки, что в конечном счете позволяет повысить эффективность работы с обращениями граждан.

На современном этапе проблема доверия граждан к властным структурам не теряет своей актуальности. Так, граждане могут сталкиваться с так называемыми «отписками» на свои обращения, содержащими лишь разъяснения нормативно-правового характера, без конкретных решений и детальных рекомендаций. В данной связи встает вопрос, касающийся нехватки квалифицированных специалистов. А.Ю. Олимпиев и Е.И. Майорова отмечают, что «компетентных специалистов в государственных органах и органах местного самоуправления не хватает для того, чтобы принять, рассмотреть по существу и ответить на такое большое количество обращений. Это так называемая кадровая проблема или проблема трудовых ресурсов» [2, с. 32-34]. И как итог, граждане могут получать неполные и неаргументированные ответы на свои обращения, или ответы не по сути вопроса, что, конечно, сказывается на уровне доверия населения к госслужащим.

Один из проблемных вопросов – это вопрос, затрагивающий появление повторных обращений. В целом процедура рассмотрения обращений граждан нацелена на то, чтобы в конечном счете человек остался удовлетворен ответом, и его проблема была решена. Однако, нельзя говорить о том, что абсолютно все аспекты, обозначенные в обращении возможно сразу урегулиру-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

² Федеральный закон от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023 г.) // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

ровать. Могут возникать ситуации, когда по объективным причинам решить тот или иной вопрос гражданина не представляется возможным. В данной связи важно непосредственно акцентировать внимание на решении таких вопросов. Государству, в свою очередь необходимо принимать всевозможные меры, чтобы гражданин не получивший ответ на свой вопрос, был осведомлён о причинах, затрудняющих его решение и был уверен в том, что в дальнейшем его обращение не останется без внимания. Закон предусматривает сроки рассмотрения обращения, но при этом отсутствуют чёткие требования, предъявляемые к содержательной стороне ответов, что порождает формальный подход [3, с. 151-159]. Далее на практике происходит следующая ситуация, граждане, не получившие должного ответа по существу поставленных в обращении вопросов, повторно направляют его. В соответствии с ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», орган власти, в свою очередь обязан регистрировать эти обращения и, таким образом фактически дублировать очередной формальный ответ. Решение этой проблемы видится в законодательной конкретизации и определении меры ответственности за формальные ответы.

Стоит выделить ещё одну проблему – целесообразность личного приёма граждан. Безусловно, гражданин имеет возможность вступить в прямой диалог с представителем государственной власти. Однако при такой форме общения могут возникать некоторые трудности. Во-первых, в результате личного приёма уполномоченное лицо лишь знакомится со слов заявителя с существом вопроса, а ответственный сотрудник, осуществляющий протоколирование личного приёма, фиксирует полученную информацию. Дальнейшая работа с обращением происходит вне присутствия заявителя, таким образом при личном приёме решение по обращению гражданина сразу не принимается. В результате, может произойти ситуация, когда время, выделенное для личного приема, непродуктивно. Соответственно, личный приём не является гарантией того, что вслед за ним последуют оперативные действия [4, с. 1-4]. Во-вторых, отсутствует чёткая регламентация субъектного состава, осуществляющего личный приём. В соответствии с ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», личный приём проводят руководители и уполномоченные на то лица. В конечно счёте руководители делегируют полномочия другим должностным лицам. Попасть к высокопоставленным должностным лицам на личный приём становится практически невозможно, гражданами же, с свою очередь это воспринимается как их недоступность.

Поэтому с развитием технологий для граждан появляется всё больше возможностей подачи обращения. Так, заявитель может подать своё обращение через портал «Госуслуги», что поможет значительно сэкономить время и при этом получить ответ по существу поставленных в обращении вопросов. Органы власти, в то же время освобождаются от переадресации в другие органы, в случае если обращение содержит вопросы, решение которых не входит в их компетенцию.

Подводя итоги осуществленного исследования, отметим все возрастающую актуальность института обращений граждан. Его успешное функционирование обеспечивает сбор информации, направленной на модернизацию работы с обращениями граждан. Безусловно, его стабильность и открытость положительно влияют на повышение степени доверия граждан к властным структурам, и как следствие на развитие гражданского общества и правового государства. В связи с этим, работа с обращениями граждан должна быть чётко регламентирована и организована таким образом, чтобы минимизировать проблемы, возникающие на практике. И, конечно, развитию данного направления будет содействовать начавшийся процесс автоматизации, который уже сегодня предоставляет широкий круг возможностей для повышения эффективности работы с обращениями граждан.

Список литературы

1. Лапин А.Е., Борисов Н.И. Обращения граждан как инструмент повышения эффективности взаимодействия населения и власти // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2013. № 1. С. 107-114.
2. Олимпиев А.Ю., Майорова Е. И. Некоторые аспекты совершенствования правового регулирования и реализации конституционного права граждан на обращения // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 32-34.
3. Степкин С.П. Пробелы правовой регламентации личного приёма граждан // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 151-159.
4. Шевченко И.В. Проблемы в организации работы с обращениями граждан // Политика, экономика и инновации. 2018. № 4 (21). С. 1-4.

Моисеева Александра Эдуардовна

магистрант факультета государственного и муниципального управления
Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Москва, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЦИРКОВОГО ИСКУССТВА

Аннотация. Статья посвящена теме особенностей государственного управления в сфере циркового искусства и функционирования цирковых учреждений. Автор показывает особенности этой предметно-объектной области, существенно значимые для организации и реализации государственного управления. В статье показано многообразие цирковых форм деятельности, дана авторская классификация.

Ключевые слова: цирк, цирковое искусство, цирковые организации, государственное управление в сфере циркового искусства и функционирования цирковых учреждений, культура.

«Что представляют собой люди и каковы взаимоотношения между ними – это зависит в немалой степени от того, как распорядится культура богатейшим, разнообразнейшим генетическим материалом, заложенным в природе человека» Г.В. Мальцев [1, с. 13].

Государственное управление [2, 3, 4] в сфере циркового искусства является неотъемлемой частью более широкого государственного управления в сфере культуры [5, 6, 7, 8, 9, 10]. Однако сегодня указанная сфера находится за пределами фокуса внимания в государственной политике в сфере культуры, что и понуждает обращаться к этой тематике.

В 2020 году Генеральный директорат по образованию, молодёжи, спорту и культуры «Креативная Европа» Европейского союза опубликовал отчёт об исследовании «Ситуация в цирке в странах-членах ЕС» [11], в котором преобразовал, с учётом новых тенденций, определение цирка, повторно акцентируя внимания на различии традиционного циркового искусства и современного. В исследовании утверждается, что «ядром традиционного или классического цирка является цирковая труппа, представляющая собой странствующую семью, искусство одной или нескольких дисциплин которой передаётся из поколения в поколения. Шоу чаще всего проводится в форма-

те гастрольных палаток (мобильная быстро возводимая разборная каркасная конструкция с брезентовым верхом, в которой проводятся цирковые представления, также их называют шапито или тент), состоящих из акта за актом, обычно включая, среди прочего, выступления с домашними и (или) дикими животными. Действия обычно заранее predeterminedены, что оставляет мало места для импровизации». При анализе международного акта сразу заметна граница отличий с модернизированным цирком, существующая в настоящем времени. Генеральный директорат видоизменяет дефиницию от 2010 года, учитывая обстоятельства, и закрепляет, что «современный цирк часто ориентирован на повествование в своем представлении, имеет художественный подход к выступлениям, и его шоу, вероятно, разрабатываются коллективно, часто используя артистов в качестве авторов спектаклей или исполнителей. Современные цирковые труппы часто выступают в театрах, общественных центрах и на фестивалях (в помещении или на открытом воздухе) и обычно включают в себя многожанровые постановки, которые пересекаются с другими дисциплинами исполнительского искусства, такими как театр, танцы, изобразительное искусство, музыка и новые виды искусства, новые технологии».

Концепция развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 года, одобренная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 02 апреля 2012 № 434-р (с изменениями на 13 декабря 2017) [12] даёт следующие определения:

«цирковое дело» – организационно-экономическая система, обеспечивающая осуществление цирковой деятельности;

«цирковая деятельность» – деятельность, направленная на создание и (или) показ произведений циркового искусства;

«цирковое искусство» – вид исполнительских искусств (наряду с театральным и музыкальным), отличающийся дивертисментным характером, предусматривающий демонстрацию силы, ловкости и смелости, а также необычного и смешного;

«жанры циркового искусства» – исторически сложившиеся группы цирковых номеров, эстетически близких между собой и имеющих общий функциональный признак (акробатика, атлетика, гимнастика, дрессура, жонглирование, иллюзия, клоунада, пантомима, эквилибристика);

«цирк» – обобщённое наименование всех видов зрелищных номеров, аттракционов, программ, спектаклей, решаемых средствами цирковой выразительности.

Тем не менее, это недостаточные интерпретации для налаживания надлежащей государственной политики и государственного управления в названной сфере.

Документом, который помог бы актуализировать и привести к пониманию в современных условиях дефиниции, связанные с цирковой сферой, является проект Распоряжения Правительства «Об утверждении Стратегии развития циркового искусства в Российской Федерации на период до 2035 года» [13]. Данный проект бы послужил уникальным нормативно-правовым актом, который бы включал все основные определения в рассматриваемой области, а именно:

1) Цирковое искусство – вид исполнительских искусств (наряду с театральным и музыкальным), отличающийся трюковой составляющей и предусматривающий демонстрацию силы, ловкости и смелости, а также необъяснимого, необычного и/или смешного.

2) Цирк – обобщённое наименование всех видов зрелищных номеров, аттракционов, программ, спектаклей, решаемых средствами цирковой выразительности; специальное зрелищное сооружение, являющееся сценической площадкой, с куполообразным покрытием и манежем, предназначенное для создания и (или) показа цирковых произведений.

3) Творческие (креативные) индустрии – особый сектор экономики, основанный на продаже товаров и услуг, являющихся результатом интеллектуальной деятельности.

4) Цирковая индустрия – сектор экономики исполнительских искусств, представленный совокупностью хозяйствующих субъектов, задействованных в производстве и реализации циркового продукта.

Анализ законодательных актов Российской Федерации показывает, насколько неполноценно раскрыт термин «цирковое искусство» на государственном уровне. Проект Распоряжения Правительства «Об утверждении Стратегии развития циркового искусства в Российской Федерации на период до 2035 года», в своём роде уникальный для рассматриваемой сферы, который бы определил сущность понятий, относящихся к цирку и цирковому искусству, по настоящее время так и не вступил в силу. Соответственно, государственная культурная политика может быть несовершенна в своей реализации, так как недостаточное понимание объекта ведёт к расфокусированию, подбору малоэффективных инструментов, направленных на развитие рассматриваемой сферы культуры.

Следует понимать, что видовое многообразие циркового искусства очень и очень велико. Что тоже накладывает определённые сложности на государственное управление в этой сфере.

Как и любая система, внутри которой есть множество элементов, находящихся в тесной взаимосвязи между собой, цирк, цирковое искусство, имеет классификацию своих составляющих частей, которые связаны между друг другом и представляют единую и целую сферу культуры. Цирковое искусство подразделяется на жанры. Количество жанров достаточно обширное, нужно отметить, что такого многообразия жанров не существует в других видах искусства. Каждый из них имеет свои выразительные средства, к примеру: трюки, реквизит, специфические художественные приемы, стилистические признаки, характеристику исполнения. Без четкого определения классификации жанров циркового искусства невозможно развивать отрасль, прежде всего, внутри страны, и тем более ставить внешнеполитический курс на сохранение межгосударственного взаимодействия с другими государствами. Сущность данного понятия раскрывается через цирковой номер, так как именно в номере аккумулируются основные черты жанра, вследствие чего существует необходимость в том числе самостоятельного определения понятия «номер».

Национальный коллективный договор для компаний частного сектора исполнительских искусств [14], утверждённый Приказом генерального директора Министерства труда Франции 7 июня 2013 года, и подписанным Федерацией компаний, посредников и независимых исполнительских структур, а также Национальным союзом Мюзик-Холлов, Кабаре и мест творчества, закрепляет дефиницию «Цирковое шоу», где «это живое зрелище, состоящее из последовательности номеров или трюков с использованием одной или нескольких из следующих дисциплин: акробатика; жонглирование; эквилибристика (жанр циркового искусства, подразумевающий способность артиста удерживать равновесие при неустойчивом положении тела); воздушная гимнастика; клоунада и бурлеск (произведение, сочетающее в себе театральные, музыкальные и цирковые элементы, отличительной чертой которого является выражение серьезного сюжета путем юмора и несоответствующих образов, откровенных костюмов); иллюзия (жанр циркового и эстрадного искусства, который демонстрирует ловкий трюк, обманывающий зрение, основанный на быстроте движений, на знании закономерностей, показывающий загадочность и нелогичность, но при этом достоверность и реальность), дрессура животных.

Ниже представлена наша авторская классификация моделей и форм цирков и циркового искусства:

- 1) по форме собственности:
 - 1.1) государственный;
 - 1.2) частный;

- 2) по формату спектакля:
 - 2.1) традиционный цирк (классический);
 - 2.2) сюжетно-ориентированный цирк (современный);
- 3) по основанию этнокультурно-ориентированной жанровой привязки:
 - 3.1) китайский (например, «Chime-Long International Circus»);
 - 3.2) итальянский (например, «Circo Moira Orfei»);
 - 3.3) российский (например, «Цирк Чинизелли», «Московский цирк Никулина», «Большой Московский государственный цирк»);
 - 3.4) японский (например, «Kinoshita»);
 - 3.5) швейцарский (например, цирк «Roncalli»; цирк «KNIE»);
 - 3.6) немецкий (например, цирк «FlicFlac»);
 - 3.7) французский (например, «Cirque d'Hiver Bouglione»);
 - 3.8) африканский (например, цирк «Mama Africa»);
 - 3.9) канадский (например, «Cirque du Soleil»);
- 4) по основанию наличия задеирования дрессированных животных в представлении:
 - 4.1) цирк с животными;
 - 4.2) цирк без животных;
- 5) по основанию стационарности / мобильности:
 - 5.1) стационарный цирк;
 - 5.2) шапито;
 - 5.3) аренда других площадок (театры, рестораны и пр.);
- 6) по месту проведения представления:
 - 6.1) на манеже;
 - 6.2) на сцене;
 - 6.3) на улице;
- 7) по числу людей-исполнителей:
 - 7.1) цирк в исполнении труппы артистов;
 - 7.2) цирк одного актёра (камерный цирк);
- 8) по основанию сочетания с гастрономическими услугами (наличия гастрономической составляющей):
 - 8.1) стандартный (без питания);
 - 8.2) вечерний цирк с ужином;
- 9) по специализации:
 - 9.1) специализирующиеся на одном цирковом жанре;
 - 9.2) общие, включающие всю цирковую жанровую палитру;
- 10) по формам:
 - 10.1) стандартный;
 - 10.2) цирк лилипутов;

- 10.3) цирк на льду;
- 10.4) цирк на воде;
- 10.5) цирк с фонтанами;
- 10.6) цирк с использованием новых информационно-визуальных технологий.

Понятно, что правовые требования к цирковому номеру фокусника радикально разнятся от таких требований к номеру с дрессированными крупными хищниками, и к номеру с акробатами под куполом цирка и т.д. Разнятся им особенности организации профессиональной подготовки цирковых артистов.

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма – ИНФРА-М, 2011. – 800 с.
2. Понкин И.В. Теория государственного управления: Учебник / Предисл. А.Б. Зеленцова. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 529 с.
3. Понкин И.В. Девиантология государственного управления: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 301 с.
4. Ponkin I.V. Public Administration Deviantology: Textbook for Master and Specialist of Public Administration programmes. – Moscow: INFRA-M, 2024. – 304 p.
5. Понкин И.В. Особенности государственного управления в области культуры // Вопросы управления. – 2014. – № 3. – С. 7–12.
6. Понкин И.В. Понятие «культура» в законах зарубежных государств // Вопросы культурологии. – 2020. – Т. XVII. – № 9. – С. 65–73.
7. Понкин И.В. Понятие «театр» в зарубежном законодательстве // Вопросы культурологии. – 2021. – Т. XVIII. – № 9. – С. 838–847.
8. Понкин И.В. Понятие «музей» в зарубежном законодательстве // Музей. – 2020. – № 8. – С. 36–42.
9. Понкин И.В. К вопросу о концепции и содержании учебника для магистратуры «Государственное управление в сфере культуры» // Вопросы культурологии. – 2021. – Т. XVIII. – № 11. – С. 1019–1030.
10. Понкин И.В. Понятия «зоопарк» и «зоопарковое дело» в российском и зарубежном законодательстве // Вопросы культурологии. – 2024. – Т. XXI. – № 2. – С. 144–153.
11. Directorate-General for Education, Youth, Sport and Culture Creative Europe EU Study report The situation of circus in the EU Member States [Отчет об исследовании «Ситуация в цирке в странах-членах ЕС» Генеральным директором по образованию, молодежи, спорту и культуры «Креативная Европа»]

ЕС] // <<https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/11bd70ea-33bb-11ea-ba6e-01aa75ed71a1>>.

12. Концепция развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 года, одобренная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.04.2012 № 434-р (с изменениями на 13.12.2017) // <<https://docs.cntd.ru/document/902339606>>.

13. Проект Распоряжения Правительства Российской Федерации (по состоянию 28.06.2023; 01/23/06-23/00139557) «Об утверждении Стратегии развития циркового искусства в Российской Федерации на период до 2035 года» // <<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=94870#du-9wbAUPINugmLh9>>/

14. Convention collective nationale des entreprises du secteur privé du spectacle vivant du 3 février 2012, Etendu par arrêté du JORF 7 juin 2013 [Национальный коллективный договор для компаний частного сектора исполнительских искусств от 3 февраля 2012 года (продлен указом JORF от 7 июня 2013 года)] / <https://www.legifrance.gouv.fr/conv_coll/id/KALITEXT000028157868?init=true&page=1&query=activit%C3%A9s+de+cirque&searchField=ALL&tab_selection=all>.

Новикова Валерия Вячеславовна,
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН НА ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПОРТАЛЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ СИСТЕМАМ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу законодательного регулирования обращений граждан в органы государственной власти, в органы местного самоуправления с возможностью использования информационно-коммуникационных технологий. На основе данного анализа выявлены основные тенденции такого подхода и его проблемные аспекты.

Ключевые слова: право, обращение, гражданин, закон, технологии, взаимодействие

«Правовое регулирование обретает научные рамки и формы, строится в стратегическом и тактическом плане на теоретико-познавательных принципах... право как нормативно-регулятивная система прочно поставлено на научные рациональные основания» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М. Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 42).

Для развития Российской Федерации как демократического и правового государства необходима коммуникация между государством и обществом. В связи с тем, что информационно-коммуникационные технологии в Российской Федерации стремительно развиваются, у ее граждан, появились новые права, которые законодательно закреплены и регулируются. Также, в Конституции Российской Федерации, а именно в ст. 33, закреплено, что «Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления»¹.

Преимущественным, в данном направлении, является внедрение и совершенствование цифровых технологий, чтобы граждане могли подавать обращения не только письменно, но и с помощью всемирной информационно-коммуникационной сети «Интернет», исключая различные риски [1, с. 52-57; 2, с. 78-82]. Наиболее удобно направлять электронные обращения именно в тот орган, в полномочия которого входит рассмотрение и принятие решения по данному обращению, т.е. подача электронного обращения на официальные порталы органов власти по информационным системам общего пользования. Последняя представляет собой «информационную систему, участники электронного взаимодействия в которой составляют неопределенный круг лиц и в использовании которой этим лицам не может быть отказано»².

Основное назначение данной технологии состоит в том, что оно «определяет качественно иной способ взаимодействия органов власти и граждан на основе активного использования информационных технологий в целях повышения эффективности государственного управления» [3, с. 121].

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6–ФКЗ, от 30.12.2008 № 7–ФКЗ, от 05.02.2014 № 2–ФКЗ, от 04.10.2022 № 8–ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

² Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

Основополагающую роль во внедрении сайтов государственных органов представляет собой федеральная целевая программа «Электронная Россия»¹, которая позволила обеспечить:

- развитие информационной инфраструктуры;
- законодательное урегулирование информационно-коммуникационных технологий нашей страны;
- возможность подключения без ограничений к открытым информационным и телекоммуникационным системам;
- открытость деятельности государственных органов перед общественностью;
- эффективные и прочные коммуникационные связи органов государственной власти с социумом.

Преимущества направления обращений граждан на официальные порталы органов власти по информационным системам общего пользования:

- сокращение затраченного времени на подачу обращения и поиск данных, которые необходимы для получения ответа на обращение (реквизитов), а также для получения государственной или муниципальной услуги;
- уменьшение материальных растрат на доставку документов в тот или иной орган;
- уменьшение вероятности того, что информация может быть утеряна;
- оказание противодействия коррупции;
- сокращение срока предоставления ответа на обращение гражданина [3, с. 120].

Деятельность информационных систем общего пользования регламентируется приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 25 августа 2009 г. № 104 «Об утверждении Требований по обеспечению целостности, устойчивости функционирования и безопасности информационных систем общего пользования»².

Порядок подачи электронных обращений, а также процессуальные требования к ответам на них, регулируются Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации» от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ³.

¹ Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 «О федеральной целевой программе "Электронная Россия (2002-2010 годы)"» // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 531.

² Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 25.08.2009 № 104 «Об утверждении Требований по обеспечению целостности, устойчивости функционирования и безопасности информационных систем общего пользования» // Российская газета. 2009, 7 октября.

³ Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

Электронное обращение по требованиям, которые к нему предъявляются, ничем не отличается от письменного обращения, что значительно упрощает деятельность органов публичной власти, в компетенцию которых входит рассмотрение, регистрация и разрешение такого обращения.

Для того, чтобы направить электронное обращение, используется специальное программное обеспечение, которое позволяет наиболее быстро и верно заполнить, в том числе, те данные, которые необходимы в обязательном порядке: фамилию, имя, отчество гражданина, подающего обращение; адрес электронной почты или почтовый адрес, в зависимости от того, в какой форме гражданин желает получить ответ на свое обращение (в электронной или письменной), об этом говорится также в ст. 7 Федерального закона от 02.05.2006 г. №59-ФЗ.

На официальных сайтах органов власти, как правило, располагаются «Личные кабинеты», в которых и предусмотрена возможность заполнения заявителем формы обращения.

Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ) – федеральная государственная информационная система, обеспечивающая гражданам, предпринимателям и юридическим лицам доступ к сведениям о государственных и муниципальных учреждениях и оказываемых ими электронных услугах¹.

В Федеральном законе от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», а именно в ст. 10 изложены требования, предъявляемые к предоставлению услуг в электронной форме, а также «необходимость предоставления возможности для подачи заявителями запросов и иных документов с использованием информационно-коммуникационной инфраструктуры, включая Портал Госуслуг и региональные порталы государственных и муниципальных услуг» [3, с. 122]. Из этого следует возможность для формирования и подачи обращений в электронной форме через портал Государственных услуг.

С 1 января 2024 г. в силу вступило Постановление Правительства Российской Федерации № 2334 «Об утверждении Правил использования федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»» для направления каких-либо обращений и сообщений². Также 1 сентября 2023 г. Федеральным законом № 480-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» была введена

¹ Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) (ЕПГУ// <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/7/> (дата обращения: 22.04.2024).

² Постановление Правительства РФ от 27.12.2023 № 2334 // СЗ РФ. 2024. № 1 (часть I). Ст. 216.

статья, которая предусматривает возможность подачи обращения через «Единый портал государственных и муниципальных услуг»¹. В таком случае, у гражданина, подающего обращение, помимо адреса электронной почты, имеется возможность указать уникальный идентификатор личного кабинета на Едином портале, на который будет получено соответствующее мотивированное решение органа власти.

Новеллой является то, что помимо официальных сайтов государственных органов, гражданин может воспользоваться возможностью осветить ту или иную проблему, предложить модернизировать какую-либо норму законодательства или закон в целом, в любой социальной сети, разрешенной на территории Российской Федерации. В дальнейшем такое обращение может привлечь на себя внимание тех органов, в компетенцию которых входит разрешение данного вопроса. Проблемным в этой области является то, что соответствующими органами не исключена возможность выборочного реагирования на поступающие обращения.

Если говорить о конфиденциальности данных при подаче электронного обращения, то можно заметить, что на многих региональных сайтах многофункциональных центров, практически отсутствует засекречивание персональных данных от посторонних лиц. В качестве конкретного примера можно взять ГБУ Курганской области «Многофункциональный центр по предоставлению государственных и муниципальных услуг». Данный сайт предусматривает удобную форму для заполнения реквизитов и основной сути обращения. Но для того, чтобы направить данное обращение в соответствующий орган необходимо согласиться с условием передачи, сформулированным следующим образом: «Я подтверждаю своё согласие на передачу информации в электронной форме обращения (в том числе персональных данных) по открытым каналам связи сети Интернет». Если отказаться от данного условия, то обращение не будет направлено. Этим выражена реальная возможность утечки персональных данных пользователя, направляющего обращение в государственные или муниципальные органы. Решением такой проблемы могут являться различные, законодательно закреплённые правила по шифрованию данных, носящих конфиденциальный характер.

Таким образом, можно сказать, что направление обращений на официальные порталы органов власти по информационным системам общего пользования на современном этапе развития Российского законодательства является актуальным, перспективным и эффективным механизмом взаимодействия государства и общества. Также данные технологии делают систему

¹ СЗ РФ. 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6212.

государственного управления «прозрачной» и дают гражданам возможность участвовать в совершенствовании общественной жизни, законодательства Российской Федерации, а также позволяют защищать их конституционные права и свободы.

Совершенствование информационно-телекоммуникационных технологий предполагает дальнейшую заинтересованность граждан в политической жизни страны. Несомненно, можно говорить об общих тенденциях данной сферы:

- значительное увеличение количества электронных обращений;
- использование гражданами для подачи обращений не только официальных электронных ресурсов, но и их аккаунтов в социальных сетях, различных цифровых платформах и др.;
- возможность предоставлять гражданам государственные и муниципальные услуги, в том числе, в электронной форме.

Список литературы

1. Новикова А.Е. Виды правозащитных рисков // В сборнике: Реализация принципов социального государства: конституционный аспект. материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Краснодар, 2022. С. 52-57.
2. Новикова А.Е. Систематизация «внутренних» правозащитных рисков: общегарантный критерий // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2 (129). С. 78-82.
3. Филонова О.И., Полякова Е.Н. Правовое обеспечение внедрения цифровых технологий в сфере электронных обращений граждан в органы государственной власти // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Том 4. № 4. С. 119-132.

Рядинская Мария Низамиевна,
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН В ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПУБЛИЧНУЮ ВЛАСТЬ

Аннотация. В данной научной статье осуществлен анализ обращений граждан в органы государственной власти и органы местного самоуправления в ракурсе направления воздействия на публичную власть.

Ключевые слова: обращения граждан, функции, публичная власть, гласность, законность, доступность.

«Каждый юрист, конечно, хорошо знает, что случайность, деструкция, нестабильность, дезорганизация, отклонения и нарушения законов, ошибки и неудачи вовсе не исключены из правовой сферы, их всегда больше, чем хотелось бы...» (Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. М.: Норма, 2007. С. 55)

Ключевым фактором успешного развития и функционирования любого демократического правового государства является строгое соблюдение принципа верховенства закона всеми членами общества, органами власти и их должностными лицами. Соблюдение указанного принципа способствует повышению доверия к государственным институтам и обеспечивает стабильность в обществе.

Представляется, соблюдение принципа верховенства закона, усиление гарантирования субъективных прав личности могут обеспечить стабильное развитие государства и общества в целом, создавая условия для укрепления демократических ценностей. На наш взгляд, этому содействует и закрепленное ст. 33 Конституции Российской Федерации¹ право граждан обращаться к

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ,

различным уровням власти по широкому спектру вопросов. Эти вопросы не ограничиваются субъективным аспектом, но также касаются получения разнообразных государственных услуг (заявления на предоставление жилья, процедуры регистрации места жительства или автомобиля, выплаты пенсий и пособий, получения лицензий, сделки с земельными участками, регистрацию прав на недвижимость и др.). Граждане могут обращаться за помощью и поддержкой в различных сферах, что является важным компонентом их конституционных прав и гарантирует доступ к необходимым государственным ресурсам и услугам.

Широк диапазон научных мнений, аргументирующих важность права обращения граждан в органы власти. Так, Л.А. Нудненко и Н.Ю. Хаманева отмечают: «правовая природа обращений граждан Российской Федерации к государственным и муниципальным органам управления имеет множество аспектов. Во-первых, гражданское право на обращение включает абсолютное, неограниченное и неотъемлемое право граждан обращаться в государственные органы и к их должностным лицам. Во-вторых, каждое удовлетворенное обращение гражданина является не только защитой его нарушенного права или законного интереса, но также исправлением проблем и прекращением нарушений. Это факт учета мнения и участия гражданина в делах региона или муниципалитета. В-третьих, поскольку право граждан на обращения отражает наиболее существенные отношения между гражданами и государственными органами, оно закреплено в Конституции РФ и имеет конституционный статус. В-четвертых, обращения граждан являются одним из институтов непосредственной демократии. И, наконец, обращения граждан в органы власти являются неотъемлемым элементом обратной связи между гражданами и органами государственной власти и местного самоуправления» [5, с. 5-6].

По мнению заслуженного юриста В.В. Гриба, в наши дни большое значение для правового статуса человека и гражданина любого демократического правового государства имеет институт обращений граждан в компетентные органы [1, с. 20-23].

Специалисты по конституционному праву в ходе научных исследований дают различные толкования праву граждан на обращение.

Так, М.В. Карасева полагает, что право граждан на обращение является конституционным и позволяет обратиться к уполномоченным на то органам для охраны своих прав и законных интересов, кроме того, выражает народ-

ное мнение и обеспечивает возможность участия граждан в управлении государством [3, с. 45].

В свою очередь, А.А. Дворак и А.П. Любимов дают более лаконичную интерпретацию. Они утверждают, что данное право представляет собой право граждан обращаться с предложениями, заявлениями, ходатайствами или жалобами в соответствующие органы, ответственные за решение данных вопросов [2, 3].

На основании приведенных определений можно сделать вывод о том, что право граждан на обращение в органы власти является важным конституционным инструментом для защиты своих прав и интересов. Это не только способ обратиться за помощью к компетентным органам, но и возможность выражения своего мнения и участия в управлении государством. Поддержание диалога между обществом и государством возможно в различных формах. Хотя в законодательстве федерального уровня описано только право обращения граждан с предложениями, заявлениями или жалобами, некоторые авторы выделяют иные формы, например, такие как ходатайства, что представляется верным поскольку имеет отражение в законодательстве субъектов и иных специальных нормативных правовых актах.

Право на обращение предполагает не только возможность реализации гражданами своих политических интересов, оказания влияния на власть путем народной правотворческой инициативы, но и возможность потребовать от органов власти различного уровня предоставления необходимых документов для установления или подтверждения каких-либо фактов, предоставления соответствующего правового статуса, а также совершения иных юридически значимых действий, непосредственно связанных с реализацией и защитой прав и свобод личности.

Как было определено К.В. Подъячевым «институт обращений граждан выполняет информационную, коммуникационную и правозащитную функции» [6, с. 12]. Автор составил свою классификацию функций, исходя из трех подходов.

Согласно первому подходу, обращения рассматриваются как информационный канал, существенный источник информации, необходимой для решения вопросов государственного и общественного строительства. Так как обращения обычно направляют граждане, у которых не получилось самостоятельно добиться решения своего вопроса, либо граждане, имеющие предложения для улучшения различных сфер жизни или законодательства. Автор подчёркивает, что данный подход является несомненно важным, так как показывает заинтересованность государства в обращениях. Руководствуясь данным подходом, К.В. Подъячев выделяет информационную функцию, роль

которой проявляется в передаче значимых данных о проблемах органам публичной власти [6, с. 12].

С точки зрения второй позиции, предложенной автором, обращения анализируются как «обратной связи», элемент коммуникационного цикла и метод влияния на решения, принимаемые органами власти. Исходя из этого, следует, что обращения граждан выполняют коммуникационную функцию посредством организации эффективного взаимодействия между обществом и государством.

Рассматривая третий подход, автор представляет обращения как правовой механизм, который позволяет гражданам осуществлять защиту своих прав. Вместе с тем, обращения представляют собой юридические факты, порождающие определенные правовые последствия, поскольку поступление обращения в различные органы обязывают их совершить определенный порядок действий, предписанных нормативно-правовыми актами. Анализируя данный подход, была названа третья функция, именуемая правозащитной, которая характеризуется гарантией защиты прав граждан. Цель данной функции состоит в предупреждении нарушений и восстановлении нарушенного или утраченного права.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что обращения граждан являются эффективным способом воздействия на публичную власть. В настоящий момент реализация гражданами своего права на обращение находится на высоком уровне, благодаря законодательному регламентированию процедуры рассмотрения обращений и закрепления таких принципов как: прозрачность, законность, равенство, доступность, беспристрастность, обязательность, своевременность и объективность. Диалог между личностью и государством представляет собой действенное средство достижения баланса интересов. Именно от качества коммуникации между обществом и государством зависит реализация прав и исполнение обязанностей всех субъектов общественных отношений и, следовательно, дальнейшее совершенствование демократических основ государственности.

Список литературы

1. Гриб В.В. Обращение граждан в органы государственной и местной власти как эффективная правовая форма воздействия на публичную власть // Юридический мир. 2010. № 12. С. 20-23.
2. Дворак А.А. Реализация конституционного права граждан на обращения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 246 с.
3. Карасева М.В. Конституционное право граждан СССР на обжалование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 148 с.

4. Любимов А.П. Гражданский лоббизм: процедуры и технологии обращения граждан. М.: Мэйн, 1998. 120 с.
5. Нудненко Л.А., Хаманева Н.Ю. Новый закон об обращениях граждан: достоинства и недостатки // Государство и право. 2007. № 3. С. 5-6.
6. Подъячев К.В. Обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления как форма гражданского участия: автореф. дис. канд. полит. наук. М.: ВШЭ, 2017. 30 с.

Свищёв Александр Александрович
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОРЯДКА РАБОТЫ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье осуществлен анализ цифровизации порядка работы с обращениями граждан в органы государственной власти. Актуальность рассмотрения этого аспекта обусловлена тем, что в современных условиях развития общества и государства использование автоматизированных систем и программ обеспечивает возможность работы с большим объемом информации при экономии времени. Информационные системы также используются как способ взаимодействия органов государства с гражданами в процессе подачи обращения, его рассмотрения, предоставления результатов рассмотрения обращений.

Ключевые слова: права человека, обращения граждан, цифровизация, автоматизированные системы, органы государственной власти

«... праву нужны новации, оно тоже переживает времена перестройки, интенсивного процесса создания новых структур, реформирования. На субъектов юридического сознания в такие периоды ложится особенно тяжкий груз ответственности за состояние правовой системы, которую, несмотря на все перестройки и новации, необходимо уберечь от разреше-

ния, сохранив преемственность в развитии правовых отношений» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 102-103).

На современном этапе развития процесс цифровизации охватил многие сферы общественной и государственной жизни. Люди все больше используют достижения научно-технического прогресса в повседневной жизни и в управленческих процессах.

Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» стал правовой основой для развития в Российской Федерации цифрового общества и пространства. Основу развития информационного общества составляет внедрение и расширение сфер использования информационных и коммуникационных технологий в государстве. Данным документом констатируется, что уже сегодня преобладающую часть управленческих систем составляют информационные и коммуникационные технологии. Указанные достижения цифровизации также используются в повседневной жизни человека. Развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления определено в качестве одной из ключевых целей реализации Стратегии¹. Таким образом, изложенные аргументы и обозначенные цели были положены в основу национального стратегического развития информационного общества в Российской Федерации.

В рамках настоящей статьи раскрыты особенности цифровизации порядка работы с обращениями граждан в органы государственной власти.

Основу правового регулирования гарантий обеспечения конституционного права граждан Российской Федерации на обращение составляет Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»².

О наличии элементов цифровизации в современном процессе реализации конституционного права граждан Российской Федерации на обращения свидетельствует возможность направления обращений в форме электронного документа. В частности, ст. 4 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» предусматривает равнозначность письменных обращений и обращений, поданных в форме электронного документа; ст. 5 конкретизируя права граждан

¹ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» (ред. от 09.05.2017 г.) // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

² Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023 г.) // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

при подаче обращений, устанавливает, что дополнительные документы, предоставленные к обращению, также могут иметь электронную форму; п. 3 ст. 7 определены требования, предъявляемые к обращению в форме электронного документа; ст. 10 позволяет органу, рассматривающему обращения, запрашивать необходимые для его рассмотрения документы и информацию в электронной форме у других органов государственной власти и органов местного самоуправления¹. Таким образом, изложенные нормы подтверждают, что в контексте реализации национальной стратегии развития информационного общества в Российской Федерации в законодательство об обращении граждан были включены положения, направленные на внедрение цифровых элементов в процесс работы с обращениями граждан. Между тем, в российской юридической доктрине справедливо отмечается, что закрепление права подачи обращений в форме электронного документа не повлекло конкретизацию на законодательном уровне вида и порядка такой подачи, самого процесса технологической работы с письменными, электронными и устными обращениями, в том числе при помощи автоматизированных информационных систем [3, с. 72].

Так, например, в настоящее время для работы с обращениями граждан органы государственной власти используют Единую систему идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающую информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме (ЕСИА). Единая система была создана на основании Постановления Правительства РФ от 28 ноября 2011 г. № 977². Использование ЕСИА при рассмотрении обращений граждан позволяет не только установить личность заявителя, но и фиксировать содержания его обращения. Однако в свете использования информационных систем для работы с обращениями граждан сохраняет свою актуальность проблема обеспечения информационной безопасности, то есть безопасности персональных данных, хранящихся в таких информационных системах, на что и было обращено внимание в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203.

Кроме того, в Российской Федерации органами публичной власти постепенно расширяется практика использования интернет-порталов (интернет-приемных), при помощи которых гражданин может дистанционно направить

¹ СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

² Постановления Правительства РФ от 28 ноября 2011 г. № 977 «О федеральной государственной информационной системе "Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме"» (ред. от 23.03.2024) // СЗ РФ. 2011. № 49 (часть V). Ст. 7284.

обращение в орган государственной власти. Однако актуальной проблемой использования интернет-приемных как средства дистанционного направления обращений граждан является отсутствие правил, обеспечивающих унифицированное использование интернет-порталов каждого органа публичной власти. Так, функционирующие интернет-приемные на официальных Интернет-сайтах органов государственной власти в достаточной степени отличаются между собой как по оформлению (внешнему виду), так и по функционалу. Например, С.П. Степкин по данной проблеме отмечает следующее: «Отсутствие единых стандартов оформления порталов по приему обращений граждан приводит к формулированию разных требований к подаче обращений в форме электронного документа (наличие либо отсутствие авторизации, идентификации и аутентификации, наличие дополнительных полей для заполнения, требования к количеству и объему прикрепляемых файлов, количеству символов в обращении и т. д.), что нередко вызывает недовольство граждан и делает работу с такими обращениями неудобной» [3, с.74].

Представленный анализ влияния цифровизации на порядок работы с обращениями граждан позволяет сделать следующие выводы. С одной стороны, в современных условиях использование автоматизированных информационных систем, систем электронного документооборота имеет ряд достоинств в работе с обращениями граждан. В частности, использование информационных систем позволяет оперативно получать документы и информацию, необходимые для рассмотрения обращения, автоматизировать процесс идентификации гражданина при обращении, создает возможности для дистанционного обращения гражданина без визита в органы государственной власти. С другой стороны, достигнутый уровень цифровизации деятельности, связанной с рассмотрением обращений граждан, демонстрирует, что всегда сохраняется риск утечки персональных данных граждан, сбоя в работе информационных систем, утраты информации, хранящейся в электронных базах данных [1, с. 219-224]. Кроме того, государство до настоящего времени не успело справиться с резким потоком трансформации в работе с обращениями граждан, потому не унифицированы требования, предъявляемые к техническим и визуальным аспектам работы интернет-приемных органов государственной власти, что создает неудобство в их использовании. В этой связи, по обозначенным проблемам актуализирована работа в правовом поле.

Список литературы

1. Новикова А.Е. Минимизация правозащитных рисков в России: социокультурный аспект // В сборнике: Пятые Юридические чтения. сборник статей. 2018. С. 219-224.
2. Новикова А.Е. Риск-фактор в правовом подзаконном регулировании современной России // В сборнике: Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Юридического института НИУ «БелГУ». 2018. С. 96-99.
3. Степкин С.П. Цифровая трансформация обращений граждан с использованием современных информационных технологий // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 4. С. 72-82.

Советкина Алина Александровна,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ПОВОДУ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН

Аннотация: Актуальность исследования конституционно-правового регулирования и особенностей взаимодействия государственных органов по поводу обращения граждан связана с тем, что от эффективности взаимодействия государственных органов зависит качество реализации конституционного права граждан на обращение. Целью настоящей статьи является выявление проблем, возникающих в процессе взаимодействия государственных органов по поводу обращений граждан.

Ключевые слова: обращения граждан, право на обращение, государственные органы, проблемы взаимодействия, институт обращений граждан

«Право, устанавливая нормативную связь между фактами, не просто предлагает, но предписывает форму действий, которая должна быть при-

нята в бесспорном порядке всеми участниками юридического общения» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 536).

Одним из важных конституционных прав гражданина России является обращение индивидуально или коллективно в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33)¹. С целью обеспечения упорядочения общественных отношений, возникающих по поводу обращения граждан в публичные органы власти, а также создания гарантий реализации конституционного права на обращения, был принят Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ)².

В ст. 12 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ определены ключевые полномочия органов власти, необходимые им для обеспечения реализации конституционного права граждан на обращение.

В процессе рассмотрения обращений граждан орган государственной власти не всегда обладает всей полнотой необходимой информации, позволяющей ему исчерпывающим образом подготовить ответ на обращение гражданина. В этой связи законодатель наделил их полномочиями по взаимодействию с иными органами государственного и местного уровня [3, с. 516-524]. Основной формой взаимодействия, как следует из п. 2 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ, является запрос документов и материалов в других государственных органах, органах местного самоуправления и у иных должностных лиц, необходимых для рассмотрения обращения и подготовки на него ответа.

Между тем, данное положение лишь поверхностно характеризует полномочия органов государственной власти в рамках рассмотрения обращений граждан, рискованно не уточняя специфику внутреннего межведомственного взаимодействия [2, с. 79-81].

В настоящее время не приняты специальные правила, обеспечивающие конкретизацию полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления по направлению запросов в иные органы в контексте реализации п. 2 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ. Вместе с тем, от оперативности взаимодействия органа, направляющего за-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

² Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023 г.) // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060

прос о получении документов или информации, и органа, предоставляющего информацию, напрямую зависит качество подготовки ответа на обращение граждан, соблюдение требований законодательства, предъявляемых к порядку рассмотрения обращений, и как результат, – качество обеспечения реализации права граждан на обращение со стороны органов государственной власти.

Кроме того, взаимодействие на доктринальном уровне М.В. Мархгейм обосновано взаимодействием в качестве конституционного принципа, который может не только напрямую закрепляться и формулироваться, но и выводиться из смысла конституционного текста. Более того, применительно к конкретным органам власти само взаимодействие предполагает опору на определенные принципы, которые не должны нарушаться субъектами такого рода публичных взаимоотношений [1, с. 54-56]. Таким образом, значимость заявленного нами взаимодействия очевидна и с теоретических позиций, и в приданом аспекте.

С целью повышения эффективности взаимодействия органов государственной власти с иными органами власти, в том числе, в рамках подготовки ответов на запросы по поступившим обращениям граждан видится целесообразной разработка соответствующих правил, рекомендаций. Полагаем, предложенные правила взаимодействия органов государственной власти по подготовке ответов на запросы о представлении документов и информации, поданных в связи с необходимостью рассмотрения и подготовкой ответов на обращение граждан, могут учитывать основные элементы института межведомственных запросов, легализованных ст. 7.2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹. Хотя в самом Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ не содержится указания на то, что он распространяется на отношения, возникающие по поводу реализации гарантированного Конституцией России права граждан на обращения.

Однако, возвращаясь к возможностям приведенного федерального закона, отметим, что институт межведомственных запросов предусматривает срок представления ответа на запрос о предоставлении документов и информации, который не может превышать 5 рабочих дней со дня поступления запроса. Данный срок может использоваться в случае, если обращение рассматривается в общем порядке в срок, составляющий 30 дней. Однако законодательство о рассмотрении обращений граждан предусматривает и исключительные случаи, срок рассмотрения которых составляет 20 дней

¹ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 25.12.2023 г.) // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

(письменное обращение, поступившее высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) и содержащее информацию о фактах возможных нарушений законодательства Российской Федерации в сфере миграции). При необходимости направления органом государственной власти запроса в другой орган по факту указанного обращения срок исполнения запроса должен составлять менее 5 рабочих дней.

На наш взгляд, несомненным достоинством в предлагаемых правилах будет выступать возможность использования информационных систем с целью осуществления взаимодействия по поводу обращения граждан в электронной форме. Такая форма взаимодействия существенно упростит и ускорит процесс разрешения запроса о предоставлении документов и информации в рамках подготовки ответов на обращения граждан. Более того, в органах государственной власти используются программы для ЭВМ, позволяющие в автоматизированном порядке обрабатывать обращения граждан.

Таким образом, несмотря на «внутренний» характер процесса взаимодействия публичных органов власти по поводу обращений граждан, от эффективности его реализации зависит оперативность работы по подготовке ответов гражданам. В глобальном смысле – это состояние и уровень обеспечения реализации основных конституционных прав граждан Российской Федерации. В этой связи еще раз подчеркнем актуальность научной дискуссии о разработке и легализации специальных правил взаимодействия публичных властных органов по поводу обращений граждан.

Список литературы

1. Мархгейм М.В. Взаимодействие как конституционный принцип // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 54-56.
2. Новикова А.Е. К вопросу о минимизации правозащитных рисков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 1 (116). С. 79-81.
3. Новикова А.Е., Соболева М.М. Правозащитное взаимодействие полиции и общественных организаций в России // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2022. Т. 47. № 3. С. 516-524.

**Право и государство в современном мире:
состояние, проблемы, тенденции развития**
Материалы международной научно-теоретической конференции
(Белгород, 26-27 апреля 2024 г.)

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 0 лет.

Подписано в печать 16.06.2024 г.
бумага офсетная. Усл. печ. листов 17,63
тираж 100 экз. Заказ 1135

Отпечатано в типографии ООО «ГиК»,
г. Белгород, ул. Калинина, 38-А,
тел. (4722) 58-71-25

www.gikprint.ru

girichev69@mail.ru

Св-во 001071155 от 13.04.2005 г.